
Не верить. Проверять.
Круг двух лун
18+
Тея Кроу

Тея Кроу
Круг двух лун

https://litres.ru/74801557
SelfPub; 2026

Аннотация

Попасть в другой мир — уже неприятность. Оказаться там невестой принца, которого ты никогда не выбирала, — настоящая катастрофа.

Нора не собиралась менять привычную жизнь на чужой мир, полный древней магии, опасных тайн и правил, о которых никто не спешит рассказывать. Но судьба, похоже, решила иначе: теперь её будущее связано с принцем Дарианом Вереном — человеком, чья холодная улыбка скрывает куда больше, чем кажется.

Вот только Нора не привыкла покорно принимать чужие решения. А Дариан, кажется, совершенно не готов к невесте, которая задаёт слишком много вопросов, не боится спорить и упорно пытается разобраться в том, во что её втянули.

Но за дворцовыми интригами и непростыми отношениями скрывается нечто гораздо более опасное. Древние Печати, забытые тайны и сила, способная изменить судьбу целого королевства

Что, если ошибка, с которой всё началось, вовсе не была случайностью?

Что страшнее: поверить не тому или не поверить тому?

Содержание

Глава 1. Сто сорок три свадьбы и одна моя 6
Глава 2. Невеста Клятвы прибыла 29
Глава 3. Дорогая и неприятная покупка 49
Глава 4. Горы — это не метафора 73
Глава 5. Мероприятие номер сто сорок четыре 102
Глава 6. Ночная чаша 124
Глава 7. Ореховая скорлупа 146
Глава 8. Три слова под чёрным воском 173
Глава 9. Двадцать девять дней 196
Конец ознакомительного фрагмента. 215

Тея Кроу
Круг двух лун

Круг двух лун
Тея Кроу
Книга первая
Не верить. Проверять.
Оглавление
Глава 1. Сто сорок три свадьбы и одна моя
Глава 2. Невеста Клятвы прибыла
Глава 3. Дорогая и неприятная покупка
Глава 4. Горы — это не метафора
Глава 5. Мероприятие номер сто сорок четыре
Глава 6. Ночная чаша
Глава 7. Ореховая скорлупа
Глава 8. Три слова под чёрным воском
Глава 9. Двадцать девять дней
Глава 10. Горький корень
Глава 11. Десять версий
Глава 12. Первый танец
Глава 13. Нарушенный обет
Глава 14. Мост
Глава 15. Победа
Глава 16. Хроника

Глава 17. Исповедь
Глава 18. Дом
Глава 19. Вылазка
Глава 20. Пара в постели
Глава 21. Затишье
Глава 22. Письмо
Глава 23. Бегство
Глава 24. Плен
Глава 25. Рассадка
Глава 26. Клятва
Глава 27. Поле Клятв
Глава 28. Слово — ветер
Глава 29. Долг
Глава 30. Слово держит

Глава 1. Сто сорок три свадьбы и одна моя

«Клятва, произнесённая искренне, весит больше, чем корона. Клятва, произнесённая в гневе, весит больше, чем меч. Остерегайтесь произносить клятвы в одиночестве: слушатель найдётся».

— Кодекс Печатей, предисловие

В тот день я должна была выйти замуж.

Свою свадьбу я планировала так же, как сто сорок три чужие: до последней салфетки, до последней минуты, до последнего человека, которого следовало вовремя оттащить от микрофона.

Я знала, как заставить кондитера привезти торт без опоздания, как распознать потенциального дебошира среди шаферов и как незаметно отобрать бокал у свидетельницы, прежде чем та решит произнести тост, который разрушит сразу три семьи. У меня был запас в пять минут на любую катастрофу. Пять минут — не много, но достаточно, чтобы превратить хаос в мероприятие с красивыми фотографиями.

В тот день я проверила всё дважды.

И всё равно пропустила самое очевидное.

§

В двенадцать двадцать комната невесты в «Роуз-Хилле»

выглядела безупречно. Белые пионы, высокие окна, солнечные полосы на паркете. На столике — мини-сэндвичи, к которым никто не притронется. Невесты не едят перед церемонией. Подружки невесты не едят до фотографий. Я не устанавливала эти правила, но давно научилась учитывать их в смете.

Я стояла посреди комнаты в свадебном платье и в пятый раз проверяла расписание на планшете.

Двадцать шесть пунктов. Двадцать четыре зелёных, два жёлтых. Кондитер опаздывал на десять минут, видеограф жаловался на солнце. Ничего критичного. Жёлтые пункты я перечитала ещё раз. Потом ещё.

Кружево щекотало шею. Лак намертво скрепил тёмные пряди в причёске. На левой руке блестело кольцо. За последние три дня я проверяла его большим пальцем раз сто. Прикосновение к нему почему-то успокаивало.

Платье мы выбирали четыре месяца и три примерки. На последней портниха стояла передо мной на коленях, держа булавки в зубах, и спросила, нравится ли мне результат.

— Оно хорошо сидит, — ответила я.

Она вынула булавки и посмотрела на меня так, словно я только что сообщила, что собираюсь выйти замуж за манекен. Потом промолчала.

Я решила, что женщина устала. В план внесла: «Поблагодарить портниху».

Внизу квартет настраивал инструменты. Виолончель

упрямо возвращалась к одной и той же ноте. Из окна открывался вид на лужайку, где стояли сто сорок два белых стула. Проход между рядами получился на ладонь шире необходимого. Я сама настояла на этом: гостям должно быть удобно, фотографу — свободно двигаться, а невесте — не цепляться подолом за чужие колени.

Красиво. Практично. Под контролем.

— Нора, ты нервничаешь.

Тара даже не подняла головы от телефона. Моя помощница умела одновременно отвечать на три сообщения, замечать чужую ложь и находить в помещении единственную вещь, которую я забыла проверить. Двадцать девять лет, три серьги в левом ухе и талант говорить неприятную правду тоном прогноза погоды.

— Я не нервничаю. Я проверяю.

— У тебя планшет вверх ногами.

Я глянула на экран. Так и было.

Перевернула его.

— Ротация перспективы.

— Конечно. — Тара наконец отложила телефон. — Послушай. Ты сто сорок три раза говорила невестам, что они могут в любой момент остановить церемонию. Встать, выйти из зала и сказать «нет». Это правило действует не только на твоих клиенток.

— У меня всё по плану.

— Я не про план.

— А я про него.

Тара какое-то время молчала, потом вздохнула и поправила фату. Поправлять там было нечего.

— Ладно. Пойду проверю зал. Вдруг там ещё осталась хоть одна лилия.

Лилии мы убирали с самого утра: у Райана аллергия. Тара вышла, а я повернулась к зеркалу.

На чужих свадьбах в этот момент у невест обычно дрожали руки. Я отвлекала их разговором о цветах, музыке, погоде — о чём угодно, лишь бы они не смотрели на собственные пальцы. Мои руки не дрожали. Хороший знак, решила я.

Сто сорок три раза я стояла за спиной у другой женщины и говорила: «Дышите. Всё идёт по плану».

Теперь в зеркале была я. За моей спиной — пустота.

— Всё идёт по плану, — сказала я отражению.

Оно не возразило. Но и не выглядело убеждённым.

Я снова открыла план рассадки. Первый ряд: мама невесты, папа невесты, между ними — тётя Лоис. Родители развелись, когда мне было одиннадцать. С тех пор мама приходила на мои важные события как приглашённая гостья: вовремя, с улыбкой, без лишних вопросов. Уходила тоже вовремя.

Между ними я всегда сажала кого-нибудь для амортизации. В этот раз должна была быть тётя Лоис. Но из-за давления она не приехала, и вчера я заменила её большим вазоном с белыми пионами.

Вазон не вздыхает, не задаёт вопросов и не предлагает родителям наконец помириться. Иногда лучший гость — тот, кто не разговаривает.

Я оставила планшет рядом с нетронутыми сэндвичами. Открытых карманов в платье не было, а держать его весь день означало испортить фотографии. Запонки Райана лежали в бархатном мешочке, пришитом изнутри к лифу. Сто сорок три свадьбы научили меня не доверять важные вещи чужим рукам. Даже если эти руки принадлежат жениху.

Райана я нашла в служебном коридоре за полчаса до церемонии.

Жениху там делать было нечего. Я не люблю, когда люди в дорогих костюмах бродят возле тележек с бокалами и дверей кухни, откуда пахнет жареным луком. Но он прислонился к стене и выглядел вполне довольным собой.

Светлый костюм мы выбирали два месяца. Он сидел на Райане безупречно. Сам Райан улыбался той улыбкой, которую я полтора года считала своей любимой.

От него пахло кедром и чёрным перцем — одеколоном, который я подарила ему на день рождения после трёх вечеров сравнений и одного крайне неприятного разговора с консультантом в магазине.

— Мой стабильный остров, — сказал он и поцеловал меня в лоб, осторожно, чтобы не задеть причёску. — Запонки у тебя? Я же всё теряю.

— У меня.

— Вот поэтому тебе можно доверять.

Он сам отдал их мне накануне, на репетиционном ужине. «Ты у меня как сейф», — сказал тогда. Мне понравилось. Теперь, если подумать, это многое обо мне объясняло.

— Принесу за двадцать минут до выхода.

— Ты лучшая.

Он улыбнулся, но глаза у него были где-то мимо меня, чуть выше плеча. Над верхней губой блестела испарина.

Нервы, решила я. Женихи потеют. Пункт одиннадцатый в чек-листе: вода, салфетки, не комментировать.

Я одёрнула ему лацкан. Тот лежал идеально.

В этот момент мимо нас пробежала Кейси из флористической команды. Она прижимала к груди ведро с белыми лилиями. Розовый ламинированный бейдж подпрыгивал на поясе юбки.

Лилии я заметила сразу. Ведро двигалось к выходу, а не в зал. Всё правильно.

— Привет, Нора! — слишком громко сказала Кейси и исчезла за углом.

Она не посмотрела ни на меня, ни на Райана.

Райан проводил её взглядом. Потом поднял голову и принялся изучать потолок. Обычный потолок с лепниной. Ничего особенно интересного.

Я решила, что он сдерживает слёзы. На помолвке он плакал. На репетиции тоже. Мне казалось, это доказывает, что он счастлив.

Я, которая могла по одному взгляду определить, кто из шаферов начнёт драку после третьего бокала, ничего не заметила.

§

В двенадцать сорок я достала запонки из мешочка и сжала в кулаке. Нести их в кармане было невозможно — открытых карманов, напомню, не существовало. А потерять их по дороге к жениху я не собиралась.

— Двенадцать сорок, — сказала я в рацию на запястье, перепрыгивая через провод видеографа. — Запонки у меня. Жених готов. Фотограф на позиции. Тара, ещё раз проверь зал. Ни одного бутона лилии. Не хочу вытирать Райану сопли у алтаря.

— Принято, босс. — В рации послышался голос Тары. — А теперь сядь хотя бы на минуту.

— Я занята.

— Ты носишься по коридорам в платье за пять тысяч долларов, как цербер с гарнитурой.

— Это называется многозадачность.

Платье весило примерно как средневековый доспех. Килограммы кружева тянули плечи вниз, а под слоями тюля на левом бедре прятался потайной карман с моей аптечкой паники: десять английских булавок, нитка, иголка, пластырь и мини-шоколадка.

Такие наборы я готовила для каждой невесты. Свой добавила в последний момент.

Вот и вся моя вера в романтическое чудо: булавки и сахар на случай катастрофы.

Дверь в номер жениха была приоткрыта. Я толкнула её локтем — в одной руке запонки, другой я придерживала юбку.

— Райан, у нас четыре минуты до первой линии фотографий. Если ты опять заперся в туалете смотреть футбол, я…

Я замолчала.

Лучше бы это был футбол. Лучше бы это был финал Лиги чемпионов.

У окна стоял Райан Колдер. Мой будущий муж. Человек, который полтора года называл меня своим стабильным островом и иногда даже плакал, произнося это.

Его свадебная рубашка была расстёгнута почти до пояса. Девушка, которую он прижимал к подоконнику, запрокинула голову.

Несколько секунд я просто стояла в дверях.

Мозг почему-то не сразу собрал картинку целиком. Сначала отметил пиджак на кровати. Потом бутоньерку из белых роз на тумбочке — всё ещё в целлофане. Приоткрытое окно. Запах скошенной травы.

А потом — светлые волосы, собранные в растрёпанный хвост, и розовый бейдж на поясе юбки.

Кейси.

Помощница флориста. Девочка, которую я сама нашла в июне и отстояла перед Тарой.

«Берём её. У неё отличное чувство композиции».

Что ж. С чувством композиции у Кейси действительно всё было в порядке.

Запонки выскользнули из моих пальцев и упали на ковёр. Тихо звякнули — почти вежливо.

Я вдруг обнаружила, что считаю пуговицы на рубашке Райана. Четыре расстёгнуты из шести.

Мой мозг, обычно набитый инструкциями на все случаи жизни, лихорадочно перебирал варианты. Для упавшего торта был протокол. Для сломанного каблука — тоже. Для пьяной драки между родителями — целая памятка.

Для жениха, который за четверть часа до церемонии занимается сексом с сотрудницей, протокола не было.

Райан обернулся.

Его лицо изменилось мгновенно. Секунду назад он был занят совершенно определённым делом, а теперь выглядел так, будто его поймали на краже печенья.

— Нора…

Он поднял руки, сдаваясь.

— Это не то, что ты думаешь.

Часы показывали двенадцать сорок три.

Цифры оставались чёткими. Всё остальное расплывалось.

— Правда? — спросила я. Голос вышел рабочим. — Мне безумно интересно. Каким именно образом «это не то»? Ты споткнулся о ковёр, а Кейси удачно упала на подоконник, потеряв по дороге трусы?

Кейси издала короткий писк и принялась застёгивать блузку. Пальцы не попадали в петли.

Профессиональная привычка сработала раньше здравого смысла: я заметила, что воротник перекошен, и едва не шагнула вперёд, чтобы его поправить.

Непорядок в одежде. Даже сейчас.

— Нора, пожалуйста. — Райан запахнул рубашку и двинулся ко мне. — Я хотел тебе сказать.

— Когда?

— Я запутался. Всё произошло…

— Само собой?

Он поморщился.

— Ты в последнее время была такой холодной. Всё время работа, списки, звонки. Ты разговаривала со мной как с подрядчиком, а не как с будущим мужем.

Вот теперь стало по-настоящему мерзко.

Потому что в его словах была доля правды. Последние три месяца мы действительно обсуждали в основном счета, гостей и то, кто заберёт костюм из химчистки. Но подрядчиков, с которыми у меня возникали проблемы, я хотя бы увольняла лично.

Я потянулась к планшету — привычка. Когда нужно было думать, я держала что-нибудь в руках. Планшета не было. Только пустая ладонь и запонки, оставшиеся на ковре.

— То есть ты собирался рассказать мне об этом? — уточнила я. — Когда? После горячего? Или уже в первую брач-

ную ночь, чтобы я успела внести изменения в сценарий?

— Давай просто поговорим. Выпьем воды.

— Прекрасная идея. Может, ещё салфеток принести?

— Нора, там внизу полторы сотни человек. Мои родители, твои родители…

Он испуганно посмотрел в коридор.

И это оказалось последней каплей. Измена уже стояла в комнате, расстёгнутая рубашка тоже, розовый бейдж Кейси подпрыгивал где-то рядом, и всё это я пережила. А вот взгляд, брошенный в коридор, пережить не смогла.

Его волновали гости.

— Сто сорок два, — поправила я. — Тётя Лоис не приехала. Я вычеркнула её из кейтеринга.

Райан моргнул.

Он никогда не запоминал цифры. Для него сто сорок два и полторы сотни означали одно и то же: много людей, которых нужно накормить.

— И знаешь что? — продолжила я. — Объяснять им всё будешь ты. Сам.

Я отступила в коридор. Тюлевая юбка задела дверной косяк и зашуршала так, словно тоже пыталась что-то мне сказать.

— Позвони в банкетную службу. У них смена до шести. Скажи, что концепция изменилась. Шоу-программа отменяется. Жениху требуется время, чтобы застегнуть ширинку.

Взгляд упал на ковёр.

— Запонки можешь оставить себе. Они там. Мой прощальный подарок. На память о том, что ты только что просрал.

Я закрыла дверь.

Осторожно. Без хлопка.

Хлопать дверями — значит показывать, что тебя задели. А Нора Вест, слава богу, не Нора Колдер, умела держать лицо. Спина прямая. Подбородок поднят. Шаг размеренный.

Я считала шаги.

На третьем прислушалась. За дверью не раздалось ни «Нора, подожди», ни торопливых шагов.

Больше я не прислушивалась.

Мимо тележки с бокалами. Мимо зеркала, в котором отражалась невеста с прямой спиной и каменным лицом.

На седьмом шаге оно ещё держалось.

На восьмом из меня вырвался звук — что-то между всхлипом и нервным смешком. Я упёрлась лбом в стену, оклеенную обоями с розовыми цветочками.

От стены пахло пылью и клеем. Она была прохладной.

Я стояла так и смотрела на один цветок. Потом на следующий. Потом начала считать.

«Роуз-Хилл». Розовые холмы.

Я выбрала это место, потому что оно выглядело идеально. Райана — потому что он был красивым, обаятельным и умел смотреть так, будто в комнате существовала только одна женщина.

Я всегда хорошо разбиралась в красивой упаковке.

Содержимое, как выяснилось, проверять забывала.

— Нора? — затрещала рация. — Нора, ты где? Фотографы уже нервничают, жених не отвечает, гости рассаживаются. Нам пора начинать!

Я сорвала рацию с запястья так резко, что едва не содрала кожу, и швырнула её на подоконник.

Хватит.

Мероприятие окончено.

В главный зал мне было нельзя. К родителям — тем более. В комнату невесты, где подружки наверняка уже открыли вторую бутылку шампанского, я тоже не собиралась.

Я побежала по служебному коридору, мимо кухни, где шеф-повар ругался на помощников, мимо склада декораций. Официант с подносом прижался к стене.

— Мэм?

Я не остановилась.

«Мэм» говорят клиентке. А клиенткой в «Роуз-Хилле» я себя больше не чувствовала.

Запасная дверь распахнулась, и я вылетела в сад.

На ступеньках сбросила туфли. Бежать по гравию на шпильках — отличный способ сломать шею. А мне нужно было бежать. Как можно дальше.

Гравий впивался в босые пятки. Странно, но это помогало. Боль была честной. Без красивой упаковки, без обещаний и без запаха кедра с чёрным перцем.

Подол платья зацепился за ветки роз. Я дёрнула ткань, услышала треск кружева и даже не обернулась. Четыре месяца примерок. Плевать.

Фата держалась намертво. Экстрасильная фиксация хотя бы не подвела.

Я остановилась только у старой каменной ограды, в самой дальней части парка. Там, в углу, находился круг из плоских замшелых камней. Восемь шагов в поперечнике, с массивной плитой посередине.

В первый день осмотра территории я обвела его на планшете красным маркером и написала: «Ужасный круг из замшелых камней. Закрыть цветочной аркой. Фотографов не подпускать».

Хозяйка усадьбы тогда пожала плечами и сказала, что круг стоит здесь с незапамятных времён. Просто старая декорация.

Мы с девочками обмотали камни белыми пионами и поставили над входом арку. Получилось почти прилично.

Почти.

Как и вся моя жизнь до этой минуты.

Я рухнула на колени прямо в центре круга. Платье расползлось вокруг грязным кружевным облаком. Под ладонями оказался камень — холодный, шершавый, с глубокими бороздами.

Я задрала голову.

Небо было неприлично голубым. Ни облачка. Идеальная

погода для свадьбы, за которую я три месяца воевала с метеослужбами.

— Идиотка! — крикнула я.

Эхо ударилось об ограду и вернулось ко мне.

— Сто сорок три свадьбы! Я видела всё! Я могла бы написать чёртов учебник о том, как распознать лживого мужчину! Двадцать признаков, тридцать признаков — сколько угодно! И сама же возглавила бы список!

Я сглотнула.

— Женишок номер сто сорок четыре. Поздравляю организатора.

На этом голос закончился.

Я заплакала. Некрасиво, в голос. Я ревела, захлёбываясь воздухом, размазывая тушь по щекам и пачкая белый корсет.

Я не плакала так с одиннадцати лет.

С того дня, когда мама собрала чемоданы и сказала совершенно будничным голосом: «Нора, взрослые люди иногда просто устают друг от друга».

Тогда я решила, что больше никогда не позволю своей жизни развалиться без предупреждения. Всё будет рассчитано. У каждого события будет план, у каждой проблемы — решение. Никто не сможет просто взять и уйти, не предупредив хотя бы за две недели.

Мне было двадцать пять. Я стояла на коленях в свадебном платье посреди чужого сада, и меня снова оставили одну.

Я дала себе три минуты.

Привычка. Даже теперь я умудрялась засекать время.

Когда слёзы закончились, осталась злость. Холодная, собранная, почти удобная. Я перебрала последние полтора года, словно проверяла чеки после закрытия мероприятия.

Райан ни разу не опоздал. Райан плакал на помолвке. Райан называл меня своим островом. Он говорил правильные слова, делал правильные жесты, смотрел правильным взглядом.

Каждая деталь выглядела убедительно.

И ни одной из них я не проверила.

Самым унизительным было даже не то, что он меня обманул. А то, что я ни разу не попыталась выяснить, не врёт ли он.

— Всё, — выдохнула я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. — С меня хватит. Слышите? Хватит!

Горло саднило. Мне нужно было произнести это вслух. Зафиксировать, как пункт договора. Как подпись под документом, который уже нельзя отозвать. Чтобы когда Райан приползёт с букетом и отрепетированными извинениями, я не дала слабину.

Я выпрямилась на коленях, набрала воздух и сказала в пустое небо:

— Клянусь. Больше никому и никогда не верить. Ни единому существу. Ни одному слову. Клянусь!

Я ждала облегчения.

После хорошо составленного договора обычно становится

спокойнее. По крайней мере, так было всегда.

Но ничего не изменилось.

Только вдруг стало очень тихо. Настолько, что я услышала, как где-то далеко за деревьями кто-то уронил поднос.

А потом камень под ладонями потеплел.

Тепло возникло сразу, глубоко внутри, будто под землёй кто-то зажёг огромную печь.

Я отдёрнула руки.

Борозды на камнях, которые до этого казались обычными трещинами, начали светиться золотом. Сначала тускло, затем всё ярче. Тонкие линии побежали от одного камня к другому, соединяясь в спирали и угловатые знаки.

Они напоминали электрические схемы, если бы кто-то проектировал их для мира, в котором электричество ещё не изобрели.

Белые пионы над моей головой задрожали. Лепестки отделились от цветов и поплыли вниз.

Нет. Не вниз.

Они зависли в воздухе.

— Так. Нет, — сказала я и попятилась на четвереньках. — Нет-нет-нет. Это галлюцинации. У меня упал сахар. Мне срочно нужен углеводный заряд.

Руки сами нашли потайной карман на бедре. Я выудила мини-шоколадку из аптечки паники.

В этот момент воздух закрутился вокруг меня.

Деревья в саду не шелохнулись, но в центре круга поднял-

ся вихрь. Он подхватил лепестки, закружил их над камнями и ударил мне в лицо горячей волной.

Из золотого света донёсся шёпот.

Нет, не один голос. Сотни. Тысячи. Они перекрывали друг друга, звучали на незнакомом гортанном языке, то ускоряясь, то сливаясь в единый ритм. Звучало как заклинание или как отсчёт последних секунд до чего-то ужасного.

И среди этого шума я услышала своё имя.

Чётко.

— Нора…

Я замерла.

— Нора… Нора…

Голоса звучали отовсюду. Они проникали прямо под череп.

— Ребята, я на это не подписывалась! — закричала я, прижимая шоколадку к груди. — Форс-мажор! Я требую вернуть аванс и отменить мероприятие!

Земля под коленями содрогнулась.

А затем провалилась.

Меня швырнуло вверх, вбок и куда-то внутрь самой себя. На мгновение исчезло понятие верха и низа. В ушах гудели тысячи голосов, во рту появился металлический привкус, будто я лизнула медную монету.

Мир свернулся вокруг меня.

Последним, что я увидела, был «Роуз-Хилл». Розовое поместье сжималось, превращаясь в крошечную точку. Где-то

там остались Райан, мои родители, вазон с пионами вместо тёти Лоис, планшет на столике и нетронутые сэндвичи.

И трёхъярусный торт со стразами.

Сто сорок два гостя, которым теперь предстояло съесть его в полной тишине.

Потом меня ударило о пол.

Жёсткий камень выбил воздух из лёгких. Плита подо мной ещё хранила жар, а ладони уже чувствовали холод.

Я застонала.

Пахло сыростью, воском и старым дымом. Голова раскалывалась так, словно по ней проехался свадебный кортеж.

Первым делом я провела инвентаризацию. Руки на месте. Ноги, кажется, тоже. Зубы целы. Фата съехала набок, платье задралось выше колен. В кулаке всё ещё была шоколадка.

Хорошо. Хоть что-то в этой жизни можно было считать надёжным.

Я осторожно приоткрыла один глаз.

Надо мной высились каменные своды, уходящие в темноту. По стенам горели факелы. Их тени двигались по грубо вытесанному камню.

Подо мной находился круг. Тот же узор, что был в саду, только теперь он занимал огромную плиту из чёрного, антрацитового гранита. Золотые знаки гасли один за другим с сухим потрескиванием — как лампочки на старой гирлянде.

Вокруг круга стояли люди.

Очень много людей.

На них были тяжёлые мантии цвета засохшей крови. У некоторых из-под ткани виднелись части доспехов. Мужчины носили длинные бороды, на шеях поблёскивали железные цепи.

И все смотрели на меня.

С выражением, которое я хорошо знала по лицам администраторов ресторанов, когда кто-нибудь уходил, не оплатив счёт. Внимательно. С тревогой. И с робкой надеждой, что сумма окажется не такой большой, как они предполагают.

У меня было три версии происходящего.

Первая: розыгрыш. Слишком дорогой, чтобы быть смешным.

Вторая: сотрясение мозга. Тогда всё это просто мой бред, зато бесплатный.

Третья: постановка. Кто-то потратил деньги на настоящие факелы и каменный зал. Бюджет явно превышал тот, который я когда-либо одобрила бы.

Я со стоном приподнялась на локтях, поправила сползшую на нос фату и постаралась придать голосу максимально деловой тон. Получилось не идеально. Но после падения из неизвестности я считала это достойным результатом.

— Добрый день. Кто здесь отвечает за это мероприятие? Кому жалобу писать?

Старик в центре толпы медленно открыл рот.

Из него вырвался поток шипящих звуков. Я нахмурилась. Слова были незнакомыми, но почему-то постепенно начали

складываться в смысл. Словно кто-то переводил их прямо у меня в голове, пользуясь очень плохим интернетом.

«Невеста… Клятвы… Она пришла…»

Я не успела спросить, что это значит.

Вся толпа разом опустилась на колени.

Сотня людей. Одновременно. С глухим стуком, от которого звук прокатился под сводами.

Синхронность была впечатляющей. Я невольно оценила её как организатор: такой эффект не достигается без репетиции. И, судя по всему, репетировали они давно.

Я обвела взглядом склонённые головы. Потом — на шоколадку, расплавившуюся в моей ладони. Затем — на пустое запястье, где больше не было рации.

Планшета тоже не было.

Зато имелись факелы, бородатая толпа и люди, которые почему-то решили поклониться мне.

— Замечательно, — сказала я в наступившую тишину. — Просто потрясающе.

Я перевела взгляд на старика.

— Райан, урод ты этакий, ты хотя бы торт с банкета забери. Не зря же я за начинку переплачивала…

Глава 2. Невеста Клятвы прибыла

«Печать не спрашивает, готов ли ты. Печать спрашивает лишь одно: сдержишь ли ты слово».

— Хроника Кайвара, свиток первый

Когда сотня незнакомцев в багровых одеждах одновременно падает перед тобой на колени, вариантов, в общем-то, немного. Либо ты случайно возглавила культ, либо тебя собираются принести в жертву. Возможно, сначала накормят. Впрочем, я бы предпочла культ: с религиозными фанатиками хотя бы можно обсудить выходные.

Я попыталась пошевелить ногами. Под слоями испачканного тюля колени дрожали, ступни давно потеряли чувствительность, а тело всё ещё не могло решить, закончилось ли путешествие сквозь пространство или меня просто очень неудачно приложило о реальность. В кулаке таяла шоколадка — последняя вещь, которая связывала меня с нормальной жизнью.

Холод каменных плит пробирался сквозь платье. Я с трудом села, придерживая сползшую набок фату. Если уж мне суждено умереть в каком-нибудь средневековом подземелье, то хотя бы не с куском ткани на лице.

— Так, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал как на планёрке. — Давайте все поднимемся. Пол ледяной. У вас, наверное, колени болят, у меня, кажется, трещина в копчике

и острый дефицит глюкозы. Никто никому ничего не должен. Встаём, господа.

Никто не двинулся.

Сотня лиц смотрела на меня из-под тяжёлых капюшонов и седых бровей. По их выражениям было понятно: мои слова они слышат, но смысл до них добирается с большим трудом. Будто кто-то пропустил фразу через переводчик, потом ещё через три, а в конце встряхнул всё это в бочке с гравием.

Слева раздался тихий, ровный скрип.

Перо.

Я повернула голову, но среди склонённых фигур не заметила ничего подозрительного. Решила, что звук отдаётся откуда-то из каменных стен. Сейчас у меня были проблемы поважнее.

Старик, стоявший ближе всех, нахмурился и бросил через плечо короткое слово. Толпа зашевелилась. Тяжёлые ткани зашуршали, сапоги заскользили по плитам. Люди начали подниматься, один за другим, по невидимой команде. Только двое стражников у дверей остались на месте. Они выпрямились и положили ладони на рукояти мечей.

Я поджала босые пальцы. Отлично. Значит, вооружённая охрана здесь всё-таки предусмотрена.

Старик подошёл ближе. На его груди висела массивная железная цепь — звенья толщиной с мой большой палец. При каждом шаге они тихо ударялись друг о друга. Он был сухощавым, с глубоко запавшими глазами и седыми волоса-

ми, собранными на затылке. От него пахло холодным металлом, пылью и чем-то горьким, вроде старых трав.

Он заговорил, тщательно выталкивая слова со дна глубокой воды.

— Вы… Та, Что Пришла. На Высокий Зов… Круга. Я — Тэйрон. Хранитель. Печатей. Кайвара.

Я моргнула. Потом ещё раз.

— Нора. — Я машинально протянула руку для рукопожатия, но вспомнила о размазанной шоколадке в ладони и неловко опустила её на колено. — Нора Вест. Организатор мероприятий. Свадьбы, юбилеи, корпоративы под ключ. Визитки, к сожалению, остались в другом измерении. Но если найдётся клочок бумаги, я могу записать контакты.

Тэйрон склонил седую голову почти до цепи на груди.

— Расставляющая… Праздничные… Столы, — произнёс он, осторожно пробуя слова. — Древнее. Великое. Почётное… ремесло.

— Вы даже не представляете насколько, — пробормотала я.

Паника понемногу уступала место раздражению. Оно было привычнее и, в отличие от паники, хотя бы позволяло думать.

Тэйрон явно не понял ни слова о корпоративах и юбилеях. Но на его лице появилась мягкая, почти снисходительная улыбка. Я знала эту улыбку. Ею обычно награждали сотрудника, которому собирались поручить ещё одну бесплатную

смену.

— Так. Давайте проясним логистику, — сказала я, глубоко вдохнув. — Где я нахожусь? Как называется этот регион? Страна? Это какой-то очень дорогой и пугающе реалистичный квест? И как отсюда позвонить? Мне нужно связаться с родителями. Или хотя бы с кем-нибудь, у кого есть связь.

Слово «позвонить» произвело эффект, которого я никак не ожидала.

Тэйрон застыл. Затем он резко повернулся к кому-то за колоннами и махнул рукой.

Через полминуты в зал вбежал мальчишка в балахоне, который был ему явно велик. Он запыхался, едва не споткнулся о край ткани и тащил обеими руками бронзовый колокол размером с садовое ведро.

Я ещё не успела спросить, что он затеял, а мальчик уже поднял железную колотушку и ударил по колоколу.

БАНГ!

Звук ударил по ушам и разлетелся под сводами. Каменный зал отозвался всем телом: гул прокатился по стенам, вернулся эхом и на миг заглушил даже собственные мысли. Стражники вскинули мечи. Один из бородатых лордов присел, закрыв голову руками. Я зажала уши и зажмурилась, пока перед глазами не поплыли цветные пятна.

— Нет! — заорала я, когда звон наконец начал стихать. — Прекратите этот дурдом! Не надо бить в колокол! По-звонить! С мо-биль-но-го те-ле-фо-на!

Слово «телефон» повисло между нами беспомощным набором звуков. Для них оно, похоже, звучало как название неизвестного чудовища или особо неприятного проклятия.

Мальчишка прижал колотушку к груди и взглянул на меня с выражением мастера, чей лучший трюк только что отвергли. Я ответила ему тем же.

— Ладно. Забудьте. Отбой мероприятия, — пробормотала я и попыталась подняться.

И тут заметила его.

У дальней стены, отдельно от остальных, стоял худой мужчина в мантии цвета чернил. Он держался неестественно прямо, и позвоночником ему, судя по всему, служила стальная линейка. В левой руке он держал узкую чёрную книгу, в правой — длинное стальное перо. На пальцах темнели въевшиеся чернильные пятна, которые не отмыть и за несколько часов с мылом.

Люди кланялись, а он стоял. От колокола присел бородатый лорд, а он даже не моргнул. Когда я заорала на весь зал, он дослушал меня до конца, не изменившись в лице. И всё это время смотрел на меня.

Не как на женщину, внезапно свалившуюся с потолка в свадебном платье. И даже не как на чудо. Скорее как на задачу, ответ к которой он давно искал и наконец получил.

Перо двигалось по странице, хотя мужчина ни разу не опустил глаз на книгу.

Я решила проверить догадку.

— Нора Вест, — произнесла я негромко.

Перо дёрнулось.

Вот и отлично. В этом месте, похоже, даже стены могли доносить.

Я мысленно внесла в несуществующий планшет пометку: «Подозрительный тип. Не спускать глаз». Моя клятва никому не верить неожиданно оказалась очень удобной. Подозревать можно было всех сразу. Проблема заключалась в том, что я пока не умела отличать настоящую угрозу от местной нормы поведения.

— Зачем вы меня сюда выдернули? — спросила я Тэйрона, наконец выпрямившись и отряхивая грязный подол. — Только честно. Пожалуйста. Без «воли богов», предназначения и высших сил. Мне нужны факты.

Старик долго не отвечал. Он перебирал звенья цепи, и металл тихо постукивал о металл.

— Круг, — наконец сказал он и указал на гранитную плиту у нас под ногами. — В вашем… саду. Дом. Узел. Спящий.

Он замолчал, подбирая слова. Я физически ощущала невидимую дверь между нами: она медленно открывалась и закрывалась, пропуская наружу по одному слову.

— Спал. Много… веков. Узел спит, пока не слышит… клятву. Одну. Правдивую. В сердце кольца. Когда душа — пустая. И слово — без лжи.

Я попыталась собрать его объяснение в нечто связное. Круг в моём свадебном саду был частью какой-то сети.

Спящим узлом. Чтобы разбудить его, требовалась искренняя клятва, произнесённая в центре кольца. Клятва, сказанная тогда, когда внутри человека не осталось ничего, кроме правды.

«Клятва». Это слово я сегодня уже произносила.

Я снова увидела гостиничный номер жениха. Расстёгнутую рубашку Райана. Светлые волосы Кейси. Розовый бейдж на её юбке. Его жалкое лицо. Гравий, впивавшийся в босые пятки, и кружево, которое я рвала, пробираясь через розовые кусты.

Я вспомнила: рухнула на колени посреди каменного круга и выплюнула в безупречно голубое небо слова, которые хотела сделать последним обещанием самой себе.

«Клянусь. Больше никому и никогда не верить. Ни единому существу».

— Я… была расстроена, — сказала я. Голос вдруг стал тоньше. — Это была фигура речи. Метафора. Эмоциональный всплеск. Вы же понимаете?

Тэйрон нахмурился. Слово «метафора» явно не прошло через его внутренний переводчик.

— В Кайваре… нет «как будто», — медленно произнёс он. — Нет… образа речи. Есть — сказанное. Кодекс говорит: «Не клянись… один. Слушатель… найдётся». В этот день, госпожа Нора, мы — ваш слушатель. Наш зов… ваша сила. Совпали.

Я оглядела зал.

Сотня суровых мужчин и женщин в багровых одеждах. Бороды, железные цепи, оружие. И все они только что стали свидетелями моей истерики. Слышали, что я рыдала из-за жениха-предателя, орала в пустоту и обещала никогда больше никому не верить.

Мне не было так стыдно со времён моего первого крупного контракта. Тогда я перепутала радиомикрофоны и на весь банкетный зал сообщила генеральному директору, что его юбилейный торт — сухой кусок дерьма. Но даже это было не так плохо: торт хотя бы действительно оказался отвратительным.

— Великолепно, — сказала я, глядя на шоколадную кашицу в ладони. — Просто замечательно. А можно удалить эту запись? Отменить подписку? Повернуть ритуал вспять?

— Простите? — переспросил Тэйрон.

— Ничего. Не берите в голову.

У дальней стены перо на миг остановилось. Потом снова заскользило по странице.

Тэйрон сделал шаг ко мне. Его суровое лицо немного смягчилось.

— Вы… можете верить, госпожа Нора. Кайвар… зла не желает. Нам нужна… ваша помощь.

Я уже собиралась ответить что-нибудь привычное — «ладно», «посмотрим», «давайте сначала разберёмся». Что угодно, лишь бы выиграть время.

Но стоило мне подумать о том, чтобы принять его слова

за правду, и под рёбрами вспыхнула ледяная боль. Она прошила грудь насквозь сосулькой. Я не смогла вдохнуть. Слова застряли в горле.

Клятва не позволяла мне даже притвориться, что я ему верю.

— Я… вас не знаю, — выдавила я, хватая воздух.

Боль исчезла так же резко, как появилась. Осталось лишь лёгкое покалывание под рёбрами.

Любопытно. Честное «не знаю» не причинило мне вреда. Боль вызвала сама попытка изобразить доверие.

Тэйрон понимающе кивнул. Я кивнула в ответ и изобразила, что всё в порядке: обычное дело, стресс плюс недостаток завтрака.

Мужчина с пером чуть наклонил голову и записал несколько слов, так и не взглянув на страницу.

— Нас ждут, — сказал Тэйрон. Он указал на дубовые двери в дальнем конце зала. — Король желает… немедленно видеть. Ту, Что Пришла.

— Король. Великолепно. — Я поправила фату и сделала первый шаг. — Хоть один человек в этом заведении официально возглавляет процесс. Ведите.

§

Мы вышли в коридор.

И очень скоро я поняла, что архитектор этого замка ненавидел людей. Возможно, лично. Возможно, всех без исключения.

Каменные плиты под ногами были неровными, с выбоинами и выступами. Я то и дело цеплялась босыми пальцами за края, а тяжёлый подол мешал видеть, куда ставить ноги. Сквозняки гуляли по коридорам, забирались под ткань платья и холодили кожу. Узкие винтовые лестницы закручивались в тугие спирали. На крутых пролётах не было перил.

Я заглянула вниз в один из каменных колодцев и решила больше этого не делать. Одного неверного шага в свадебном платье хватило бы, чтобы закончить путешествие по этому миру раньше, чем я успела выяснить, где нахожусь.

В бойницах мелькали горы. Их вершины ловили низкое солнце и отливали тусклым золотом, а склоны ниже тонули в синей тени. Ветер приносил запах дыма, смолы и чего-то хвойного. От него хотелось представить, что где-то поблизости горит камин, а не факел в очередном коридоре, ведущем неизвестно куда.

Место было чужим до последнего камня. Диким, суровым, неудобным. И при этом — пугающе красивым.

Мой внутренний организатор, по обыкновению, не мог удержаться от оценки площадки. «Роскошная локация для исторического тимбилдинга. Если убрать факелы, зловещие мантии и ощущение, что меня ведут не на экскурсию, а на эшафот».

На широком подоконнике перед очередным поворотом сидел лис.

Я остановилась.

Зверь был крупный, с густой рыжей шерстью, яркой, огненной в полумраке коридора. Свет из бойницы ложился на его спину медными бликами. Он повернул голову на звук моих шагов и уставился прямо на меня.

Взгляд был странно осмысленным. Оценивающим. Так смотрел на мою смету один подрядчик по свету: уже решил, что сумма завышена, и теперь прикидывал, на чём можно заработать.

Лис лениво зевнул. В пасти мелькнули мелкие острые зубы. Потом он бесшумно спрыгнул с подоконника и исчез в глубокой тени за выступом стены.

— Вы… вы это видели? — спросила я, ткнув пальцем в пустой подоконник.

Тэйрон обернулся.

— Что именно, госпожа?

— Ничего. Галлюцинации от стресса. — Я сжала кулаки. — Прекрасно. Теперь я ещё и сходящий с ума свадебный координатор.

§

Тяжёлые двустворчатые двери тронного зала распахнулись с протяжным скрипом.

По привычке я начала оценивать помещение ещё раньше, чем успела толком его рассмотреть.

Около ста двадцати человек. Два выхода — и ни одного запасного. В случае паники здесь случится давка, а потом братская могила. Расстановка придворных по статусам тоже

оставляла желать лучшего. Хмурый бородач в зелёном кафтане стоял слишком близко к трону, а женщина в золотой парче оказалась зажата у дальней колонны. Судя по её пунцовому лицу, ей было жарко, тесно и совершенно не по душе собственное положение.

Кто бы ни отвечал здесь за протокол и логистику, его следовало уволить. Сегодня. Без выходного пособия.

У боковой колонны, почти скрытый тенью, стоял тот самый чернильный мужчина с книгой. Как он успел обогнать нас, я не поняла.

Я подняла голову — и перестала считать.

По стенам, колоннам и высоким сводам тянулись светящиеся линии. Золотые и бледно-голубые нити переплетались, уходили под камень, вновь появлялись на поверхности. Они напоминали кровеносные сосуды под кожей огромного существа. Только этому существу было больно.

Свет пульсировал неровно. Одни линии вспыхивали и гасли, другие едва теплились, не удерживая собственного сияния. Некоторые участки сети почернели, оставив на граните обугленные следы. У дальней стены центральная колонна была рассечена трещиной от пола до самого свода. Из неё тянуло таким холодом, что я невольно поёжилась.

— Печати… — тихо произнёс Тэйрон.

В его голосе было столько скорби, что я повернулась к нему.

— Они… умирают, госпожа Нора. Сеть. Нашего мира. Ис-

тончилась.

Я снова перевела взгляд на светящиеся нити. Теперь они казались не украшением и не магическим узором, а чем-то жизненно важным. Чем-то, что удерживало весь этот замок — а может, и весь мир — от распада.

На высоком каменном троне сидел человек, которого можно было назвать королём лишь из вежливости.

Древняя золотая корона казалась слишком тяжёлой для его иссохшей головы. Серая кожа плотно облегала череп, глаза были закрыты, а пальцы на подлокотниках напоминали сухие ветви. Он не шевелился. Только слабое дыхание выдавало, что перед нами ещё живой человек.

Справа от трона стоял пустой массивный стул из тёмного дерева. Я почему-то сразу поняла, что он предназначен не для меня.

— И это… великая Невеста Клятвы? — раздался справа женский голос. Я обернулась, не дослушав: презрение в нём сквозило ленивое, хозяйское. — Древний Круг, похоже, окончательно выжил из ума. Это просто перепуганный ребёнок в погребальном саване.

Слово «саван» я запомнила.

У колонны стояла женщина лет тридцати пяти. Короткие волосы, почти мужская стрижка, резкие черты лица и старый глубокий шрам, пересекавший левую скулу. На ней были кожаные доспехи, потёртые и исцарапанные: прочность их не раз проверяли в бою.

Моя спина выпрямилась сама собой. Я разозлилась на неё за эту самостоятельность.

— Мне двадцать пять, женщина, — отчеканила я, оглядев её с ног до головы. — И это не саван. Это Vera Wang. Подиумная коллекция.

Название бренда явно не помогло. Женщина не шелохнулась.

— Вера Ванг? Покровительница погребальных обрядов в твоём мире?

— Покровительница предпраздничных скидок и предсвадебной истерии. Но в целом вы близки, — отрезала я.

— Это генерал Сейра, — быстро вмешался Тэйрон. Кажется, он почувствовал: между нами натягивается струна. — Главнокомандующая всей армией Кайвара.

Сейра даже не повернула головы в его сторону. Она обвела взглядом притихший зал и громко, с явным удовольствием произнесла:

— Если эта девчонка грохнется в обморок от страха, ставлю три золотых, что случится это до ужина. Кто хочет бить со мной руками?

Про «бить руками» переводчик явно промахнулся, но суть ставки до меня дошла. Я шагнула к ней прежде, чем успела подумать, стоит ли.

— Лучше поставьте на то, что я доживу до ужина и выскажу вашему шеф-повару всё, что думаю о здешней атмосфере. Я ещё не завтракала, так что падать в обморок пока

не планирую.

Слова снова прошли через их странный переводчик. По залу пробежал шёпот, в котором я разобрала обрывки: «съест», «завтра», «день». Один лорд торопливо коснулся железной цепи на груди. Женщина в золотой парче прикрыла рот веером.

Похоже, я только что пообещала сожрать завтрашний день.

Сейра коротко хмыкнула. Я так и не поняла, сочла ли она это смешным или просто отметила, что потенциальная жертва не собирается падать без сопротивления.

В этот момент король открыл глаза.

Они оказались неожиданно ясными. Пронзительно-голубыми, выцветшими, как старая джинса после сотни стирок, но всё ещё живыми. Он долго смотрел на меня, не мигая. В его взгляде не было ни удивления, ни страха. Только усталое ожидание: долг давно списан, а он всё равно пришёл взглянуть, не вернули ли.

Потом его взгляд опустился на грязный подол моего платья, задержался на шоколадке в кулаке.

— Дитя… — Его голос звучал неровно, с провалами, из-под толщи воды. — Наши Печати… угасают. Осталось… сорок дней. Всего сорок дней. А потом… они падут. И придёт тьма.

— Сорок дней до чего именно? — спросила я. — Мне нужен чёткий срок и конкретный результат. Что произойдёт?

— До… уничтожения, — ответил вместо короля Тэйрон. Его голос дрогнул. — Печати питаются… клятвами. Королевской крови. Короля — мало. Крови мало. Один… не удержит. Вельдар давит. Нужна пара. Наследник — и Невеста. Клятва двоих. Только ваше… искреннее слово… запустит руны. Заново.

Я слушала и кивала — так же, как киваю на первом брифинге клиенту, который ещё не назвал бюджет, но уже требует невозможного к пятнице.

Потом в услышанном сложились два слова.

Невеста.

Пара.

Мне очень не понравилось, что они стояли рядом.

— То есть, — произнесла я медленно, стараясь не пропустить ни одного слова, — вы хотите, чтобы я вышла замуж? Здесь? За вашего принца-наследника? И у нас на всё сорок дней?

— Именно так, Невеста, — подтвердил Тэйрон. Он смотрел на меня с тихой надеждой: ответ он, судя по всему, знал заранее. — Лучше… раньше. Если можно. Время против нас.

Я рассмеялась. Коротко и звонко — тем самым вежливым смехом, которым когда-то встретила клиентку, попросившую перенести банкет на триста человек на сутки раньше, потому что ей так «нашептали звёзды».

— Нет. Исключено. Простите, господа, но сегодня я уже

была невестой. Один раз в день — мой законодательно утверждённый лимит. Следующая запись на бракосочетание возможна не раньше следующего квартала. И то только через моего личного менеджера, которого у меня, кстати, теперь нет.

В зале никто не улыбнулся.

Все смотрели на меня так, будто я отказалась отдать им собственное сердце. Король бессильно закрыл глаза.

И тут у дальней стены раздался сухой щелчок.

Новая трещина побежала по камню ровным порезом. С потолка посыпалась мелкая крошка.

— Невеста Клятвы… — тихо произнёс Тэйрон.

Впервые это прозвучало не как титул из старой легенды. В его голосе больше не было торжественности. Только мольба.

— Мы не требуем… Мы умоляем. Вас. У нас… нет выбора.

Я сглотнула. К горлу снова подступила тошнота.

— Мольбы я сегодня уже слышала, — сказала я хрипло. — Не уверена, что мне понравился этот опыт. Ищите другую невесту.

Тяжёлые дубовые двери за моей спиной распахнулись с грохотом.

Зал замолчал мгновенно.

Ещё секунду назад здесь шептались, переговаривались, шуршали одеждой. Теперь не осталось ни единого звука. Сто двадцать человек не шевелились. Придворные склонились

так глубоко, что звякнула чья-то цепь. Даже Сейра опустила подбородок и перестала усмехаться.

В тени у колонны мелькнул рыжий хвост — и исчез.

— Прошу прощения за опоздание, — произнёс за моей спиной низкий, бархатистый голос.

Я замерла.

Не сразу поняла, что именно меня зацепило. Голос был мужским, спокойным, уверенным. Но дело было не в этом.

Я поняла каждое слово.

Слова доходили сразу и целиком, с той же скоростью, с какой он их произносил, а не с опозданием, как последние полчаса, когда перевод скрипел у меня в голове ржавой мясорубкой. Он говорил так, будто всю жизнь прожил на соседней улице моего родного города. Языкового барьера просто не существовало, и каша из чужих звуков вдруг собралась в человеческую речь.

— Ваше высочество, — поспешно произнёс Тэйрон.

Он шагнул вперёд. Цепь на его груди звякнула, а в голосе смешались облегчение и страх. Затем старик повернулся ко мне и почтительно указал на вошедшего.

— Госпожа Нора… это наследник престола. Принц Дариан Верен.

— Дела государственной важности задержали меня на границе, — продолжил мужчина, приближаясь. — Вы, должно быть, и есть моя вынужденная невеста.

Я медленно развернулась.

Он оказался высоким. Подтянутым. На нём был строгий камзол цвета ночи, застёгнутый до самого горла. Никаких лишних украшений, только тёмная ткань и безупречная осанка. На правой манжете виднелось свежее пятно крови — едва подсохшее, неровное. Судя по тому, как спокойно он держался, кровь была не его.

Над левой бровью белел тонкий шрам.

Но сильнее всего цепляли глаза. Серые, холодные, внимательные. Он смотрел на меня сверху вниз, как на счёт за банкет, где итог втрое превысил смету. Дорогая покупка, которую никто не заказывал, но теперь придётся как-то оплачивать.

Его взгляд на мгновение скользнул к пустой тени у колонны — туда, где только что мелькнул рыжий хвост, — и вернулся ко мне.

Я заметила. Привычка следить за глазами собеседника не раз спасала меня от подрядчиков, которые собирались соврать о сроках или стоимости.

Принц Дариан Верен.

Во всей своей ледяной красе.

— Нет, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. Отступить очень хотелось, но я осталась на месте. — Вы ошиблись с терминологией, ваше высочество. Я не ваша невеста. Я ваша главная и неизлечимая головная боль.

Он не ответил сразу.

Полсекунды смотрел мне в глаза — уже не сверху вниз,

а прямо.

И я поняла: этот мерзавец расслышал каждое слово. Даже «неизлечимая».

Глава 3. Дорогая и неприятная покупка

«Круг зовёт, а платят Врата. Платят один раз, и дорого».

— Хроника Кайвара, свиток третий

Принц отпустил двор одним движением руки.

Никакого объявления, никаких благодарностей за присутствие. Лишь короткий жест, и сто двадцать человек склонили головы, развернулись и направились к дверям. Послушание у них было отработано до автоматизма. Я мысленно поставила его высочеству плюс за дисциплину и жирный минус за манеры.

Тяжёлые ткани шуршали по каменному полу. Цепи тихо позвякивали, сапоги отбивали размеренный ритм. Придворные переговаривались вполголоса, но стоило кому-нибудь случайно повысить тон, как соседи тут же напоминали ему о необходимости молчать.

Они уходили долго. Последние фигуры исчезли за дубовыми створками, и зал наконец перестал дышать чужими голосами.

Я осталась стоять посреди каменного пола.

В тронном зале теперь были только король, принц, Тэйрон, генерал Сейра и я. Чернильный человек с книгой ис-

чез между колоннами. Я даже не заметила, когда именно. Впрочем, от человека, который умудрялся писать, не глядя на страницу, можно было ожидать подобных фокусов.

Без придворных зал выглядел иначе. Старше. И гораздо печальнее.

Факелы горели неровно. Золотые линии, переплетавшиеся в камне стен, при дневном свете и среди толпы казались частью искусной резьбы. Теперь я видела, что они почти не светились. В некоторых местах нити обрывались, оставляя после себя чёрные пустоты. По дальней колонне от самого основания до капители тянулась глубокая трещина. От неё веяло холодом, хотя ближайший факел должен был согревать камень.

— Отец.

Голос принца прозвучал негромко.

Дариан подошёл к трону. На фоне массивного кресла он казался таким же неподвижным, как каменные изваяния у входа. Король сидел с закрытыми глазами, запрокинув голову. Его рука, сухая и почти прозрачная, лежала на подлокотнике.

Принц коснулся её кончиками пальцев.

Всего на мгновение.

Затем убрал руку за спину.

Король не пошевелился. Только грудь медленно поднялась и опустилась. Между вдохами проходило слишком много времени. Я невольно ждала вместе с ним следующего.

Дариан смотрел на отца ещё несколько секунд. Потом повернулся ко мне.

И то, что я успела заметить в его лице, исчезло.

Мягкость, если это действительно была она, сменилась привычной холодной невозмутимостью.

— Идёмте.

— Куда именно?

Я не сдвинулась с места.

— Хочу показать вам, почему вы не можете просто развернуться и уйти.

— Звучит как начало экскурсии по пыточным подвалам. Надеюсь, у вас хотя бы предусмотрен страховой полис.

— Это и есть подвал, госпожа Нора.

— Какая предусмотрительность.

— До ужина ещё далеко, — бросила нам вслед Сейра. — Мои три золотых всё ещё стоят на ногах.

— Готовьте кошелёк, — ответила я, не оборачиваясь.

Бравада получилась неплохой. Жаль, что на неё ушли последние силы.

§

За помостом обнаружилась низкая дверь, почти незаметная в стене. Железные полосы пересекали потемневшее дерево, а тяжёлая ручка была отполирована множеством прикосновений.

Я приняла её за кладовую.

Принц толкнул створку. Из темноты дохнуло сыростью,

холодным камнем и старым дымом.

— После вас, — предложила я.

— Боюсь, вам придётся идти первой.

— Какая жалость. А я уже начала думать, что гостеприимство в Кайваре всё-таки существует.

Он подождал ровно столько, чтобы я успела испугаться, и ступил на лестницу первым.

Пришлось идти следом.

Лестница уходила вниз по тугой спирали. Ступени становились уже с каждым поворотом, а перил не было вовсе. Посередине каждой плиты камень оказался стёрт: тысячи ног годами наступали в одно и то же место.

Я разглядела эту ложбинку и мысленно внесла её в список неприятных подробностей. Камень не стирается за несколько лет. Значит, сюда спускались давно. И часто. Вопрос о том, зачем, я предпочла пока оставить без ответа.

Факелы попадались примерно через двадцать шагов. Их свет выхватывал из темноты влажные стены, а тени от наших фигур растягивались по камню и ломались на поворотах.

Я шла босиком, придерживая обеими руками подол платья. Свадебные туфли остались где-то на ступеньке запасного выхода «Роуз-Хилла». Сейчас я была готова отдать за них половину своего будущего состояния. Или хотя бы одну шоколадку.

— Сколько ещё? — спросила я, когда мы миновали второй пролёт.

— Двести двенадцать.

Я остановилась на ступеньке.

— Вы их считали?

— Я по ним хожу.

Он продолжил спуск. Я проводила его глазами.

В этой короткой фразе оказалось слишком много того, о чём я не собиралась думать. Принц знал эту лестницу не просто хорошо. Он знал её наизусть. Возможно, лучше, чем собственные покои.

На очередном повороте ступени сузились почти до ширины ладони. Дариан чуть замедлил шаг.

Я решила, что это совпадение.

На шестидесятой ступени я сбилась со счёта. Потом перестала считать вообще. Лестница превратилась в бесконечную каменную спираль, а всё остальное постепенно исчезло: остались только ледяные плиты под босыми ногами, мерный стук шагов впереди и запах гари, становившийся с каждым поворотом всё сильнее.

Золотые нити в стенах уходили вниз вместе с нами.

На третьем пролёте они ещё светились. На четвёртом стали тонкими, едва заметными линиями. На пятом погасли окончательно.

Вместе с ними исчезли тепло, запах воска и человеческие голоса.

Здесь пахло мокрым камнем, железом и чем-то горелым. Где-то в глубине размеренно капала вода.

Я остановилась. Пока Дариан не видел, ущипнула себя за предплечье так сильно, что на коже наверняка остались следы.

Больно. Очень убедительно, но недостаточно.

Разум тут же предложил альтернативное объяснение: боль бывает и во сне. Особенно в кошмарах. Перед крупными мероприятиями мне регулярно снилось, что трёхъярусный торт падает на невесту, фата превращается в кухонную занавеску, а все гости оказываются моими школьными учителями и требуют сдать реферат.

Всё было просто. Открою глаза — и окажусь в комнате невесты. Тара будет поправлять мне причёску, держать бокал шампанского и задавать свой любимый вопрос:

«Ну как ты? Всё под контролем?»

Я зажмурилась. Сделала три шага вслепую. Сосчитала до десяти. Вдохнула. Открыла глаза.

Каменная лестница никуда не исчезла. Факел продолжал чадить. Впереди всё так же двигалась прямая спина принца в тёмном камзоле.

— Вы слишком медленно идёте, — бросил он через плечо.

— Я считаю до десяти.

— Зачем?

— Пытаюсь проснуться.

— И как? Помогает?

— Пока не очень.

— Тогда продолжайте. Мне даже любопытно, на какой цифре вы сдадитесь.

В его голосе слышалась насмешка.

Я набрала воздуха, чтобы ответить ему в полной мере, но лестница внезапно закончилась.

Дариан остановился на последней ступени. Всего на один короткий вдох.

Я не поняла, почему он задержался, и решила не спрашивать.

Потом увидела зал.

Он был круглым, огромным и почти полностью погружённым во тьму.

Факелы на стенах освещали лишь узкую полосу вдоль периметра. Центр оставался чёрным. Я машинально начала измерять помещение шагами и сбилась где-то на сорок втором. Здесь без труда разместились бы двести гостей, оркестр и ещё несколько человек, которые непременно решили бы произнести длинные тосты.

Купол терялся в высоте. С него свисали чёрные потёки, похожие на плесень, но стоило подойти ближе, как они блеснули в свете огня.

Копоть.

Застывшая, толстым слоем покрывшая своды.

В центре возвышалась арка из тёмного камня. Она была выше человека раза в два и шире любой двери, которую я видела в этом замке. По краям ещё угадывалась резьба: пере-

плетённые ветви, птичьи крылья, сложные узоры, когда-то, должно быть, покрывавшие всю поверхность.

Теперь от прежнего великолепия почти ничего не осталось.

Камень почернел и оплавился. Тяжёлые застывшие наплывы тянулись вниз, будто арка когда-то была восковой свечой, оставленной слишком близко к огню. Из глубоких трещин сочилась чёрная смола. У основания пол превратился в гладкую стеклянную корку, а вокруг арки лежало широкое кольцо серой золы.

Я остановилась.

Это место не просто сгорело. Казалось, огонь здесь не закончился, а застыл в тот самый миг, когда уничтожил всё, до чего смог добраться.

Под ногами в стеклянной корке застыли пузырьки. В одном из них отразилось моё лицо: сбившаяся причёска, размазанная тушь, бледная кожа. Женщина, которая ещё утром проверяла рацию и пересчитывала места в первом ряду.

Я отвернулась.

Холод здесь был особенным. Он стоял неподвижно, воздух давно перестал двигаться. Пар от дыхания зависал перед лицом и медленно расползался в темноте.

Я знала, как выглядят помещения после большого мероприятия. Пустой зал в пять утра, когда последние гости разъехались, музыка выключена, официанты собирают бокалы, а я стою посреди чужого беспорядка и понимаю, что до конца

смены ещё далеко.

Только здесь никто не собирался убирать.

Мои шаги уходили вверх, в купол, и не возвращались эхом. Звук поглощала сама темнота.

На внутренней стороне арки сохранились надписи. Многочисленные строки, вырезанные одна поверх другой. Одни были глубокими и аккуратными, другие — мелкими, торопливыми. Самые поздние напоминали заметки на полях.

Я прищурилась.

Выглядело так, будто один договор переписывали несколько веков подряд, каждый раз добавляя новые условия и забывая удалить старые.

Такие документы я ненавидела профессионально.

— Что там написано?

— Записи.

— Чьи?

— Людей, живших в разные века.

— Очень содержательно. Спасибо за экскурсию.

Дариан остановился у края пепельного кольца.

— Врата, госпожа Нора. Дверь между вашим миром и нашим.

Я перевела взгляд с арки на него.

— Но меня сюда перенёс ваш Круг. Тот, который был в зале. Тэйрон довольно подробно объяснил механизм.

— Круг перенёс вас.

— Тогда зачем здесь дверь?

— Круг умеет звать. И умеет нести. Но для такого перехода ему нужна сила. Он берёт её у Врат. Вы шагнули в один Круг и вышли из другого. Сквозь Врата вы не проходили. Но они отдали всё, что имели, чтобы перенести вас сюда.

Я перевела взгляд на арку.

— То есть Круг — подрядчик, а Врата — аванс?

— Если вам так проще.

— Аванс сгорел?

— До основания.

Я снова вгляделась в почерневший камень.

— И теперь?

— Врата открываются на зов Круга один раз.

Несколько секунд я молчала.

— Значит, меня купили. За целую арку.

— Купил Круг. Мы получили товар.

Дариан сделал короткую паузу.

— Дорогой, госпожа Нора, и, судя по первому впечатлению, неприятный.

Я медленно повернула голову.

— Товар обычно не отвечает.

— Этот начал с порога. Я заметил.

— Замечательно. Тогда я просто встану обратно в ваш Круг, скажу «домой» и вернусь.

— Круг вынес вас сюда на силе Врат. Теперь ему нечем вынести вас обратно.

Ответ прозвучал слишком быстро. Ни запинки, ни сомне-

ния. Словно он давно приготовил его для меня.

Я отметила это.

В моей работе любую подозрительную деталь следовало фиксировать сразу. Особенно ту, которую заказчик произносил с чрезмерной уверенностью.

— То есть дверь закрыта?

— Нет, госпожа Нора. Дверь сгорела.

— И в чём принципиальная разница?

— Закрытую дверь можно открыть, если приложить достаточно усилий. Со сгоревшей такой фокус не пройдёт.

Он произнёс это ровно, будто зачитывал условия аренды.

Я присела на корточки у края золы.

— Не трогайте, — сказал Дариан.

Разумеется, я уже опустила пальцы в серый пепел.

Он оказался мягким и неожиданно жирным на ощупь. Под поверхностью сохранялось тепло. Не от факелов и не от нагретого камня. Оно шло изнутри, едва заметное. В глубине всё ещё тлело что-то огромное.

Я провела пальцами по золе и подняла ладонь.

Под ногтями осталась чёрная кайма.

Дариан следил за моей рукой.

Не за мной — именно за рукой.

Когда я подняла голову, он уже смотрел на арку.

Я долго разглядывала собственные пальцы.

Сновидения не оставляют копоти под ногтями. Это был довольно весомый аргумент против версии о том, что я про-

сто спала.

Хотя мозг продолжал искать выход.

Возможно, я упала в обморок в саду. Возможно, меня уже везут в больницу, а принцы, бородатые старцы и подземные Врата — всего лишь последствия теплового удара и нервного срыва.

Версия была удобной. Она не требовала никаких решений.

Я позволила себе прожить в ней ещё десять секунд.

Потом вытерла пальцы о подол.

На белом кружеве осталось чёрное пятно.

Платье от Vera Wang стоило пять тысяч долларов. Галлюцинации не пачкают вещи такого класса.

Прекрасно. Реальность окончательно подтвердила своё существование.

Усталость навалилась внезапно: я только сейчас поняла, что с самого утра ни разу не присела.

Я выпрямилась, расправила плечи и встретила взгляд Дариана.

— Допустим, — произнесла я. — Допустим на одну минуту, что я вам верю. Хотя это совершенно не так. Что дальше? Каков план?

Он повернулся ко мне.

— Глубоко под этим замком находится Сердце Печатей. Оно удерживает всю магическую сеть Кайвара. И хранит память обо всех путях и переходах, которые когда-либо откры-

вались в этом мире.

Я слушала, стараясь не упустить ни одного слова.

— Сейчас Сердце тяжело ранено. Сеть угасает вместе с ним. Но если мы обновим Печати клятвой двоих и свяжем наш союз, Сердце восстановится.

— И?

— И тогда, возможно, в его памяти найдётся путь, по которому вас можно будет вернуть домой.

Он смотрел на меня внимательнее, чем прежде.

— Возможно? — переспросила я.

— Это всё, что я могу предложить вам в нынешних обстоятельствах.

— Слабоватый пункт для юридического договора, ваше высочество. В нормальных контрактах в графе обязательств сторон пишут «гарантируется», а не «возможно».

— Договоры, госпожа Нора, составляют те, кто хочет, чтобы им поверили на слово. Я не прошу вашего доверия.

— Какая щедрость. А с чего вы решили, что я не собираюсь вам его дать?

Дариан даже не изменился в лице.

— Хронист записал каждое слово вашей клятвы в Круге. Вы поклялись никому не верить. Было бы глупо просить у вас то, чего вы не можете дать.

Он выдержал короткую паузу.

— Примите мои соболезнования по поводу причин.

Хронист.

Чернильная мантия. Чёрная книга. Перо, которое писало, пока хозяин смотрел на меня.

Итак, моя истерика теперь хранилась в государственном архиве Кайвара. Возможно, в нескольких экземплярах.

— Вы всегда так тонко утешаете людей?

— Я не утешаю вас, госпожа Нора. Я информирую о положении дел.

— Вам следовало бы открыть частное бюро траурных услуг. С таким подходом вы быстро станете главным поставщиком королевства.

— К сожалению, у меня нет времени на побочные коммерческие проекты.

Он не улыбался.

Ни разу за весь разговор.

Но я начала замечать странность: всякий раз, когда мне удавалось задеть его очередной репликой, он задерживал ответ на долю секунды дольше обычного.

Он слышал мои насмешки. Понимал их. Просто не считал нужным реагировать.

Невыносимый человек.

Капризный клиент хотя бы мог повысить голос, потребовать управляющего или швырнуть договор на стол. С этим же приходилось иметь дело как с безупречно отполированной стеной.

Дариан сделал шаг ближе.

Теперь свет факела падал на его лицо.

Я невольно начала рассматривать его так, как осматривала площадку перед мероприятием: сначала детали, потом общее впечатление.

Руки. Длинные пальцы, мозоль у основания большого пальца, тонкие белые шрамы на костяшках. Руки, привыкшие к оружию. И, вероятно, не только к оружию.

Осанка. Прямая спина, неподвижные плечи. Он стоял так, будто даже в пустом помещении за ним наблюдали сотни людей.

Голос. Низкий, без малейшей необходимости повышать тон.

И глаза.

Серые, холодные, как отполированная монета. В них отражался огонь факела, но сам взгляд оставался неподвижным. Смотри сколько угодно — всё равно не поймёшь, чья голова отчеканена на этой стороне.

Двадцать восемь, решила я. Не намного старше меня.

Впрочем, в уголках его рта уже залегли две складки. Такой рот давно привык удерживать слова за зубами.

— Значит, вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж.

— Я этого не хочу.

Ответ прозвучал так резко, что я моргнула.

— Если вам от этого станет легче, я не желаю этого брака не меньше вас. Мне не нужна жена. Мне нужна магия наших клятв, способная спасти мою страну от уничтожения. Всё остальное — неизбежная упаковка.

Я невольно фыркнула.

Упаковка.

Надо же. Циничный принц пользовался теми же профессиональными метафорами, что и я.

— Сроки при этом не меняются, — продолжил он. — У нас сорок дней.

— Тогда последний вопрос. Самый важный.

Я шагнула ближе, не отводя взгляда от его глаз.

— Вы гарантируете, что после восстановления Печатей я вернусь домой?

Дариан замолчал.

На этот раз в его лице не было ни привычной насмешки, ни холодного равнодушия. Он смотрел на меня спокойно, открыто.

И мелькнула мысль, от которой тут же захотелось избавиться.

Он единственный в этом замке говорил со мной без искажений. Его слова не распадались на отдельные звуки, не теряли смысл, не приходили с опозданием. Он понимал меня с первого слова.

А значит, ему было проще поверить.

Я заметила эту мысль слишком поздно.

— Гарантирую, что искать этот путь будет всё, что у меня есть, — наконец сказал он. — Остальное решает Сердце.

И в ту же секунду меня пронзила боль.

Под рёбрами, точно между ними, возник ледяной укол. Я

резко вдохнула и прижала ладонь к корсету.

Та же боль.

Та самая, что настигла меня в зале Круга, когда Тэйрон предложил довериться им, а я попыталась произнести хотя бы безобидное «ладно».

Только теперь она была в несколько раз сильнее.

Я согнулась, пытаясь поймать воздух.

Дариан сделал движение ко мне, но остановился.

— Вам нехорошо?

Я не ответила сразу.

Что это было?

Магия предупреждала меня, что он лжёт? Или наказывала за то, что я на мгновение допустила возможность ему поверить?

Я не знала.

Боль не объясняла своих причин. Она не выдавала заключений и не прикладывала к ним доказательств.

Обе версии выглядели одинаково убедительно.

Положение завидное.

Моё хвалёное чутьё, натренированное на ста сорока трёх свадьбах, сотнях подрядчиков и бесконечных человеческих катастрофах, внезапно перестало работать.

Его заглушила одна фраза, которую я выкрикнула в небо сегодня днём:

«Клянусь. Больше никому и никогда не верить».

Моя клятва оказалась сильнее интуиции.

Добро пожаловать в Кайвар, Нора.

— Вам нехорошо? — повторил принц.

Он заметил, что я побледнела.

— Нет, — выдавила я. — Просто у меня сегодня плотный график.

— Стража проводит вас в покои. Окончательный ответ мне нужен к завтрашнему утру.

— А если я отвечу твёрдым «нет»?

Дариан уже направился к лестнице.

— Двери замка не заперты, госпожа Нора. А вот окружающие нас горы — да.

Он обернулся через плечо.

— Приятного отдыха.

Я смотрела на его спину и представляла, как швыряю ему вслед что-нибудь тяжёлое. Желательно с острыми краями.

К сожалению, у меня были только английские булавки, растаявшая шоколадка и свадебное платье, которое уже не имело никакой практической ценности.

Хотя булавки я на секунду оценила как оружие.

— Подождите!

Дариан остановился на первой ступени.

Не обернулся.

— Как вы выучили мой язык?

Он помолчал, и я не дала паузе затянуться:

— Все остальные здесь говорят так, словно читают плохой перевод. Слова ломаются, идиомы теряют смысл, иногда я

вообще не понимаю, что именно мне пытаются сказать. А вы говорите так, будто родились в моём городе. Почему?

Факелы затрещали. Несколько искр сорвались и упали на каменный пол.

Я считала секунды. Четыре. Пять. Шесть.

— Я никогда не учил ваш язык, госпожа Нора, — негромко произнёс он.

И продолжил подниматься.

Я осталась одна.

Посреди круглого зала, под обугленной аркой, которая когда-то была дверью между мирами.

Босая. В грязном свадебном платье. С чёрными полосами копоти на белом кружеве.

Всё моё самообладание продержалось ровно столько, сколько я слышала шаги принца.

Когда они затихли, я наконец позволила себе сесть прямо на пол.

Не заботясь о платье, я опустилась в золу и подтянула колени к груди.

«Я никогда не учил ваш язык».

Фраза крутилась в голове, не желая уступать место другим мыслям.

Если бы он просто не знал моего языка, он так бы и сказал. Если бы его кто-то научил, назвал бы учителя. Он выбрал третье: «никогда не учил».

Формулировка. Я знала цену формулировкам. В догово-

рах одно неверно выбранное слово иногда стоило дороже, чем весь контракт.

«Никогда не учил».

На вопрос «как» он ответил словом «никак». А вот «почему» обошёл стороной.

Я мысленно составила список.

Первое: магия, похожая на ту, что перенесла меня сюда.

Второе: особенности самого принца. Возможно, он каким-то образом слышал мои слова иначе, чем остальные.

Третье: он лгал.

Последний вариант был самым привычным и потому самым удобным.

Четвёртого не нашлось.

Будь у меня блокнот, я записала бы эту фразу первой строкой.

Я проверила, что осталось при мне.

Десять английских булавок в потайном кармане.

Растаявшая шоколадка.

Свадебное платье, которое ещё утром было предметом моей гордости, а теперь годилось разве что на растопку.

Инвентаризация вышла короткой.

Хуже всего было то, что среди всего перечисленного не нашлось ни одного предмета, способного помочь мне выбраться из этого зала.

Я подняла голову и взглянула на Врата.

Тишина здесь отличалась от домашней.

Дома она была пустой, спокойной, привычной. Здесь тишина будто имела вес. Она давила на уши, смешивалась с запахом гари и холодом камня. Где-то в глубине потрескивал огонь, капала вода, а огромная арка медленно остывала.

Я обхватила колени руками.

Время.

Я поймала себя на том, что снова считаю капли.

Раньше у каждой минуты было назначение. До выхода невесты. До первого танца. До подачи горячего. До окончания аренды зала.

Даже задержка поставки цветов имела свою цену.

Теперь минуты просто уходили. Без расписания, без согласования и без возможности предъявить кому-нибудь счёт.

На меня потратили целую арку.

Я всю жизнь составляла сметы и знала, сколько стоят вещи. Знала, как распределить бюджет, где можно сэкономить, а где лучше не рисковать.

И совершенно не понимала, какова цена этой покупки.

Если Врата сгорели ради меня, значит, меня сюда не просто позвали. Меня сюда доставили ценой, которую никто не собирался возвращать.

А для чего?

Я оглядела собственные руки.

Они всё ещё дрожали.

«Сейчас в „Роуз-Хилле“, наверное, уже все всё знают».

Тара наверняка нашла мою рацию на подоконнике. Может

быть, держит её в руках и пытается понять, куда я исчезла. Мама сидит в первом ряду на том самом стуле с табличкой «Мама невесты», который я выбирала несколько недель, потому что хотела, чтобы всё было идеально.

Папа, наверное, ходит по коридору и звонит на мой мобильный. А телефон лежит в сумочке в комнате невесты.

Они думают, что я сбежала. Что мне стало стыдно после случившегося с Райаном. Что я где-нибудь прячусь, плачу и не хочу никого видеть.

Они ждут, что я вернусь.

Никто из них не знает, что искать меня нужно не в больнице, не в гостинице и даже не в соседнем городе.

Меня нет в их мире.

Я сглотнула: горло пересохло.

Нет.

Не сейчас.

Переживать, рыдать и устраивать истерику я буду потом. Когда появится возможность что-нибудь исправить.

Пункт девять. После разрешения кризиса.

Моя внутренняя Нора-организатор умела справляться с чувствами. Она складывала их в воображаемую папку с надписью «ПОТОМ», плотно закрывала крышку и убирала на дальнюю полку.

Сейчас папка распухла. Крышка приподнялась, но пока ещё держалась.

Наверху послышался шорох.

Я подняла голову.

На обугленном выступе арки что-то двигалось.

Рыжий лис.

Он сидел высоко над полом, обернув пушистый хвост вокруг лап. Копоть не касалась его шерсти. Она огибала зверя, оставляя вокруг него чистое пространство.

Лис смотрел на меня янтарными глазами.

Взгляд был знакомым. Усталый, оценивающий, с оттенком раздражения, который я уже замечала раньше.

Потом он перевёл глаза на лестницу, где исчез Дариан.

И выражение его морды изменилось.

Я почти физически услышала невысказанное:

«Ну вот. Опять одно и то же».

— Знаешь что, — хрипло сказала я, глядя на него снизу вверх. — Если ты сейчас ещё и заговоришь человеческим голосом, я официально и добровольно ухожу в глубокий обморок. Могу подписать акт о капитуляции прямо здесь.

Лис не ответил.

Он поднялся, потянулся, выгнув спину, и спрыгнул с арки.

На стеклянном полу не раздалось ни звука.

Зверь неторопливо пересёк пепельное кольцо. Его лапы не оставили на серой поверхности ни единого следа. Он остановился в двух шагах от меня, покружил на месте и лёг, положив морду на передние лапы.

От него исходило слабое, ровное тепло.

Так греет печь, в которой ещё доживают последние угли.

Я не стала его трогать.

Просто сидела рядом, глядя на огонь, который цеплялся за чёрную смолу на стенах и медленно отпускал её.

Впервые за весь этот бесконечный день я перестала считать.

Где-то высоко над нами глухо закрылась дверь.

Лис повёл ухом.

Я не пошевелилась.

Глава 4. Горы — это не метафора

«Подпись, поставленная по доброй воле, и подпись, вырванная силой, весят одинаково. Разница лишь в том, кому потом приходится за неё платить».

— Кодекс Печатей, раздел о договорах

Покои, выделенные мне в замке, были примерно с мою первую съёмную квартиру. Если не считать каменных стен, сквозняков и отсутствия хотя бы одного предмета, который не носил бы следов трёх осад и одной неудачной реставрации. Зато кровать была огромной. На ней можно было не только спать, но и проводить переговоры, принимать капитуляцию и, вероятно, хоронить небольшое государство.

Стражник довёл меня до двери, поклонился и замер, глядя куда-то поверх моего плеча. На стене за мной не было ничего примечательного — разве что потемневшая полоса от факела. Я дождалась, пока он уйдёт, и проверила дверь. Изнутри. Потом, выглянув в коридор, снаружи. Потом снова изнутри, будто замок мог появиться за минуту моего отсутствия.

Замка не было. Засова тоже.

В этом месте, кажется, считали, что если человеку некуда бежать, то запирать его необязательно. Удобная философия. Особенно для того, кто её придумал.

Я опустилась на край кровати и машинально потянулась

к запястью. Там, где весь день жила рация, осталась только красная полоса от ремешка. В «Роуз-Хилле» я сорвала её так резко, что едва не содрала кожу. Тогда мне казалось, что это худшее, что может случиться с моей рукой.

Теперь, глядя на пустое запястье, я понимала, насколько щедро раздавала миру оценки.

Рация была не просто устройством. Она связывала меня с людьми, которые знали моё имя, мой голос и то, как я предпочитаю получать плохие новости: коротко, по делу и без попыток смягчить формулировки. Я ждала знакомого треска, случайного сигнала, чужого «Нора, приём». Ждала так напряжённо, что ныла шея.

В ответ молчал камин. В нём оседала старая зола, и каждый тихий шорох казался голосом, который передумал заговорить.

Сон закончился. Я признала это не сразу — где-то между подземельем, королём, которого держало на свете одно упрямство, и собственной свадьбой, внезапно превратившейся в межмировую катастрофу. Но теперь спорить с очевидным было бессмысленно.

Когда мир перестаёт подчиняться правилам, я составляю новые. Помогает это не всегда, зато даёт рукам занятие, а голове — иллюзию, что у происходящего есть смета и ответственный.

Итак. Клиент утверждает, что услуга выполнима, но в графе гарантий оставляет слово «возможно». Клиент воору-

жён, располагает замком, армией и каким-то древним магическим механизмом. Заложник — я. Предполагаемая площадка для побега — горы. Договор пока не подписан, доверие отсутствует, сроки чужие.

Рекомендация консультанта: не соглашаться, не подписывать, найти выход.

Для начала требовалось поесть.

Решения на пустой желудок обычно заканчиваются тем, что кто-нибудь покупает ненужную мебель, выходит замуж за неподходящего человека или объявляет войну соседнему королевству. Я съела половину того, что осталось от шоколадки, остальное завернула обратно — резервный фонд, — и вывернула на покрывало содержимое потайного кармана на бедре.

Моя аптечка паники. Десять английских булавок. Иголка. Нитка. Пластырь. В прежней жизни она спасала подолы, нервы и однажды — репутацию свадебного агентства. В нынешней могла стать единственным преимуществом перед целым королевством.

Я принялась за платье. Восемь булавок ушли на подол: тяжёлую юбку удалось поднять до колен, не порвав кружево окончательно. Платье от Vera Wang превратилось в нечто условно пригодное для побега. Прогресс.

В сундуке у стены нашёлся тёмный шерстяной плащ с капюшоном. Рядом лежали сапоги — грубые, чужие, на два размера больше. Под сапогами нашлось серое платье из гру-

бого полотна с верёвкой вместо пояса, какие носят служанки. Переодеваться я не стала: белое хотя бы было моим. Я набила носки фатой. Пять часов выбирала её оттенок, сравнивала образцы при дневном и вечернем свете, спорила с консультантом о плотности кружева. Теперь она служила утеплителем. Если бы я могла вернуться в тот салон, то попросила бы чек за моральный ущерб.

Осмотр покоев подтвердил: замок строили люди, которые не верили в комфорт и, вероятно, считали его разновидностью распущенности. Два узких окна выходили на хребет. Щели между рамами и камнем были такими, что зимой здесь можно было хранить мясо. Камин вмещал полено размером с мою первую машину.

Оставалось выбрать маршрут.

Стража в замке менялась по расписанию. Это я поняла, просидев за колонной семь минут и наблюдая, как один караульный передаёт пост другому. Шаги, короткий доклад, поворот головы к лестнице, проверка коридора. Через четверть часа всё повторилось. Дисциплина у них была неплохая. Предсказуемость — отвратительная.

Я дождалась следующей смены и пошла туда, откуда тянуло хлебом.

Кухню я нашла без карты. В любом здании, где кормят людей, запах выпечки работает лучше навигатора. За длинным столом дремал повар, положив голову на разделочную доску. Он дышал глубоко и сонно, а нож лежал в опасной

близости от локтя. Я осторожно обошла его, взяла поднос, положила на него лепёшку и кувшин с водой.

На секунду задержалась. Воровать у спящего человека было неприятно. Оставлять деньги было нечем. Поэтому я сняла с волос шпильку и положила её рядом с его рукой. Не самая честная оплата, но, по крайней мере, он сможет продать её, если здесь ценят металл.

С подносом в руках я вышла в коридор.

Главное правило любой площадки: поднос делает человека невидимым. Гости замечают блюда, слуги — распоряжения, охрана высматривает подозрительных. А женщина с подносом, опущенной головой и выражением усталого профессионализма проходит там, где вооружённого человека остановили бы трижды.

Стражники расступались. Один даже придержал для меня дверь.

Я почти поверила в собственный талант.

Калитка у конюшни оказалась не заперта. Я остановилась перед ней, разглядывая железную щеколду. На свадьбах бесплатный проход обычно означает, что счёт выставят позже. В замке, похоже, действовал тот же принцип.

Я толкнула створку.

Ночь встретила меня холодом. Воздух был таким чистым, что царапал горло. Ветер спускался с гор, приносил запах снега, камня и чего-то металлического. Над зубчатой линией хребта сияли звёзды — крупные, резкие, как осколки стекла,

рассыпанные по чёрному полотну.

А между ними висели две луны.

Одна — большая, серебряная, с тёмными пятнами на поверхности. Вторая — меньше, тусклее, рыжеватая, как кусок железа, долго пролежавший под дождём.

Я остановилась.

Одна.

Две.

Пересчитала снова, уже шевеля губами. Две.

В детстве мне рассказывали, что во сне нельзя дважды прочитать одну и ту же строку: буквы расплываются, слова меняются местами. Я не знала, распространяется ли это правило на небесные тела, но пересчитала луны в третий раз. Обе висели там же, где в прошлый раз, и ни одна не оказалась фонарём на декорационной ферме: проводов я так и не нашла.

Это был не сон.

Очередное подтверждение не пришло вспышкой. Оно медленно опустилось внутрь, тяжёлое и холодное. Я подумала о Таре. О родителях. О том, что никто не узнает, где я пропала. О том, что моя последняя рабочая переписка, вероятно, так и останется открытой на планшете, а кто-нибудь будет звонить мне по поводу рассадки гостей.

Я позволила себе ровно один вдох, который получился неровным, и пошла дальше.

Паника могла подождать. У неё не было права первой за-

нимать очередь.

— Ты идёшь не туда.

Голос прозвучал не с дороги и не со склона. Он возник прямо за глазами — сухой, хрипловатый, с ленивой усталостью. Объяснять очевидное ему явно надоело давно.

Я обернулась.

На придорожном камне сидел рыжий лис. Тот самый, которого я видела в подземелье. Хвост обвивал лапы, уши были насторожены, а на шерсти не осталось ни следа копоти, хотя рядом с ним воздух почему-то пахнул холодным пеплом.

— Нет, — сказала я. — Даже не начинай. Я предупреждала: если ты заговоришь, я упаду в обморок.

Лис зевнул. Мелкие острые зубы выглядели вполне настоящими.

— Ты предупреждала себя. Я ничего не подписывал. А слово здесь, чтобы ты знала, не оборот речи. Можешь падать, если хочется. Только отойди с дороги: камни острые.

Под ногами были щебень, выступающие корни, склон. Подходящего места для обморока не было. Пришлось отложить его до более благоприятных условий.

— Эш, — представился лис. — Хранитель замка. В старых преданиях — пепел. Не спрашивай почему.

— Почему?

— Я же сказал — не спрашивай.

— Отличное начало знакомства.

Он чуть склонил голову, прикидывая, сколько хлопот я принесу.

— Ты слышишь меня, потому что Круг связал тебя с замком, когда ты произнесла клятву. Три тысячи лет Печати ждали того, кто сможет услышать их. И вот дождались. Невеста с шоколадкой и весьма сомнительным выбором обуви.

— У меня сапоги.

— С фатой внутри.

— Это инженерное решение.

— Это отчаянная попытка договориться с обстоятельствами. Возвращайся. Дальше камень, потом мгла.

— Мне не нужен проводник. Мне нужен автобус.

Эш тяжело вздохнул. Его усы дрогнули.

— Я говорю тебе правду.

— А я тебе не верю.

— Знаю. У тебя это почти рефлекс. Очень неудобный.

Он попал точнее, чем мне хотелось бы. Я могла повторять «не верю» сколько угодно. Эти слова не причиняли боли. Боль возникала всякий раз, когда внутри поднималось нечто похожее на согласие.

Клятва, произнесённая в саду, стояла между мной и любым чужим обещанием. Не стеной даже — чем-то плотнее. Стоило кому-то сказать «я помогу», и во мне всё сжималось: тело заранее готовилось к удару.

Проклятая надёжность. Защита от лжи, которая не отличала лжеца от человека, протянувшего руку.

Я пошла дальше.

Эш спрыгнул с камня и бесшумно пристроился рядом.

— Ты идёшь за мной? — спросила я спустя несколько минут.

— Иду рядом. Не путай.

— Тогда делай это молча.

— Не умею. Я дух замка. Мы существуем, чтобы комментировать происходящее.

— Попробуй существовать в другом месте.

Он фыркнул.

Дорога петляла по склону, то сужаясь между валунами, то открываясь на голые каменные площадки. Внизу темнела долина. Замок остался позади, но его башни ещё виднелись на фоне неба — чёрные, острые, с редкими огнями в окнах. Я шла почти час. Ноги ныли, сапоги натирали пятки, а лепёшка на подносе успела остыть: есть на ходу я не умела, и бросить поднос значило признать, что я не на работе. Эш то забегал вперёд, то задерживался у камней, проверяя, не передумала ли я.

— Ты всегда такой разговорчивый? — спросила я.

— Только когда рядом кто-то делает глупости.

— Значит, у тебя насыщенная жизнь.

— Ты даже не представляешь.

Я подняла голову. Большая луна уже опускалась к хребту. Маленькая висела выше и, похоже, следовать за ней не собиралась.

— Почему их две?

— Одной оказалось недостаточно.

— Для чего?

— Для всего. — Эш не посмотрел на небо. — Раз в год они сходятся. В остальное время держатся порознь.

— И что происходит, когда сходятся?

— Слишком много вопросов для человека, который не верит ни одному ответу.

— Я собираю информацию. Это не одно и то же.

— Тогда собирай. Через год увидишь.

Луны я отложила до утра. Туда же — говорящего лиса, древние Печати и факт собственного исчезновения.

Дорогу пересекла линия камней. Они стояли на равном расстоянии друг от друга, каждый примерно мне по грудь. На поверхности проступали руны — золотые, тонкие, выжженные в граните раскалённой иглой. Одни светились ровно. Другие мерцали с перебоями. На одном камне знак едва теплился, на соседнем не было света вовсе.

За линией лежала белая мгла.

Она заполняла низину, закрывала дорогу и поднималась по склону неподвижными слоями. Она казалась плотной, осязаемой. Белизна не отражала свет луны — она поглощала его.

— Печать держит три версты от замка, — сказал Эш. Теперь он сидел на одном из камней, хотя я не заметила, когда он туда запрыгнул. — Дальше её власть слабеет. Это Стылая

мгла. Она приходит туда, где Печати уже не могут удержать границу.

— И что она делает?

— Забирает тепло. Сначала у тела, потом у мыслей. Особенно любит тех, в ком недавно прозвучала клятва.

Я поднесла к лицу собственные руки. На пальцах ещё оставались следы золы из подземелья. На запястье — красная полоса от рации. Никаких видимых признаков того, что я была для чего-то особенно привлекательна.

— А во мне, значит, свежая клятва.

— В тебе она слышна дальше, чем колокола на башне, красавица.

— Это называется «зона без покрытия», — сказала я. — Ничего страшного. Пройду быстро.

— Нора.

Он произнёс моё имя без насмешки. Единственный раз за весь разговор.

Я не остановилась.

За линией камней воздух изменился. Ветер исчез, звук шагов провалился в снег, хотя под ногами по-прежнему был камень. Я сделала ещё шаг.

Холод вошёл через подошвы.

Он оказался внутри: в ступнях, затем в щиколотках, и поднимался к коленям медленно и уверенно, как вода в затапливаемом помещении. Я попыталась отступить. Нога не поднялась.

Мгла сомкнулась за спиной. Камни исчезли. Дорога растворилась в белом, и я осталась посреди пространства, где не было ни направления, ни расстояния.

Иней пополз по голенищам. Сапоги затвердели, кружево на подоле зашуршало сухими листьями.

— Эш!

— Я предупреждал.

Его голос донёсся слева, но казалось, что между нами теперь несколько вёрст.

— Тогда вытащи меня!

— Не могу. Я привязан к Печатям. За их границу мне не пройти.

— Прекрасный хранитель!

— Прекрасная невеста.

Холод поднялся выше колен. Страннее всего было то, что мысли становились яснее. Я видела детали с болезненной чёткостью: белые крупинки инея на ткани, трещину на носке сапога, собственное дыхание, которое больше не превращалось в пар. Тело переставало слушаться, а голова продолжала работать. Уведомления о чрезвычайном положении она не получала.

Я подумала о Таре. Ей придётся объяснять моим родителям, что я исчезла. Придётся звонить в отель, полиции, всем, кому положено звонить, когда невеста не возвращается. Она будет искать меня по больницам и аэропортам, а я даже не смогу сказать ей, что произошло.

Потом я подумала, что никто не узнает правду. Не будет ни красивой истории о побеге, ни скандала, ни объяснения. Просто пропавшая женщина в свадебном платье.

Свет появился впереди.

Сначала — крошечная золотая точка. Потом она разрослась, прорезая белизну узким коридором. Золото было живым: оно двигалось по воздуху тонкими потоками, как расплавленный металл, и оставляло за собой дрожащий след. Я уже видела такой свет в тронном зале: на колоннах, на камне, в рунах. Здесь он был ярче. Почти невыносимо ярче.

В просвете стоял Дариан.

В одной руке он держал обнажённый меч. По лезвию бежал золотой огонь, не похожий на пламя факела. Он не колебался от ветра и не отбрасывал привычных теней.

— Не двигайтесь, — приказал принц.

Словно я могла.

Он шагнул ко мне. Мгла дрогнула, потянулась к нему белыми лентами. Дариан поднял меч, и золотой свет вспыхнул вдоль клинка. На миг я услышала тонкий звон. Лопнула натянутая струна где-то глубоко под землёй.

Он обхватил меня за талию.

Тепло ударило сразу. Золото прошло сквозь тело, и лёд на ногах затрещал, осыпаясь мелкими осколками. Я вдохнула так резко, что заболели рёбра. Мир качнулся. В следующую секунду я лежала на каменной дороге по другую сторону линии, хватая ртом воздух.

Мой плащ сорвало, когда Дариан выдёргивал меня, и тот остался во мгле. Вместе с подносом, лепёшкой и кувшином. Видимо, даже в другом мире я не умела уходить с мероприятия с реквизитом.

Дариан снял с плеч собственный плащ и набросил на меня сверху. Тяжёлая ткань пахла дымом, кожей и чем-то пряным. Он сделал это быстро, резко, а затем отступил на шаг. Прикосновение было исключительно технической операцией.

— Вы синяя, — заметил он.

— Это под цвет фаты, — выдавила я.

— Ваша фата белая. И она в сапогах.

— Инженерное решение.

Он отвернулся к склону. Я всё ещё чувствовала его руку на талии — память кожи держалась дольше самого прикосновения. Пункта о прикосновениях у нас ещё не было. Тело, как выяснилось, не стало дожидаться подписи.

— Час и десять минут, — произнёс он.

Я с трудом села, придерживая плащ.

— Что?

— Вы отсутствовали час и десять минут. Генерал Сейра поставила, что вы вернётесь на полпути. Я предположил, что вы дойдёте до камней. Вы прошли дальше.

Он убрал меч в ножны.

— Я проиграл.

Я пыталась понять, шутит он или сообщает результаты военного учения.

— Вы за мной следили.

— С кухни.

— С кухни, — повторила я. — То есть стража, которая так любезно расступалась перед подносом…

— Получила приказ.

Я мысленно вычеркнула из оценки караула «хорошо» за регулярность и добавила себе штраф за самонадеянность.

— Вы видели, что я иду к мгле. И позволили мне пересечь границу.

— Я предупредил вас внизу: горы заперты.

— Вы сказали, что горы заперты. Про мглу — ни слова.

— Я остановил вас, когда стало необходимо.

— Когда я уже не могла пошевелиться.

— Когда вы убедились.

Холод внутри сменился чем-то горячим. Не отогревом. Злостью.

— Вы позволили мне замёрзнуть, чтобы доказать свою правоту?

Дариан смотрел прямо на меня. Вблизи его глаза казались бесцветными, но в глубине ещё держался отсвет клинка, и от этого взгляд становился ещё холоднее.

— Мгла берёт снизу. Она не убивает мгновенно. Я знал, сколько времени у вас есть.

— Вы знали?

— Я прервал это, когда результат стал очевиден.

— Как великодушно.

— Вы не верите словам, госпожа Нора. Я мог спорить с вами до рассвета, но это ничего бы не изменило. Теперь вы знаете, что находится за камнями.

— Вы могли просто сказать.

— Я сказал. Вы пошли дальше.

В его голосе не было ни торжества, ни извинения. Только сухая констатация факта. От этого хотелось ударить его сильнее, чем если бы он улыбался.

— Вы всегда так убеждаете людей? Сначала позволяете им замёрзнуть, потом выдаёте плащ?

— Только тех, кто не слушает предупреждений.

— Принц. Это многое объясняет.

— Невеста, — отозвался он. — Это тоже многое объясняет.

Я хотела швырнуть в него шоколадкой. Или сапогом. Или собственным подносом, если бы тот не остался по ту сторону мглы. Но руки дрожали, а тело ещё не вернулось к нормальной температуре.

И хуже всего было то, что он оказался прав.

Я бы не поверила словам. Не поверила бы ни Эшу, ни Дариану, ни любому человеку, который пообещал бы мне безопасность. Но мгле я поверила. Камням. Холоду, который всё ещё сидел в мышцах и тянулся от коленей к бёдрам.

Клятва закрыла для меня чужие слова. Но глаза у меня остались, и кожа, помнившая холод, и голова, умевшая делать выводы из увиденного.

Я запомнила это.

Не верить. Проверять.

Я ненавидела Дариана за то, что он сделал. И ещё сильнее — за то, что часть меня понимала его расчёт.

Обратно мы шли молча. Он не предложил руки, и я была ему благодарна. Дариан держался на полшага впереди и немного сбоку, с той стороны, откуда дул ветер. На втором повороте я заметила, что порывы почти не достают до меня. Он заслонял меня плечом и плащом, не оглядываясь и не пытаясь привлечь внимание к этому обстоятельству.

В мысленном блокноте появилась запись: «Ветрозащита. Причина — вероятно, практическая». Формулировка была достаточно убедительной, чтобы не задавать дополнительных вопросов.

У конюшенной калитки нас встретил заспанный конюх с фонарём. Он увидел принца, меня в его плаще, подол на булавках и край фаты, торчащий из сапога. Его взгляд задержался на мне лишь на мгновение, затем он поклонился так низко, что фонарь едва не ударился о землю.

К утру о фате узнает конюшня. К обеду — половина замка. К вечеру кто-нибудь обязательно придумает, что я пыталась сбежать, переодевшись в сапоги конюха. Первым рассказчиком, судя по лицу, станет сам конюх.

§

Кабинет принца находился наверху Северной башни. Сорок одна ступень. Я считала каждую, потому что злость нуж-

далась в занятии, а ноги — в подтверждении, что они ещё существуют.

В кабинете горел камин. Тепло ударило в лицо, и я едва не застонала. Огонь отражался в тёмных панелях стен, на металлических застёжках книг и на серебряной чернильнице. Здесь пахло кожей, бумагой, дымом и лекарственными травами. На столе лежали карты, придавленные кинжалом, рядом — несколько свитков с печатями. Один край карты был обуглен.

Слуга принёс одеяло и горячее вино со специями. Меня усадили в кресло, укутали и вложили кружку в руки. Пальцы болели, когда тепло возвращалось в них. Я решила считать это хорошим знаком.

На столике рядом лежали чистый лист пергамента и перо.

— Хорошо, — сказала я, когда зубы перестали стучать. — Я остаюсь.

Дариан выдохнул. Коротко, неслышно. Затем подошёл к камину и поправил полено, которому ничего не требовалось.

— Разумно.

— Но по договору.

— Я предполагал.

— Тогда пишите.

Он повернулся ко мне.

— Я не ваш секретарь. Пишите сами.

Перо оказалось куда менее послушным инструментом, чем любая шариковая ручка. Оно цепляло пергамент, раз-

брызгивало чернила и оставляло кляксы там, где мне требовались точные формулировки. Дариан наблюдал молча, скрестив руки. Помогать не предлагал, но песочницу подвинул ближе.

На правой манжете его рубашки темнело пятно. То самое, которое я заметила в тронном зале. Теперь оно высохло и стало коричневым. Принц, похоже, забыл о нём. Или не считал нужным менять рубашку из-за крови.

Я не спросила.

Эш устроился на каминной полке между подсвечником и старым кубком. Дариан скользнул по нему взглядом и продолжил смотреть на меня. Ни удивления, ни вопроса. Значит, лиса он видел. Я отметила это про себя.

«ДОГОВОР О БРАКЕ», — вывела я в верхней части листа.

Заголовок оказался единственным, что за последние сутки не требовало объяснений. Я оставила место после него. Сроки, как и деньги, лучше обсуждать до подписания.

— Пункт первый. Срок. Сколько вам нужно?

Дариан не ответил сразу. Он смотрел на огонь, и цифру он, похоже, знал давно. Ему требовалось лишь решить, какую часть объяснения можно мне дать.

— Клятва должна прижиться в Печатях. За один день такое не приживается. Нужен полный круг двух лун. Они сходятся раз в год.

— Иными словами, двенадцать месяцев.

— Со дня обновления.

Я вписала срок. «Брак заключается на один год с момента обновления Печатей». Чернила легли неровно, но прочитать можно было.

— Почему нельзя расторгнуть раньше?

— Потому что это будет означать разрыв клятвы. Печати ослабнут ещё сильнее. Если они падут, вместе с ними падёт всё, что они удерживают.

— Включая ваш замок?

— Включая Кайвар.

Я подняла на него глаза поверх пера.

— Вы говорите так, будто это уже случалось.

— Я говорю так, будто не собираюсь проверять.

Ответ прозвучал слишком гладко.

— А если я найду дорогу домой раньше?

— Если Печати выдержат.

— Вы только что сказали, что раньше срока брак не расторгнуть.

— Без последствий — не расторгнуть. Дорога домой, если она существует, проходит через Сердце Печатей. Оно пробудится вместе с ними, когда завершится круг.

— Значит, раньше вы мне её не обещаете.

— Не обещаю.

Это было первое честное слово за весь вечер. Или первое, которое я могла проверить по интонации. Я всё равно не поверила ему полностью.

— Пункт второй. Раздельные покои. Желательно на разных этажах. Если такой роскоши нет, подойдут три запертые двери.

— Разумеется. Мы не герои баллады, госпожа Нора. У меня нет желания делить с вами быт.

— Наконец-то совпадение интересов.

Я записала условие.

— Пункт третий. Никаких прикосновений без моего прямого устного согласия.

— Исключение — спасение вашей жизни.

— Нет.

— Да. Если вы снова решите прогуляться в Стылую мглу, я не стану ждать разрешения, пока вы замерзаете.

— Тогда формулировка: экстренное спасение жизни — единственное исключение. Сегодняшнее происшествие под него подпадает. Претензий по факту спасения нет. Но после него вы не комментируете цвет моего лица, губ и содержимое сапог.

— Содержимое сапог?

— Фата.

— Я понял.

— И не улыбаетесь.

— Я не улыбаюсь.

— Вот именно. Продолжайте в том же духе.

Он чуть склонил голову. Я записала условие целиком. Мне хотелось, чтобы оно было точным. Ему достанется ров-

но столько, сколько я сама решу отдать.

— Пункт четвёртый. Вся информация о Сердце Печатей, Вратах, рунных узлах и любых возможных путях домой передаётся мне без задержки. Без цензуры, утаивания и дипломатических сказок.

— Вы хотите, чтобы я сообщил всё, что знаю?

— Именно.

— Включая письмена на Вратах?

— Особенно их. Я спрашивала вас о надписях на внутренней стороне арки в подземелье. Вы ответили: «Записи». Я спросила, чьи. Вы сказали: «Людей, живших в разные века». Это не ответ. Это оглавление.

— Письмена читают хронисты. Это их ремесло.

— А знать, что в них написано, чьё ремесло?

Дариан замолчал.

— Хронистов, — произнёс он наконец.

— Вы отвечаете должностью, а не содержанием.

Он не стал спорить. Я запомнила эту паузу.

— Тогда пишем: вся информация, включая содержание письмен на Вратах.

— Я сообщу вам всё, что знаю наверняка.

— А что вы знаете не наверняка?

— То, что вам не понравится.

— Прекрасно. Это будет приложением. В моём бизнесе приложения читают особенно внимательно. Именно там обычно прячут то, за что потом выставляют отдельный счёт.

Он изучал меня несколько секунд. Серые глаза не выдавали, что именно он искал: слабое место, предел терпения или повод прекратить разговор.

— Хорошо. С оговоркой «насколько мне известно».

— Формулировка слабая.

— Зато честная. Печати рушатся, госпожа Нора. Я не стану обещать вам знания, которых у меня нет.

— Тогда так и запишем.

Я добавила оговорку мелким почерком, рядом с кляксой. Письмена на Вратах вынесла в отдельную строку. Дважды он увёл разговор от них. Третий раз я ему не позволю.

— Пункт пятый. Церемонию организую я. Полностью. По своим правилам.

Дариан не сразу ответил.

— Вы собираетесь устраивать собственную свадьбу в чужом мире, на пороге войны?

— Я собираюсь не позволить вам испортить её.

— Какая забота.

— Я видела ваш тронный зал. Рассадка там — катастрофа. Хмурый бородач в зелёном кафтане стоит ближе к королю, чем генерал Сейра, которая командует вашей армией. Если это не политическое заявление, то я не знаю, что им является.

— Это герцог Ольсен. Его род выставляет тридцать тысяч мечей. Ему нельзя отказать в близости к трону.

— Тем более его нужно посадить так, чтобы он считал это

собственной победой, но не заслонял главнокомандующего. У каждого места есть функция. У каждого гостя — амбиции. Если вы посадите их неправильно, они начнут решать свои вопросы прямо во время церемонии.

Теперь он слушал внимательнее.

— Вы полагаете, что сможете заставить моих лордов ходить по струнке?

— Нет. Я полагаю, что смогу убедить их, будто они сами выбрали нужное место. Это разные вещи.

Несколько секунд он молчал. Затем слегка наклонил голову.

— Принято. Сроки согласуете с Тэйроном.

Переговоры шли лучше, чем побег.

— И последний пункт. Никаких дополнительных клятв. Только обязательная брачная присяга. Никаких «заодно», «ради королевства» и «пока смерть не разлучит нас». Я не клянусь вам в верности, любви или повиновении.

— Брачная присяга обязательна, — повторил он тихо. — Остальные клятвы — только по вашей воле.

— Воли не будет.

Он подвинул ко мне перо.

Пергамент лежал между нами. Неровные строки, кляксы, исправления. Я перечитала собственный почерк и вдруг поняла, что делаю. Готовлюсь поставить подпись под обещанием. Всего несколько часов назад я стояла на коленях в саду «Роуз-Хилла» и кричала в небо, что больше никому и нико-

гда не поверю. А теперь собиралась связать себя новым словом.

Две клятвы столкнулись внутри, как льдины. Старая не отпускала. Новая была необходима.

— Подпись в Кайваре — это клятва, — сказал Дариан.

— Знаю. Тэйрон уже объяснил мне, что здесь даже фигуры речи могут иметь последствия.

— Вы всё ещё можете отказаться. Встать и уйти.

Я помолчала.

— Не могу.

— Можете.

— Нет. Я могу уйти из комнаты. Могу выбежать из замка. Могу снова отправиться к мгле и проверить, насколько быстро она меня убьёт. Но это не будет свободой. Это будет другой способ проиграть.

Он ничего не ответил.

Я взяла перо.

— Вы сказали внизу, что договоры пишут те, кто хочет, чтобы им поверили на слово. Вы ошиблись. Договоры пишут те, кто не верит на слово. Для этого они и нужны.

Дариан долго молчал, глядя в огонь.

— Или те, кого однажды подвело чужое слово, — произнёс он негромко.

Я хотела спросить, чьё. Но вопрос застрял где-то между любопытством и здравым смыслом. Я не знала этого человека. Не знала, почему на его манжете кровь, почему он смот-

рит на собственный камин так, будто там горит не дерево.

И не собиралась узнавать сегодня.

Я подписала лист.

«Нора Вест».

Чернила вспыхнули золотом. Тонкая полоса света пробежала по буквам. Пергамент на мгновение вспомнил, что такое огонь. Золото впиталось в волокна. Под моей подписью медленно проступили другие буквы, выведенные уверенной, угловатой рукой:

«Дариан Верен».

Лист потеплел под ладонью, а затем снова стал обычным.

Я ждала грома или хотя бы вспышки в окнах, но подпись подействовала тише, чем счёт за аренду: камин потрескивал, и где-то за стеной скрипнула балка.

— Доброй ночи, госпожа Нора, — сказал принц.

Он потянул за шёлковый шнур у камина. В глубине коридора звякнул маленький колокольчик. Самый обычный звук. После Печатей, мглы и говорящего лиса эта бытовая мелочь показалась оскорбительно нормальной.

— Вас проводят.

Дариан свернул пергамент и убрал его в ящик дубового стола. Потом запер ящик тяжёлым ключом. Ключ повесил на шнурок и спрятал под рубашку.

Я проследила за движением.

— Вы же говорили, что двери здесь не запирают.

— Двери, — согласился он. — Не ящики.

Первый запертый замок, который я увидела в этом замке. Любопытно, что именно договор удостоился такой охраны.

В кабинет вошёл тот же стражник, который привёл меня в покои. Дариан уже стоял у окна спиной ко мне. Разговор был окончен — по крайней мере, для него.

Я поднялась из кресла, прихватив одеяло. Никто не попросил его вернуть. Плащ принца тоже остался на моих плечах.

Обратный путь я запоминала автоматически. Сорок одна ступень вниз. Два поворота налево. Галерея с гобеленами. На одном был вышит олень со стрелой в боку; выражение его морды выглядело настолько виноватым, что я почти сочувствовала животному. Дверь с резным вороном. Ещё три поворота.

Потом я перестала считать. На дверях не было замков, а без проводника я всё равно не знала, куда идти. Система безопасности строилась на простом принципе: выход есть, но найти его невозможно.

Покои встретили меня сыростью и запахом старого воска. Стражник поклонился и закрыл дверь снаружи. Просто закрыл, без ключа.

Я дошла до кровати, села и обнаружила, что больше не могу пошевелить пальцами. Тело, кажется, решило, что дневная норма катастроф выполнена, и отключило питание. Спорить я не стала.

Дверь оставалась закрытой, когда в комнату вошёл Эш.

Он прошёл мимо меня, легко запрыгнул на подоконник и устроился там, как у себя в спальне. Никакого скрипа, никакого шороха у двери. Просто появился.

— Он вошёл за тобой во мглу, — сказал лис.

Я повернула голову.

— Кто?

— Принц. Один. Только с мечом. Туда, куда стража сунется только по приказу и с большим неудовольствием.

— Он беспокоился о Печатях. Я для него инструмент. Договор на ножках.

Эш поднял голову. В янтарных глазах не было обычной насмешки.

— Конечно. Ради Печатей.

— Именно.

— Я бы на твоём месте не торопился разбираться, почему он пошёл сам.

— А я бы на твоём месте не пыталась раздавать советы. Ты только что не смог пересечь линию камней.

— Справедливо.

Я откинулась на подушки. Сил спорить не осталось. Плащ принца всё ещё пах дымом и кожей. Я натянула одеяло до подбородка и посмотрела на лиса.

— Он тебя видит? В кабинете он смотрел в твою сторону.

— Видит. Наследник многое видит.

— А слышит?

— Слава Печатям, нет. Иначе я бы не получил ни минуты

покоя.

Эш опустил голову на лапы. Я перевернулась на спину, но сапоги снимать не стала. Не было сил развязывать шнурки, вытаскивать фату и выяснять, не примёрзла ли она к подкладке. Кружево платья осталось измятым, подол — на булавках. В другой жизни я бы заплакала над таким видом. В этой — просто закрыла глаза.

За окном висели две луны. Большая серебряная, маленькая ржавая. Я пересчитала их в четвёртый раз за эту ночь.

Одна. Две.

Ничего не изменилось.

— Утром я проснусь дома, — сказала я потолку. — Назло.

— Осторожнее, — отозвался Эш, не поднимая головы. — Здесь слова слушают.

Я промолчала.

На всякий случай.

Глава 5. Мероприятие номер сто сорок четыре

«Брачная присяга — единственная клятва, которую Печать слушает двумя голосами сразу. Если один голос лжёт, Печать запоминает обоих и взыскивает с обоих».

— Кодекс Печатей, о брачной присяге

Тэйрон просил три дня. Я просила семь. Мы торговались недолго: Дариан сказал «пять», и на этом обсуждение закончилось.

У принца обнаружился редкий талант — прекращать переговоры одним словом. Возможно, именно поэтому его и собирались посадить на трон.

Пять дней из сорока. Двенадцать с половиной процентов оставшегося срока Печатей — на подготовку свадьбы, невестой в которой я себя не считала. Я пересчитала долю дважды. Цифры не изменились, зато на несколько минут удалось занять голову чем-то, кроме вопроса, что случится после церемонии.

В Кайваре не нашлось ни рулетки, ни чертежа тронного зала, ни человека, который понимал бы, зачем невесте знать расстояние от колонны до ближайшего выхода. Пришлось измерять зал шагами. Я считала вслух — чтобы стража не решила, будто я ищу тайник или прикидываю, как отсюда

сбежать. К концу первого дня один из солдат уже молча отодвигал с моего пути скамьи. Прогресс. Ещё немного — и мне выдадут табличку «не мешать, идёт работа».

На второй день за выцветшим гобеленом я заметила арку. Её заложили кирпичом, но кладка выдала себя: старый камень вокруг потемнел, а кирпичи были светлее и лежали слишком ровно. За ними мог оказаться проход. Или тупик. Я предпочитала знать наверняка.

— Эту дверь заложили давно, — сказал Тэйрон, наблюдая, как каменщик осторожно вынимает первый кирпич. — Ещё при деде короля. Печати не любят, когда тревожат старое.

Он по-прежнему останавливался после каждой фразы и ждал, пока меня догонит перевод.

— А я не люблю, когда в зал съезжаются все, кто сумел добраться, — пятьсот человек, факелы на каждой стене и всего два выхода.

— Печати не допустят пожара.

— Печати не читают план эвакуации.

Тэйрон открыл рот, закрыл, глянул на стену, потом на меня. Вид у него был такой, будто я предложила проверить прочность королевства молотком. Спорить он не стал.

Кирпичи снимали по одному. За аркой обнаружилась узкая лестница, уходившая вниз и скрывавшаяся за поворотом. Из прохода потянуло сыростью и холодной золой. На ступенях темнели мышиные следы.

Мыши, по крайней мере, знали, куда идти. Уже что-то.

Я распорядилась расчистить лестницу и проверить, куда она выходит. Если проход действительно соединял зал с кухнями, его можно будет использовать как запасной маршрут для прислуги. Если нет — хотя бы перестанем притворяться, что за гобеленом ничего не существует.

К вечеру выяснилось, что к кухням ход не ведёт: лестница уходила вниз, к старому водосбору, и дальше пройти не удалось, потому что внизу стояла вода. Арку я велела пока не трогать.

Вечерами я ела на кухне, у того самого повара, которому оставила шпильку. На второй вечер он молча положил её рядом с моей тарелкой. Мы больше не разговаривали, но порции стали больше.

§

На третий день я перехватила герцога Ольсена у оружейной. Издали он выглядел так, словно одним взглядом может остановить конницу. Вблизи оказался просто очень крупным мужчиной с густой бородой, зелёным кафтаном в пятнах от походной еды и краюхой хлеба в кармане. От неё он отламывал кусочки, пока слушал меня.

Понимала я его, правда, через слово. Мой переводчик отставал от герцога на целую фразу, а сам Ольсен говорил так быстро, будто каждое слово стоило ему денег. Из длинного ответа я разобрала только последние три: «…женщин в белом».

— Я не собираюсь объяснять вам, куда встать, — сказала я. — Предлагаю выбрать. Слева от помоста, у окна. Или справа, у колонны с трещиной.

Герцог жевал и изучал предложенные варианты. Справа находился самый опасный угол зала: колонна была рассечена трещиной почти от капители до пола. Слева тянуло холодом, зато оттуда просматривалась главная дверь.

Человек, за которым стояли тридцать тысяч мечей, привык следить за входами. Мне оставалось только дать ему возможность решить, что это его собственная идея.

— Слева, — наконец произнёс он. — Буду смотреть на дверь.

— Разумеется. Кто-то же должен.

Единственное, чего я не предусмотрела, — сквозняк. Мне пришлось выделить герцогу плащ.

На четвёртый день Тэйрон принёс ритуал. Свиток он держал на вытянутых руках.

— Невеста входит. Одна. — Он делал паузы, дожидаясь перевода. — Встаёт у колонны. Произносит слова. Одна. Потом входит наследник и произносит свои.

Колонна оказалась той самой, возле которой я отказалась ставить Ольсена. Трещина начиналась у капители, расширялась посередине и у основания сходилась в тонкую тёмную жилку.

— То есть я вхожу первой и клянусь одна у колонны?

— Двор будет смотреть.

— Это не меняет того, что у колонны я останусь одна.

— Так положено.

Тэйрон не смотрел мне в глаза. Его пальцы сжимали край пергамента, и тот тихо потрескивал.

— В первый день вы сказали мне: «Не клянись один. Слушатель найдётся». Я уже однажды поклялась. Вы видели, что получилось. И теперь предлагаете повторить — только при свидетелях?

Он побледнел так быстро, что на скулах проступили старческие пятна. Потом отступил к краю светового круга и снова развернул свиток, будто ответ мог обнаружиться на обороте.

У дальней колонны скрипнуло перо. Я заметила хрониста, когда звук оборвался. Чернильный человек стоял у стены, придерживая книгу на ладони. Он не вмешивался, но слушал так внимательно, что я невольно понизила голос.

— Кто это? — спросила я, когда Тэйрон вернулся.

— Хронист Ориэль. Он записывает всё, что произносится в замке. И дал обет не говорить о записанном.

— Удобная должность.

Тэйрон покосился на стену. Ответил он только после того, как перо снова заскрипело:

— Тяжёлая.

Он указал пальцем на нижнюю строку свитка.

— Есть другой обычай. «Двое одним дыханием». Его давно не применяли. Он опасен.

— Чем?

— Печать услышит два голоса как один. Если кто-то солжёт, она запомнит оба.

— Запомнит — это как?

— Боль. Обоим. Столько, сколько весит ложь.

Я перевела объяснение на понятный язык. Если Дариан солжёт в присяге, больно будет и мне. Если солгу я — ему. Печать не станет разбираться, кто именно решил испортить церемонию.

Я перебрала варианты. Клясться одной было опасно. Связывать себя с Дарианом — тоже. Его обещание до сих пор отзывалось под рёбрами неприятным холодом. Но у второго обряда имелось одно достоинство.

Клятва превращалась в проверку. Если Дариан солжёт, я узнаю. Если солгу я — узнает он. Союзниками нас это не делало. Просто теперь риск лежал на двоих.

Доверять не придётся. Достаточно проверить.

— Согласна, — сказала я.

— Принц должен согласиться.

— Он согласится.

В тот же вечер Тэйрон принёс ответ. Одно слово: «Принято». Ни вопросов, ни попытки обсудить последствия. Дариан согласился на ритуал, которым не пользовались много лет, с той же лёгкостью, с какой, вероятно, соглашался сменить караул.

Причин не расслабляться и без того хватало. Список рос

быстрее, чем хотелось.

Своих слов принц мне не прислал. Я попросила Тэйрона передать просьбу: хотя бы текст королевской клятвы. Мне нужно было сверить формулировки и понять, на что именно я собираюсь отвечать.

— Королевскую клятву не произносят заранее. Даже шёпотом. Если сказать её до обряда, она потеряет вес.

— Значит, мне предстоит выйти на церемонию, не зная текста одной из главных реплик.

— Да.

— Это нарушает всё, чему меня учили.

— Печати не учились у вас, — мягко ответил Тэйрон.

Возразить было нечего. Я выругалась про себя и отправила принца в папку «Неизвестные переменные» — вместе со всеми его неоговорёнными условиями.

С моей частью клятвы возникла другая проблема. Репетировать её Тэйрон разрешил: запрет касался только королевской. Женская формула начиналась словами «Клянусь верить и быть верной». Я успела произнести только «Клянусь верить», когда боль согнула меня пополам.

Удар пришёлся под рёбра. Грудь сдавило так, что на несколько секунд я перестала слышать даже собственное дыхание.

Тэйрон шагнул ко мне, но я подняла ладонь, останавливая его. Сначала вдох. Потом разберёмся.

— Печать слушает смысл, — сказал он, когда я выпря-

милась. — Слова только передают его. Но новая клятва не должна противоречить той, что вы дали в саду.

— Тогда я не стану обещать того, чего не могу выполнить. Я не могу поклясться верить. Могу — исполнять договор, который подписала.

— Это не присяга. Это… долговая расписка.

— Зато я знаю, что именно обещаю.

Тэйрон беззвучно повторил начало формулы, потом ещё раз пробежал глазами строки Кодекса. Он искал правило, которое запрещало бы мне такую формулировку. Не нашёл. В дальнем углу перестало скрипеть перо Ориэля.

Я не посмотрела на хрониста. Если он записывал всё, эта фраза тоже попадёт в книгу.

§

Вечером накануне церемонии я вдруг поняла, что почти весь день не вспоминала Райана. Он не исчез из памяти, просто перестал занимать каждую свободную минуту. От этого открытия стало не по себе.

Я привыкла считать боль предупреждением. Если однажды она стихнет, не решу ли я, что опасность тоже миновала? Осторожность была единственным, что я привезла из дома и сумела здесь удержать.

Сон не шёл. Я спустилась в зал проверить свечи: работа хотя бы не задавала вопросов.

В тронном зале горел один факел. Свет цеплялся за выступы камня, оставляя остальное помещение в густой тени.

У колонны с трещиной стоял Дариан.

Он не заметил меня. Ладонь принца лежала на камне возле самого разлома. Несколько мгновений он стоял над трещиной, потом наклонился и коснулся лбом холодной поверхности.

До сих пор я видела его собранным до последней складки на одежде. Сейчас он просто стоял, опустив голову, и не пытался выглядеть наследником престола.

Мне следовало уйти. Я осталась у входа.

— Вы дышите громче, чем вам кажется, — сказал он, не оборачиваясь.

— Проверяла свечи.

— В темноте.

— Это называется ночная смена.

Он выпрямился, и усталость тут же спряталась за привычным выражением лица. Я решила, что мне всё показалось, но его пальцы всё ещё касались камня.

— Она умирает, — сказал Дариан, глядя на колонну. — Не быстро. Каждый день на волос. Отец говорил, что к этому нужно привыкнуть.

— Получилось?

— Нет.

Я ждала усмешки, колкости, чего угодно, что вернуло бы разговор в привычные границы. Но он только отвёл взгляд.

Вблизи трещина казалась глубже, чем днём. Внутри темнела узкая полоса, словно камень обуглился изнутри. Даже

не касаясь колонны, я чувствовала исходящий от неё холод.

— Завтра будет много людей, — сказала я. — Не думайте о них. Думайте о порядке слов.

— Вы говорите это всем женихам?

— Всем. Женихи слушают реже.

— Идите спать, госпожа Нора.

— Вы тоже.

— Непременно.

Он не собирался спать. Я тоже.

§

Платье мне вернули чистым. Почти.

Портнихи Кайвара два дня восстанавливали кружево, подшивали оборванный подол и вычищали грязь. Пепел, въевшийся в тюль после подземелья, не взяли ни щёлок, ни мыльный корень. Старшая портниха предложила закрыть пятна золотой вышивкой.

Я отказалась.

— Оставьте. Пусть останется. Чёрное на белом — хотя бы честно.

Фату вернули отглаженной, но она всё равно выглядела пережившей войну. Мы с ней были в равном положении.

Планшета не хватало сильнее, чем я ожидала. Перед начищенным медным щитом, который заменял зеркало, я не знала, куда деть руки. Поправила фату, разгладила кружево, проверила булавки в потайном кармане. Потом повторила всё сначала.

На подоконнике сидел Эш. Рыжая шерсть почти сливалась с тёплым отсветом свечи, янтарные глаза следили за каждым моим движением.

— Булавки ты проверила четыре раза. На казнь идёшь строго по расписанию.

— Это моя свадьба.

— Я и говорю.

— Ты там будешь?

— На колонне. Печати лучше слышно сверху.

— И ничего не скажешь, пока я буду клясться?

— Я дух. Мы не вмешиваемся в людские глупости.

— Это поддержка?

— Это расписание.

Я обернулась к нему через плечо.

— Мог бы хотя бы пожелать удачи.

— Мог бы. Но тогда ты решишь, что она тебе обеспечена.

Я фыркнула. Плечи немного отпустило. Эш спрыгнул с подоконника, обошёл комнату и запрыгнул на сундук.

Сейра вошла без стука. В замке, где двери не запирались, это, кажется, считалось нормой. Я всё ещё не решила, нравилась мне такая привычка или тревожила.

Она оглядела меня с головы до ног, задержала взгляд на платье и заговорила не сразу.

— В таком обычно провожают в последний путь.

— А я думала, в таком выходят замуж. Хотя сегодня разница небольшая.

Сейра хмыкнула и швырнула на кровать кожаный кошель. Он шлёпнулся на покрывало.

— Три золотых. Первую ставку я проиграла: до ужина ты так и не упала.

— Я предупреждала.

— Вторая. Ужин будет после церемонии. Дойдёшь до него на своих ногах — отдам ещё три.

Я подняла кошель. Монеты звякнули.

— Ставки на моё выживание. Очень трогательно.

— Не путай. Выживать — дело стражи. Твоё дело — стоять. Мне не хочется объяснять принцу, почему его невесту вынесли из зала на руках.

Сейра уже взялась за дверь, но задержалась на пороге.

— Ольсен у окна. Ты поставила его там, чтобы он смотрел на вход, а он думает, что сам выбрал. Это правильно.

— Знаю. Я придумала.

— Не зазнавайся.

Она вышла и уже из коридора бросила:

— Принц третью ночь не ложится.

— Зачем вы мне это говорите?

— Чтобы ты не удивлялась, если он начнёт ошибаться. Он не железный.

Я успела заметить у неё на запястье шнурок с узелками. Их было больше десяти, пересчитать не удалось. Обычно я не спрашивала о чужих вещах. Про этот шнурок хотелось — и именно поэтому я промолчала.

§

Дариан ждал у дверей галереи, прислонившись спиной к стене. На нём был чёрный камзол с багровой подкладкой. Манжеты наконец оказались чистыми. Без пятна рукав выглядел чужим. Под глазами залегли тени.

Чью кровь он принёс в зал в день моего появления, Сейра обронила между делом, как погоду: принц сам вынес с заставы у мглы раненого разведчика и вошёл в зал прямо оттуда. Разведчик выжил.

— У вас такой вид, будто всё под контролем, — сказал он.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Когда всё под контролем, подол так не сжимают.

Я разжала пальцы. Ткань тут же собралась в складку снова.

— А вы чем занимаетесь, когда вам страшно?

— Я не боюсь.

— Это я и сказала.

Он повернул голову. Я не поняла, задела ли его или просто попала в неудобное место. Ответа не последовало.

— Галерею вы пройдёте одна, — сказал он. — От дверей до колонны. Так положено.

— Тогда по сторонам нужна охрана. Хотя бы по двое на пролёт. Галерея длинная, в зале пятьсот человек, и никого из них не проверяли на входе.

Я помолчала. То, что собиралась сказать дальше, обычно

не говорила клиентам. Им полагалось верить, что всё предусмотрено.

— Я одна в чужом мире, среди совершенно чужих людей. Я не чувствую себя в безопасности.

Дариан ответил не сразу. И мягче, чем я ожидала:

— Все, кто будет в зале, ждут обновления Печатей. Стража останется на стенах. Двое моих людей будут у галереи. Больше обещать не стану.

Честный ответ. Неуютнее от этого стало только сильнее.

Дариан коротко поклонился и ушёл боковым проходом: к колонне ему полагалось прийти раньше меня.

Стражники распахнули створки.

§

Пять сотен лиц повернулись ко мне.

Я видела такие взгляды раньше — с боковой линии, с рацией у рта, когда следила, чтобы невеста не забыла улыбнуться фотографу. Только тогда смотрели на неё. Сегодня смотрели на меня.

В зале пахло воском, холодным камнем и зимним воздухом из высоких окон. Факелы отражались в отполированном полу; золотая нить на одежде лордов вспыхивала, когда они поворачивались.

Всё работало. Ольсен стоял у окна и следил за дверью. Сейра заняла место справа от помоста, повернув к залу ту сторону лица, на которой проходил шрам. Дама в золотой парче, которую в первый день задвинули за колонну, теперь

стояла у самой галереи и сияла так, будто сама придумала всю церемонию. Я не стала её разубеждать.

Свечи горели ровно: я велела подрезать фитили и убрать коптящие.

В первом ряду стояли лорды. Знакомых лиц из прежней жизни среди них не нашлось. Мама с чемоданом, который она собрала, когда мне было одиннадцать, осталась по ту сторону мира. Папа тоже. Даже вазон с пионами остался там, в «Роуз-Хилле», между двумя пустыми стульями.

На этой свадьбе не было никого, кого я могла бы подвести. Я не ожидала, что от этого станет так пусто.

Фату я поправила сама, на ходу. Если нельзя поручить — делай сама.

У колонны меня ждали Тэйрон и Дариан. Тэйрон держал свиток, но смотрел на трещину. Дариан тоже не отрывал от неё взгляда, пока я не подошла. Тогда он коротко глянул на меня, проверяя, что я дошла.

Тэйрон показал, куда положить ладони: правую Дариана и мою левую, по разные стороны трещины. Свободные руки следовало соединить.

— Согласие на прикосновение, — сказала я негромко. — Даю. Устное. Прошу зафиксировать.

Тэйрон моргнул.

— Для… кого?

— Для хрониста.

Перо Ориэля скрипнуло в углу. Дариан взглянул мне в ли-

цо, а не на протянутую руку.

— Принято.

Его ладонь оказалась сухой и тёплой. У основания большого пальца чувствовалась мозоль. Он держал крепко, но не сдавливал. Я заметила это и тут же пожалела, что заметила.

Мы встретились глазами. Всего на секунду. Я успела разглядеть тёмные круги под его глазами и тонкую складку между бровями.

Я знала, что он умеет выглядеть убедительно. Слишком хорошо умел. Но сейчас почему-то не хотелось искать подвох.

— У вас плечи у ушей, — сказал Дариан так тихо, что слышала только я.

— Всё в порядке.

— Нет. — Его пальцы чуть сжали мои. — Опустите. И вдохните.

Я послушалась раньше, чем успела обидеться.

Тэйрон поднял свободную руку.

— Раз.

Камень под ладонью отозвался едва заметной дрожью.

— Два.

Мы заговорили одновременно.

— Клянусь стоять между Печатями и тьмой, пока дышу.

— Клянусь исполнять договор, который подписала.

Я расслышала его слова поверх своих: «Пока дышу».

Он клялся жизнью. Я — договором на пергаменте. Даже

без калькулятора было ясно, чья цена выше.

Мне захотелось остановить обряд, уточнить формулировку, добавить условие. Но слова уже прозвучали. Камень принял их, и теперь оставалось ждать ответа.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом под ладонью шевельнулся камень. Тепло поднялось по коже от пальцев к запястью — не обжигая, но заставляя мышцы непроизвольно напрячься. В глубине колонны что-то тихо щёлкнуло.

Внутри трещины проступила тонкая золотая полоска.

Свет прошёл по соединённым рукам, от ладони Дариана к моей, и только потом ушёл в колонну. Камень загудел низко и протяжно. Я почувствовала звук зубами, а под ногами дрогнули плиты.

По стенам и сводам побежали линии света. Старые узоры проступали один за другим: сначала на ближайших колоннах, затем под арками и на каменных перемычках. За пределами зала им ответил далёкий звон — из коридоров, всё дальше и дальше.

Трещина между нашими ладонями начала сходиться. Камень не растворялся и не вспыхивал. Его края медленно сдвигались, скребя друг о друга. Широкий разлом сузился до тонкой тёмной линии.

Пламя факелов вытянулось в нашу сторону. Фата поднялась с плеч и повисла в воздухе; выбившиеся пряди коснулись щеки.

Я ждала боли.

Её не было.

Я прислушалась к себе: под кожей не жгло, в груди вместо привычного льда было тепло, а удар, который полагался за ложь, так и не пришёл. Остался гул в камне и рука Дариана в моей.

Колени дрожали так сильно, что я боялась не удержаться на ногах. Подол скрывал это лучше, чем я могла бы сама.

Зал заговорил разом. Кто-то вскрикнул, кто-то отступил, кто-то заплакал. Тэйрон опустился на колени перед колонной. Слёзы текли по его лицу, а он даже не пытался их вытереть.

— Так не бывает, — выдохнул он. — Две правдивые клятвы не могут… Печать не должна отвечать так.

Ольсен застыл с недоеденным куском хлеба в руке.

— Впервые вижу женщину в белом, после которой что-то ожило, — пробормотал он. Переводчик на этот раз успел.

Сейра положила ладонь на рукоять меча, но не вынула его из ножен.

Эш сидел на вершине колонны. Рыжая шерсть топорщилась, уши были прижаты. В янтарных глазах не осталось насмешки.

— Я слушаю их три тысячи лет, красавица, — произнёс он у меня в голове. Голос звучал глухо, без привычной ленцы. — Так они ещё не отвечали.

Дариан глянул на лиса, потом на меня, потом снова на

сросшуюся колонну. Лицо у него оставалось спокойным. Я не могла понять, что он увидел в этом свете: угрозу, ответ или новую возможность.

Он не сразу разжал пальцы.

Ориэль стоял у стены. В отличие от остальных, он не отшатнулся и не заговорил. Только перо двигалось по странице так быстро, что чернила попали на манжет. Потом он закрыл книгу. Не торопясь, прижав ладонь к обложке.

Эта свадьба была сто сорок четвёртой. На предыдущих ста сорока трёх хуже всего бывало не во время церемонии, а в минуту после неё, когда все хлопают и никто не смотрит на двери.

Я нашла глазами двери.

Тэйрон всё ещё стоял на коленях, двор шумел, и меня никто не останавливал.

К главным дверям можно было пройти только мимо трона. Я сама выстроила маршрут церемонии и не предусмотрела, что захочу избежать этого места.

Король сидел так же, как в первый день: серая кожа, пальцы-ветки на подлокотниках. Я бы прошла мимо. Но его глаза открылись — ясные, выцветшие, голубые. По серой щеке медленно скатилась слеза.

Лицо короля не дрогнуло. Сначала он смотрел не на меня, а выше, на золотые нити под сводами. Потом его взгляд опустился.

— Прости меня, дитя.

Переводчик запоздал. Слова дошли до меня как из соседней комнаты, когда веки короля уже опускались.

Я хотела спросить: за что?

Но он снова стал неподвижным стариком на троне.

Глава 6. Ночная чаша

«Ночную чашу подносят к дверям молодых и не вносят внутрь. Кто принёс, тот и ручается за вино. Так записано, и так делалось, пока было кому ручаться».

— Обычаи Кайвара, о свадебных дарах

— Три золотых, — сказала Сейра.

Она положила монеты на скатерть одну за другой. Не бросила, не пододвинула разом — именно положила, с паузами, чтобы я успела рассмотреть каждую и осознать, что это не милостыня, а выплата по проигранному пари.

— Ты дошла до ужина на своих ногах.

— Вы проиграли.

— Я заплатила. Это разные вещи.

Сейра шумно втянула воздух носом и тут же вернула лицу привычную суровость: улыбка была нарушением устава, за которое полагался выговор. Признавать поражения вслух она, похоже, не умела. Расплачиваться — умела отлично.

Она развернулась и направилась к своему месту справа от помоста, не дожидаясь благодарности. Я сгребла монеты в кошель. Там уже лежали первые три. Шесть золотых за одну свадьбу. В Кайваре даже проигрыши обходились дороже, чем в «Роуз-Хилле».

Зато ужин наконец шёл по плану.

Я добилась, чтобы столы поставили подковой, раскрытой

к помосту. Гости видели жениха и невесту, могли следить за каждым тостом и каждым движением, но кухонная арка оставалась за их спинами. Блюда выносили оттуда одно за другим, и я не собиралась позволять лордам слушать грохот котлов между поздравлениями. Виночерпии двигались по залу бесшумно; свечи отражались в серебре, в тёмном полированном дереве и в высоких кубках, а над всем этим стоял запах горячего хлеба, пряного мяса и воска. Каменщик, который вскрыл для меня кирпичную кладку, сидел за боковым столом. Перед ним стоял отдельный кусок пирога — заметно больше остальных. Судя по выражению его лица, он считал вечер удачным.

Я тоже могла бы счесть его удачным, если бы не Тэйрон.

Старик плакал.

Начал ещё во время церемонии и, судя по всему, так и не нашёл причины остановиться. Он всхлипывал над хлебом, промокал глаза после бульона, принимался за платок во время каждого тоста. Даже речь какого-то барона довела его до нового приступа. Герцог Ольсен говорил дольше всех, и переводчик, как и в первый раз, отстал и ухватил из его речи только последние три слова:

«…женщин в белом».

Я уже решила, что это любимое выражение герцога. Или тост, который в Кайваре полагалось произносить на свадьбах, независимо от смысла. Уточнять не хотелось: Тэйрон мог расплакаться ещё сильнее.

Сам Ольсен подошёл ко мне, когда я проверяла, чтобы блюда дошли до дальнего конца стола. В одной руке он держал ломоть хлеба, в другой — небольшой свёрток, перевязанный тёмной лентой. Герцог развернул его прямо на скатерти, не обращая внимания на крошки.

Внутри лежали сапоги.

Тёмная мягкая кожа, меховая оторочка, крепкая подошва. Для парадов такая обувь не годилась. В ней можно было пройти по снегу и не потерять пальцы. И, что было особенно подозрительно, сапоги оказались ровно моего размера.

Я оглядела сапоги, потом герцога.

Откуда он узнал размер, оставалось загадкой. Переводчик догнал его речь только тогда, когда Ольсен уже улыбался в бороду.

— Говорят, у госпожи великая упрямая душа и мёрзнут ноги. Первое не лечится. Второе я решил.

Я невольно опустила взгляд на собственные ступни. Конюхи видели меня на дороге из мглы. А конюхи, как выяснилось, были не единственными, кто умел быстро разносить новости по замку. Историю о невесте, которая вернулась с фатой в сапогах, теперь, вероятно, знали даже куры на кухне.

Дариан сидел рядом. Он с таким вниманием изучал вино в своём кубке, что на дне, должно быть, плавали государственные тайны, и он собирался разобрать каждую. Подпункт «б» третьего пункта нашего договора запрещал ему комментировать мою синеву. Герцогам, похоже, ограничений не выда-

вали.

— Благодарю, ваша светлость, — сказала я.

И это было искренне. Без вежливой надстройки, без попытки угадать, чего от меня ждут. Сапоги были хорошими, а ноги у меня действительно мёрзли. Оказалось, правду говорить проще, чем я думала. Она не требовала усилий и, что важнее, не отзывалась под кожей болью.

Ольсен удовлетворённо кивнул и вернулся к своему месту.

У стены, чуть в стороне от общего движения, стоял Ориэль. Как всегда — с книгой на предплечье, в мантии цвета чернил. За весь вечер к нему не подошёл ни один слуга. На маленьком столике рядом с ним стояли тарелки, которые я велела поставить по своей рассадке, но к ним никто не притронулся.

Я взяла с блюда кусок пирога и подошла к хронисту.

— Хронисты не едят при гостях, госпожа, — произнёс он, не поднимая головы.

— Я не гость. Я организатор. А у организатора на банкете никто не голодает. Если нельзя за столом, ешьте стоя. Это тоже считается.

Ориэль перевёл взгляд на пирог, затем на меня. Его пальцы были сухими, тонкими, серыми от чернил. Чёрные следы въелись в складки кожи так глубоко, что перо давно стало продолжением руки. Он взял кусок, не выпуская пера, и откусил.

— Сегодня у колонны вы дали согласие «для хрониста», — сказал он негромко. — Для протокола. Я записал слово в слово. За много лет вы первая, кто вспомнил, что я там стою.

— А обычно забывают?

Он опустил глаза в книгу.

— Обычно предпочитают забыть.

Я не поняла, что именно он имел в виду. Вопросов было больше, чем времени, а Ориэль явно не собирался отвечать. Но пирог он доел — и это уже можно было записать в список удачных решений вечера.

Подарков оказалось тридцать восемь.

Я пересчитала их, пока слуги расставляли дары вдоль стены, и разложила в памяти по привычной схеме: номер, дарительница, предмет. Блокнота под рукой не было, но привычка никуда не делась. Девятыми значились сапоги Ольсена. Под четырнадцатым номером стояли две серебряные чаши — гладкие, тяжёлые, с узким поясом рун по самому краю. Их преподнёс Совет домов. Лорды, видимо, решили, что покупать каждому молодожёну отдельный подарок слишком расточительно, и сложились на одну пару от всех. Практично. Даже в свадебных традициях экономия начиналась с общего бюджета.

— Ночные чаши, — объяснил Тэйрон, заметив, что я задержалась возле подарка.

Он уже не плакал, хотя нос всё ещё краснел, а голос временами срывался. Казалось, старик держался из последних

сил.

— Обычай, — продолжил он. — Гости дарят молодым вино на первую ночь. Чтобы она была тёплой и долгой. Чтобы молодые… не спешили засыпать. По чаше к каждой двери. Внутрь её не вносят: тот, кто принёс, ручается за вино и остаётся за порогом, пока оно…

Он замялся.

— Выпито? — подсказала я.

— Да.

— Кем?

— Тем, кому принесли.

Я перевела глаза с двух чаш на Тэйрона.

— То есть если нести их к дверям, а двери разные, то нужны две чаши и два порога.

— Принц распорядился именно так, — сказал он. Кончики его ушей порозовели. — Обычай, вообще-то, предполагает… одну комнату.

— Обычай предполагает многое. У нас пункт второй.

Тэйрон издал долгий, измученный вздох. За один день его заставили плакать от счастья, объяснять свадебный протокол и обсуждать, сколько дверей положено молодожёнам. Он явно предпочёл бы вернуться к первому занятию. Старик поспешил прочь, разыскивая платок.

Дариан ел мало.

Со стороны это было почти незаметно. Он накладывал себе еду, разрезал мясо, подносил кусочки ко рту и поддер-

живал видимость ужина с безупречной вежливостью. Но я видела, сколько оставалось на его тарелке. Он ел ровно настолько, чтобы никто не мог обвинить наследника в неуважении к хозяевам вечера.

Аппетит тут был ни при чём.

Он слушал лордов, отвечал коротко и точно, не позволял разговорам затягиваться и всё время держал двери в поле зрения, хотя гости этого не замечали: взгляд его возвращался к ним снова и снова, между репликами, тостами и паузами. Даже когда он улыбался, внимание оставалось там.

— Вы поднимались четыре раза, — сказал он негромко, когда ближайшие соседи увлеклись разговором.

— Я проверяла подачу.

— Подача прекрасна.

— Знаю. Мне нужно было убедиться.

— Вы убеждаетесь каждые десять минут.

— Я привыкла, что за мной приходят позже и приносят счёт.

Он повернул голову.

Взгляд был не таким, как у колонны, когда между нами стояли гости, договор и слишком много невысказанного. Сейчас он смотрел спокойнее. Усталость залегла под глазами тёмными тенями, и на мгновение в лице проступило нечто почти мальчишеское. Он улыбнулся — коротко, по-настоящему, не успев надеть придворную маску.

— Счёт выставили Печати, госпожа Нора, — сказал он.

— И по нему уже заплачено.

Я могла бы ответить что-нибудь остроумное. Обычно слова находились быстро, особенно когда от них требовалось удержать дистанцию. Но сейчас я промолчала.

Он тоже.

Через минуту барон поднял кубок, произнёс очередной тост, и зал снова наполнился голосами.

§

Покои Дариана находились в Северной башне. Мои — в гостевом крыле, двумя этажами ниже и за поворотом. Из всего нашего договора пункт о разных этажах оказался единственным, который замок выполнил буквально и без попыток толкования.

У моей двери Дариан остановился в трёх шагах. Не приблизился, не задержал руку на дверной ручке, не сделал ничего, что можно было бы принять за приглашение или требование.

— Доброй ночи, ваше высочество.

— Доброй ночи, госпожа Нора.

Он развернулся и пошёл вверх по лестнице. Я слушала его шаги, пока они не затерялись в каменных пролётах.

В комнате было тепло. Для меня растопили камин, и жар уже успел прогнать сырость из стен. Над ним висел начищенный медный щит, который мне принесли вместо зеркала. В нём отражалась женщина, впервые за неделю похожая на невесту: волосы убраны, платье расправлено, на плечах

ни пыли, ни снега. Правда, ткань всё ещё пахла дымом. Фата лежала на сундуке — чистая, отглаженная, почти невинная после всего, что ей пришлось пережить.

Эш влетел в окно без стука.

Именно влетел. С подоконника он прыгнул на каминную полку, с неё — на сундук, затем на кровать. На мгновение все четыре лапы оторвались от пола, а рыжая шерсть вспыхнула россыпью тёплых искр.

— Я был у реки, — объявил он.

— Рада за тебя.

— Первый раз за сто с лишним лет.

Он произнёс это тоном вестника, сообщающего о возвращении давно потерянной короны. Хвост поднялся трубой, глаза блестели.

— Печать теперь достаёт до самой воды. Раньше последний камень на дороге был для меня краем света. Я доходил до него и дальше не мог. Стоял там, хватал воздух и пытался поймать его лапами. А сегодня прошёл дальше. Зашёл в реку по брюхо — и не растворился.

Он посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Что тебе стоит купить полотенце.

— Это значит, что я могу ходить.

Эш спрыгнул с кровати и прошёл круг по комнате. Лапы почти не издавали звука на каменном полу. Он двигался быстро, легко, и в каждом шаге было столько непривычной

свободы, что я невольно улыбнулась.

— Далеко, — продолжил он. — Дальше камней. Мгла отступила, представляешь?

Он резко остановился. Радость на его морде сменилась настороженностью: он вспомнил, что хранителю замка не положено вести себя как щенку, впервые выбравшемуся со двора.

— Не вздумай никому рассказывать, что я радовался. Хранитель замка не радуется. Он констатирует.

— Констатируй сколько угодно.

Эш отвернулся.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Я не ответила. Слишком легко было принять это за нечто большее, чем короткое слово. А мы с ним ещё не договаривались о заботе.

Спать я не собиралась.

Я села на кровать, не снимая сапог Ольсена. Они оказались мягкими, тёплыми и гораздо удобнее тех, в которых я прошла через снег. За окном темнел двор, а в камине оседали угли. Я ждала ночную чашу.

Её должны были принести к двери и оставить на пороге, не внося внутрь. Обычай был старше меня, старше Дариана и, судя по словам Тэйрона, пережил не одно поколение правителей. Я дала им срок: пока свеча не сгорит на ширину ладони. Если подарок не появится, придётся выяснять, кто и почему решил нарушить порядок.

Свеча догорела до отметки.

В коридоре было тихо. Ни шагов, ни звона посуды, ни приглушённых голосов слуг. Я подошла к двери, открыла её и выглянула наружу.

Пусто.

— Мне не принесли чашу.

Эш лежал у камина, прикрыв глаза.

— Может, забыли.

— Они не забывали о ней веками. Это единственный обычай, ради которого лорды сложились в общую казну. Если я о свадьбах и знаю одно, так это то, что подарок, который не вручили вовремя, очень быстро превращается в скандал. Я пойду выяснять.

— Ночью?

— Обслуживание не бывает ночным. Оно либо работает, либо нет.

Плащ принца я так и не вернула. Утром вспомнила о нём не сразу, потом началась церемония, потом ужин, потом всё остальное. Так он и остался висеть на спинке кресла: тяжёлый, тёмный, пахнущий дымом и кожей. Я накинула его на плечи. Плащ был тёплым. Это всё, о чём я позволила себе думать.

Вышла в коридор и прикрыла за собой дверь.

Тридцать три ступени вниз. Два поворота налево. Галерея с гобеленами, где вышитые олени по-прежнему выглядели виноватыми. Лестница к кухням была мне знакома луч-

ше парадных залов. Я знала, где камень просел, где ступень скрипит, где у стены тянет холодом. В замке можно было заблудиться в собственных покоях, но не на кухонной лестнице.

С галереи, из-за колонны, я увидела человека с подносом.

Он шёл от кухонной арки к лестнице Северной башни — той самой, что вела к покоям принца. Серая ливрея, белые манжеты, серебряный поднос, тяжёлый и отполированный до блеска. На нём стояла одна-единственная чаша. Гладкая, массивная, с узким поясом рун по краю.

Человек миновал первого стражника. Тот даже не повернул головы.

Второго.

Третьего.

Никто не окликнул его. Никто не спросил, куда он направляется, кто его послал и почему он идёт по лестнице в Северную башню, ни разу не оглянувшись.

Я осталась за колонной и считала посты.

Три стражника. Три возможности остановить незнакомца. Ни одного вопроса.

Я знала, почему они его пропустили. Человека с подносом не останавливают. Это был мой собственный секрет, один из первых приёмов, который я освоила в замке. В первую же ночь я воспользовалась им, когда выходила из кухни. Никому не приходило в голову задержать поднос с едой. Все смотрели на поднос, а не на человека за ним.

Я слишком хорошо знала этот приём, чтобы не заметить, когда им воспользовались против меня.

Но я не двинулась сразу. Сначала посмотрела внимательнее.

Брен, старый виночерпий, с которым я три дня согласовывала вина, хромал на левую ногу. Под пятку он подкладывал кусочек войлока, и при ходьбе его плечо едва заметно опускалось. Этот шёл ровно, без малейшей хромоты.

Ливрея сидела на нём с чужого плеча: в плечах узко, рукава длинны. Манжеты кухонных слуг редко оставались белыми дольше часа. Жир, вино, соусы — кухня не прощала чистоты. У этого человека манжеты были безупречны, их, похоже, только что достали из сундука.

И чаша была одна.

Я продолжала смотреть, пока он не поднялся на первые ступени лестницы Северной башни. Он держался спокойно. Слишком спокойно для простого поручения.

Я вышла из-за колонны и пошла наперерез.

— Стойте.

Он остановился на третьей ступени и обернулся. Взгляд скользнул по мне быстро и вежливо, задержался на плаще и сапогах — на лицо не поднялся.

— Госпожа.

— Это ночная чаша?

— От Совета домов, госпожа. Для принца.

— Одна.

— Вторую уже отнесли.

— Кому?

— К вашим дверям, госпожа.

Я не ответила сразу.

Моя дверь была пуста. Я проверила коридор. Никто не приносил чашу, никто не оставлял её у порога. Человек лгал, и делал это так ровно, что мне стало любопытно, сколько раз он репетировал.

— Прекрасно, — сказала я. — Тэйрон объяснил мне обычай. Тот, кто принёс чашу, ручается за вино. Вы принесли. Значит, ручайтесь.

— Госпожа?

— Один глоток. После этого я верну вам поднос и извинюсь перед Советом домов за свою подозрительность.

Я протянула руку.

— Это несложно.

Лицо его почти не изменилось. Только скула дрогнула — короткий сбой в тщательно удерживаемом выражении.

— Я не вправе пить из чаши принца.

— Тогда я выпью за него.

Я взялась за ножку чаши.

Он дёрнул поднос на себя.

Серебро ударилось о серебро. Чаша накренилась, тёмное вино плеснуло через край и обожгло холодом запястье — там, где под тонкой кожей бился пульс. Пахнуло горечью, сладковатой, как от тёртого корня.

Боли не было.

Я запомнила это сразу, потому что ждала боли. Вместо неё кожа побелела: с неё стёрли цвет. Пятно легло на запястье, гладкое и чужое, без единой поры. Пальцы перестали слушаться. Я попыталась сжать их, но рука больше не принадлежала мне.

Чаша рухнула на камень.

Колени подогнулись, и я села на нижнюю ступень.

Звон прокатился по галерее, ударился о своды и вернулся эхом. Человек с подносом сорвался вниз по лестнице. Он успел сделать два или три шага, не больше.

Сейра шла ему навстречу.

Я не видела, откуда она появилась. Не слышала бега, не заметила, как она вышла из бокового прохода. Она не пряталась и не доставала оружия. Просто оказалась на нужной ступени в нужный момент. Одной рукой схватила мужчину за ворот, ударила коленом — коротко, без злости, почти буднично. Он сложился и сел на камень.

— Живой, — сказала Сейра через плечо.

Я повернулась к ней. Голос получился слишком звонким.

— Что вы здесь делаете?

— Обхожу посты.

Её взгляд переместился на мою руку. Лицо изменилось мгновенно: насмешка исчезла, глаза стали жёсткими.

— А ты что?

Сейра говорила «ты» почти всем, кроме принца и короля.

То, что я стала женой наследника, ничего в её манерах не изменило. Странным образом это мне нравилось. В замке, где мне кланялись, сами не зная, кто перед ними, она оставалась единственной, кто не делал вид, что всё обо мне понимает.

— Мне не принесли чашу.

Сейра нахмурилась.

— Что?

— Мне не принесли чашу, — повторила я. Слова прозвучали нелепо даже для меня, но именно с этим я вышла из комнаты. — Я пошла выяснить почему.

Она не сразу отвела от меня взгляд. Затем присела возле разбитой чаши. Не коснулась ни серебра, ни вина. Наклонилась, осторожно вдохнула над тёмной лужей и выпрямилась.

— Белая вдова, — сказала она. — Холодный ожог. Если выпить, через час перестаёшь чувствовать ноги. Через два — сердце.

Я осмотрела запястье.

Белое пятно размером с монету лежало на коже, ровное по краям. Вокруг него пальцы медленно наливались онемением.

Сверху послышались шаги.

Быстрые. Лёгкие.

Дариан остановился на верхней площадке. Без камзола, в расстёгнутой рубашке и тёмных домашних штанах, с мечом в руке и растрёпанными волосами. Он явно вскочил с постели и не потратил ни секунды на приличия.

Первое, что я заметила, — он был босой.

Второе — смотрел не на человека, которого Сейра прижала к ступеням, и не на разбитую чашу.

Он смотрел на мою руку.

— Вы это пили?

— Нет. — Я не узнала собственный голос. — Облилась.

Он сбежал по лестнице. Меч с лязгом лёг на камень. Дариан опустился рядом со мной на одно колено, и только тогда я заметила, что его руки дрожат.

— Согласие на прикосновение, — произнёс он тихо.

Я не сразу смогла ответить.

Он помнил.

Пять дней назад я продиктовала ему правила. Это были условия, без которых договор между нами не мог существовать. Он держал их даже сейчас, босой, перепуганный, с мечом на каменном полу и ядом на моей коже.

— Даю, — сказала я. — Устное. Для протокола.

Он осторожно взял меня за запястье — двумя пальцами, боясь причинить ещё больший вред. В нише рядом горела лампада. Там же стоял кувшин с водой для стражи. Дариан помог мне подойти к нему.

Плащ соскользнул с плеча. Он подхватил его, поправил и ничего не сказал. Это был его плащ. Я не вернула его, хотя должна была. Мы оба сделали вид, что сейчас не время обсуждать эту маленькую проблему.

Он лил воду на моё запястье долго, не торопясь. Холод-

ная струя смывала тёмные следы вина и горький запах. Белое пятно сначала оставалось неподвижным, затем начало сереть по краям. В пальцах появились тонкие иголки.

— Больно?

— Начинает.

— Хорошо. Значит, возвращается чувствительность.

Мы замолчали.

Вода стекала на пол и собиралась в узкую лужицу между камнями. За моей спиной Сейра отдавала короткие распоряжения своим людям. Послышались тяжёлые шаги, затем пленника повели вниз, в темноту. Эш появился на ступенях, сел чуть в стороне и принялся умываться с демонстративным равнодушием. Дариан бросил на него короткий взгляд, но ничего не спросил.

— Кто принёс чашу? — произнёс он.

— Назвался слугой от Совета домов. Ливрея была не по размеру: плечи узкие, рукава длинные. И шёл ровно. Брен хромает.

Дариан поднял глаза от моей руки.

— Вы заметили, как он ходит?

— Я заметила, как он прошёл мимо трёх постов. Никто его не остановил. Я знаю почему: человека с подносом не останавливают. Я сама так ходила.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. Не перебивал, не пытался закончить мысль за меня. Потом тихо произнёс:

— Принято.

На этот раз слово прозвучало иначе. Не как ответ, которым закрывают разговор, и не как привычная придворная отговорка. Скорее как отметка под докладом — он услышал и собирался учитывать сказанное.

Я хотела съязвить. Не получилось.

— Вам не следовало выходить ночью, — сказал он.

— Вам не следовало не спать. Мы оба нарушили рекомендации.

Он промолчал. Почти улыбнулся.

Я кивнула на разбитую чашу.

— Она предназначалась вам?

— Мне.

— Вы знали?

— Знал, что рано или поздно попробуют.

Он сделал паузу. Пальцы всё ещё удерживали моё запястье, но едва касались кожи.

— Не знал, что сегодня.

Я ждала продолжения. Объяснения, имени, хотя бы намёка на то, кто мог решиться на такое. Но Дариан замолчал.

Правда это или нет, я проверить не могла. Клятва не отзывалась, но это ничего не доказывало: его слова я и без того не собиралась принимать на веру. Проверить их можно было только временем. Я решила подождать.

— Почему вы вышли? — спросил он.

— Мою чашу не принесли. Я пошла выяснять, кого уво-

лить.

Он рассмеялся.

Всего один раз — коротко, хрипловато: звук вырвался прежде, чем он успел его остановить. Смех оборвался так же внезапно, как начался.

— Вашу не принесли?

— Ни к двери, ни к окну.

Его лицо изменилось. Совсем немного, на долю секунды, но я успела разглядеть: удивление, злость или мысль, которую он не собирался произносить вслух.

Дариан повернул голову к Сейре. Она как раз вернулась и остановилась на нижней ступени.

— Я проверю, — сказала она.

Он коротко кивнул. Больше они ничего не сказали друг другу. Им не требовалось.

Дариан проводил меня до двери.

Он снова остановился в трёх шагах, как и прежде. Но теперь я видела, чего ему стоило не подойти ближе. Плечи оставались напряжёнными, пальцы сжаты, взгляд то и дело возвращался к моему рукаву и бледному запястью под ним.

У двери стоял стражник. Не тот, что сопровождал меня днём. Новый — высокий, неподвижный, с лицом, которое очень старалось ничего не выражать.

— Благодарю, — сказал Дариан.

Он произнёс это слово осторожно: слово было новым, и он не был уверен, что оно выдержит вес сказанного.

— Занесите в приложение, — ответила я. — Мелким шрифтом.

— Принято.

Он ушёл.

Я закрыла дверь и услышала, как за ней скрипнули сапоги. Стражник встал вплотную к створке.

Только тогда я заметила, что у меня стучат зубы.

Руки дрожали так сильно, что я не смогла расстегнуть плащ. Я села на кровать и некоторое время разглядывала собственные пальцы. Они слушались, но плохо. По запястью поднимались горячие иголки, а под кожей оставалось серое пятно.

Эш прыгнул на кровать, устроился у меня на ногах и свернулся клубком. Его тёплый дымный вес придавил колени. Я не стала говорить, что не просила.

— Ты его спасла, красавица, — сказал он.

— Я проверила чашу.

— Это называется «спасла».

— Это называется «обслуживание».

Он фыркнул и замолчал.

Я смотрела на запястье, но яд меня уже не занимал: ни ноги, которые отказали бы через час, ни сердце — через два. Я думала о двух чашах.

Совет домов прислал пару. Одну несли к его двери, мимо трёх постов, где стражники даже не подняли головы. Вторую должны были принести ко мне. Но её не было. Ни у двери,

ни у окна, ни в руках слуги, который мог бы поклясться, что доставил подарок по назначению.

Её не отравили. Не разбили. Не забыли в кладовой.

Её просто никто не собирался приносить.

Меня не пытались убить.

Эта мысль должна была успокоить. Я проверила её так же, как проверяла расписание перед мероприятием: по пунктам, без права пропустить неудобную деталь. Никто не хотел, чтобы я умерла. Ни сегодня, ни этой ночью. Я была нужна им живой.

Я знала, зачем нужна живая жена принцу: чтобы клятва держалась.

Но я не знала, зачем живая жена нужна тому, кто хотел убить принца.

Не верить. Проверять.

Я лежала, слушала, как за дверью дышит стражник, и перебирала всё, что знала. Список получался короче, чем мне хотелось.

Глава 7. Ореховая скорлупа

«Хорошая приманка не знает, что она приманка. Иначе зверь почует».

— Наставление стражам границы

Я проснулась с мыслью о воде.

Правая рука не проснулась вместе со мной.

Я потянулась к кувшину, но пальцы разошлись в стороны и до глины не дотянулись. Кувшин остался на месте. Серое пятно на запястье тоже: ровное, круглое, размером с монету. Ни боли, ни покалывания. Даже намёка на то, что эта часть меня когда-нибудь снова станет моей.

Я перелила воду левой рукой. Половина оказалась на скатерти.

Справедливо. За вчерашний вечер я заплатила не полностью.

— Она приходила, — раздалось с подоконника.

Эш лежал там рыжим клубком, спрятав нос под хвост. По его голосу можно было решить, что он ещё спит. Я уже знала: это ничего не значит.

— Кто?

— Сейра. Стояла в дверях, не сводила с тебя глаз. Минуту, не больше. Потом ушла.

— И ты не счёл нужным меня разбудить?

— Я не счёл нужным мешать ей смотреть. Не каждый день

человеку выпадает возможность увидеть, как спит Невеста Клятвы.

— Ты ведь спишь на этом подоконнике с утра до ночи.

— Отдыхаю с открытыми глазами. Не путай.

Я села, придерживая правую кисть левой. Свадебное платье, в котором я заснула, превратилось в измятую белую груду. От ткани всё ещё пахло дымом и чужим вечером. На спинке кресла висел плащ Дариана. Я задержала на нём взгляд ровно настолько, чтобы успеть разозлиться на себя, и отвернулась.

В дверь постучали. Ответа никто не дождался.

В комнату вошли три девушки, а за ними двое слуг внесли сундуки. Их поставили у кровати так бережно, что я заподозрила в сундуках государственную печать.

— Госпожа! — самая молодая присела в реверансе так глубоко, что я невольно проследила за её коленями. — Нас приставили к вам. Его высочество распорядился. Мы постараемся не мешать.

— Не получится, — сообщил Эш и снова спрятал нос под хвост.

Старшую звали Дорин. Лет сорока с лишним, прямая спина, спокойные руки и взгляд, который успел оценить мою неподвижную кисть, босые ноги и сапоги Ольсена возле кровати. Вторая, Ильса, двигалась по комнате быстрее, чем успевала закончить фразу. Третья — та самая девушка с опасными для собственного здоровья коленями — предста-

вилась Айслой. Она встретила меня с восторгом, смешанным с готовностью в любой момент отскочить.

— Это ваш гардероб, госпожа, — сказала Дорин, открывая первый сундук. — Его высочество распорядился ещё до свадьбы. Портнихи сняли мерки с платья, пока его чинили. Два готовы к утру, остальное принесут к вечеру.

Внутри лежали тёмно-синее шерстяное платье с серебряной тесьмой, второе — цвета еловой хвои, три рубашки, перчатки и меховой плащ. Всё моего размера. Не приблизительно подходящего, а именно моего.

Я провела пальцем по серебряной вышивке.

Вчера у меня были булавки, чужая фата и платье, которое пережило больше неприятностей, чем некоторые люди. Сегодня — два сундука одежды, заказанной заранее. Никто не просил меня об этом. Никто не напоминал. Я уже приготовила несколько замечаний, но ни одно не выдержало осмотра.

Это раздражало сильнее, чем следовало.

Дорин затянула шнуровку за три движения. Ильса расчёсывала мне волосы и говорила без пауз. После вчерашнего зажжения Печатей я стала понимать местную речь гораздо лучше. Отдельные обороты всё ещё ускользали, но теперь слова не рассыпались на звуки, едва доходя до меня.

Двор гудит. Госпожа вчера держалась замечательно. Печати пели — такого не помнят даже старики. Принц ночью выбежал на лестницу босиком и с мечом. Никто не знает почему. Лорды Совета шепчутся. На площади тоже говорят,

что…

— Ильса, — негромко произнесла Дорин.

— …что госпожа — ошибка Круга, — закончила Айсла шёпотом. До неё предупреждение старшей не дошло.

Гребень замер у моего виска.

— Ошибка Круга, — повторила я. — Звучит почти как название исторической эпохи. Или неудачного театрального представления.

— Госпожа, мы так не думаем! — Айсла снова присела. — Ошибка ведь иногда бывает удачной. Вот мой дядя однажды купил не ту корову…

— Айсла.

— …а она оказалась лучшей во всём округе.

Я поймала её отражение в медном щите. Меня только что утешили историей о крупном рогатом скоте. И, что особенно неприятно, это немного помогло.

Слово «ошибка» я повторяла себе уже неделю — тихо, когда мылась, когда пыталась уснуть, когда смотрела в потолок и считала трещины. Теперь его произносили вслух люди, которым предстояло каждое утро видеть меня в коридорах и делать вид, что ничего не сказали.

— Дорин, — сказала я. — Сегодня на меня будут смотреть. Много. Что мне нужно знать?

Она не ответила сразу. Выбирала, видимо, между важным и тем, что можно оставить на потом.

— Они видели свадьбу, госпожа. Видели, как зажглись

Печати. Пока не решили, кто вы. Поэтому говорят обо всём сразу.

Это был лучший отчёт, который я получила за последнюю неделю.

На мне было синее платье. Дорин подшила правый рукав так, чтобы неподвижная кисть не мёрзла. Перчатку на эту руку я надеть не могла.

Дверь в коридор я открыла сама.

У стены стоял вчерашний высокий стражник. Он глядел в пустоту перед собой и не двинулся, когда я вышла. Но за первым поворотом, у окна, обнаружился другой. На следующей площадке — третий. Никто не шёл за мной по пятам, никто не перекрывал дорогу. Замок просто держал меня в поле зрения, аккуратно и без лишнего шума.

Я заметила. Они заметили, что я заметила.

Мы решили не обсуждать это вслух.

§

Галерея гобеленов не хранила ни следа вчерашнего. Здесь ничего важного не случалось.

Свет ложился на каменные плиты ровными полосами. В воздухе пахло мылом и влажным камнем. Девять ниш тянулись вдоль стены, и в каждой висело тяжёлое полотно. Вчера я прошла здесь одна, в белом платье, и слышала только собственные шаги.

Сегодня я снова считала шаги. Считала я не из страха заблудиться: привычка считать расстояния пережила и изме-

ну, и перенос в другой мир.

У третьего гобелена что-то блеснуло на полу.

Я остановилась.

Ореховая скорлупа. Свежая, расколотая ровно пополам — не зубами, а чем-то твёрдым и острым. Рядом на камне темнела капля воска. В пыли остался след: кто-то сидел здесь долго, почти не двигаясь.

Я отодвинула край полотна и подняла половинку скорлупы.

Потом пошла дальше, заглядывая в ниши одну за другой.

В шести из девяти нашлась скорлупа. В четвёртой на полу отпечаталась широкая подошва сапога. В седьмой стоял крошечный глиняный стаканчик — из него пили воду.

Вчера, проходя здесь к колонне, я думала о пятистах гостях в тронном зале и о том, что никто не проверил галерею. Я просила охрану. Дариан сказал, что двое его людей будут у галереи. А в двух шагах от меня, за тканью, сидели шестеро людей. Они не шелохнулись, пока я шла мимо. Грызли орехи так тихо, что я ничего не услышала.

— Вы любите орехи, — сказала я стражнику у входа и протянула ему скорлупу на раскрытой ладони.

— Так точно, госпожа.

Он не повернул головы. Скорлупа исчезла в его кулаке слишком быстро.

Этого было достаточно.

Я не злилась. Пока. С половиной улик и без единого име-

ни злиться рано. Я убрала скорлупу в карман и повернулась к лестнице.

В дальнем конце галереи, в проёме, мелькнул тёмный плащ. На секунду я увидела шрам через скулу.

Моргнула — и проход был пуст.

Сначала Брен. Потом чаша.

Лестница вниз вела через тронный зал. Я прошла быстро. Трещина на колонне всё ещё тянулась тонкой линией от капители к основанию. Факелы горели ровно. Трон на помосте стоял пустой.

Кухни я знала. Три дня подряд спорила с Маргит о меню и каждый вечер спускалась сюда проверять, что всё готово. Но привыкнуть к ним не получалось.

Лестница поворачивала, уходила вниз, снова поворачивала. Камень под ладонью становился всё теплее и влажнее. Запах лука, дыма и свежего хлеба усиливался с каждой ступенью. За аркой я остановилась.

Это был не подвал. Свод уходил вверх на три этажа. На цепях висели котлы размером с небольшие повозки, у обеих стен полыхали очаги, в каждом горело по целому дереву. В жарком полумраке двигались люди — резали, месили, носили, кричали через весь зал. Никто не стоял без дела. Две сотни человек работали в одном ритме, и этот ритм был мне знаком.

На несколько секунд я забыла о мёртвой руке, о свадьбе и о том, что в этом мире у меня не было даже должности с

понятным названием.

Здесь всё было на своих местах. У каждого — задача, у каждой задачи — срок. Здесь я понимала правила.

— Эй! Не стойте на проходе! Дорогу!

Из облака пара вынырнула женщина внушительных размеров, с руками по локоть в муке и подносом на плече. Она едва не налетела на меня, резко затормозила и охнула.

— Госпожа Нора! Простите, не признала. В этом платье вас и не узнать. Вы ели?

— Нет.

— Так и думала.

В здоровую руку мне сунули горячую булку.

— Ешьте, пока не остыла.

Я откусила. Тмин, хрустящая корка, мягкий мякиш. Проглотить получилось не сразу.

Никто не поклонился до пола. Никто не замолчал, увидев ошибку Круга. Маргит спросила, ела ли я, и для неё это был вопрос не о королевстве, не о Печатях и даже не о принце. Просто о том, не голодна ли я.

Всю эту неделю я была для замка Невестой Клятвы. Символом. Знаком. Ошибкой.

Здесь я снова стала человеком, с которым три дня спорили из-за соуса.

— Брен, — сказала я, проглотив кусок. — Виночерпий. Где он?

Улыбка Маргит исчезла.

Рядом появился худой мальчишка лет четырнадцати, с ключами на поясе и таким выражением лица, будто его уже наказали за проступок, который он ещё не совершил.

— Тит, — сказала Маргит. — Расскажи госпоже.

Мальчик не сводил глаз с моего сапога.

— Он в кладовой. Спит. Мы нашли его вчера, за час до ужина, между бочками. Дышит, но не просыпается. Лекарь сказал — сонная трава. Сначала думали, напился. А потом другой уже стоял с подносом в его ливрее. Старший стюард велел не задерживать: лорды ждали.

— Сколько чаш готовили на ночь?

— Две, госпожа. Для молодых. Кубки от Совета принесла дама из Совета. Сама передала, при мне. Никого к ним не подпустила. — Тит сглотнул. — Потом пришёл человек от принца и сказал, чтобы вашу чашу не носили.

Я повернулась к Маргит.

Она кивнула.

— Вино из вашего кубка мы вылили. Приказ есть приказ. Кубок отставили, не мыли.

— Он здесь?

— Наверху, на полке.

Маргит достала свёрток из чистой ткани и осторожно развернула его. Серебряная чаша. Тяжёлая, гладкая, с узким поясом рун по ободу.

Я наклонилась. От металла тянуло горечью и холодом, будто рядом сломали ветку и оставили её гнить на морозе.

— Пахнет не как вино, — сказала Маргит. — Я не стала мыть.

— И правильно. Заверните обратно. Никому не отдавайте. Только Сейре или принцу. Лично в руки.

Маргит завернула чашу. Её пальцы двигались теперь особенно бережно.

Я вышла во двор через боковую дверь. Три ступени, жёлоб для помоев — и сразу морозное утро. На стенах пушился иней. В десяти шагах от выхода снег был чёрным. Там, где вылили вино, оно прожгло наст до земли; края ледяной корки пожелтели.

Я долго смотрела на проталину.

Всю прошлую неделю я пыталась справиться со страхом так, как умела: составляла списки, закрывала пункты, проверяла сроки. Чужой мир, непонятная магия, горы, в которых жила Стылая мгла, — всё это пугало, но не казалось непосредственной угрозой. Двоих людей у галереи я приняла как допустимый риск.

Вчера вечером я даже решила, что меня не собирались травить: чашу несли только к двери принца.

Я ошиблась.

Мою чашу наполнили. Просто Дариан распорядился не нести её, не зная, что именно он этим сделал.

Я стояла на морозе и жевала хлеб с тмином, потому что чужой приказ, отданный из соображений приличия, оказался надёжнее обещанной безопасности.

Список «угрозы нет» можно было выбросить целиком: пересматривать там было нечего. Под ногами лежало доказательство.

Тит всё ещё стоял на пороге и не решался выйти.

— Госпожа, вы бледная.

— Я проверила, — сказала я. — Не обращай внимания.

§

От кухонного двора к внешней стене вела крытая галерея. Я прошла её, не выбирая дороги, и поднялась по узкой лестнице привратной башни. Двое стражников расступились.

Замок стоял на скале. С площадки над воротами город был виден целиком: крыши, дым из кирпичных труб, мосты через ущелье, зимнее небо, растянувшееся до гор.

У самого горизонта, возле подножия хребта, лежала белая полоса.

До свадьбы граница мглы стояла в трёх верстах от замка, за последним камнем. Вчера, после присяги, она отступила за реку, к самым горам. Плотная, неподвижная, бесшумная.

Я пыталась решить, что страшнее: мгла, которую невозможно понять, или люди, которых понять можно — и от этого не легче.

Внизу, в первом дворе, собрались люди. Не сразу я поняла, что их не прогнали. Дариан велел открыть ворота с рассвета и вынести хлеб, который пекла Маргит.

Я спустилась.

Их было больше сотни: женщины с корзинами, мужчины в

кожаных передниках, дети, которых взрослые придерживали за плечи, чтобы не протиснулись вперёд. Люди брали хлеб, но стоило мне выйти из арки, как разговоры оборвались.

Я знала это молчание — такое стоит в зале за секунду до первого такта марша.

Одни смотрели с надеждой, другие — настороженно. Кто-то просто разглядывал меня, не скрывая любопытства. Для них я была чужачкой, явившейся из ниоткуда и за одну ночь вернувшей свет в замок. Печати, должно быть, действовали и на них: я почти физически чувствовала, как им хочется поверить в меня. А потом они вспоминали, что я иностранка. Что меня называют ошибкой. И отводили глаза.

— Это она, — прошептал кто-то.

— Ошибка…

— Тише.

— Я не говорю, что плохая. Я только…

Седая женщина в чёрном платке вышла из толпы. Она ничего не сказала — просто вложила в мою здоровую ладонь веточку с мелкими белыми цветами, похожими на звёзды. От них пахло снегом. Потом старуха отступила назад.

— Дважды его травили, — произнёс за моей спиной низкий голос.

Я обернулась. Кузнец — широкоплечий, с красными от жара глазами — смотрел на меня без улыбки.

— Принца, госпожа. Дважды. И оба раза он поднялся. Говорят, вчера снова. Вы там были.

— Была.

— Говорят, вы его спасли.

— Я проверила чашу.

— Это одно и то же, — сказал кузнец.

Толпа расступилась, давая мне дорогу.

Я приколола веточку к застёжке плаща и пошла вдоль людей. Любой из них мог желать мне смерти. Любой мог желать удачи. Я не знала, кто есть кто, и тем более не знала, кому из них можно верить: клятва, данная в «Роуз-Хилле», не оставляла мне в этом вопросе ни единого шанса.

Меня окружало чужое ожидание — тяжёлое, плотное. Эти люди уже решили, что я знак. Обещание. Доказательство того, что Печати выстоят.

Никто не спросил, хочу ли я им быть.

§

У выхода из двора на каменной тумбе сидел Эш. Он явно ждал меня и с тем же усердием делал вид, что просто греется на солнце.

— Ты слышала, что они шепчут?

— Слышала. «Ошибка Круга». Проверить это нечем, поэтому мне не нравится.

— Хочешь знать, ошибается ли Круг, — спроси чернильного. Он видел их все.

— Ты тоже видел.

— Я не читаю. Я слушаю. Разница существенная.

Он был прав. Слухи я не любила. В моей прежней работе

любой слух сначала сверяли с документами. А документы в этом замке вёл один человек. Он стоял у стены, пока я произносила клятву.

Архив располагался над тронным залом. Винтовая лестница уходила вверх, вдоль стен ярусами поднимались стеллажи — том за томом, год за годом, три тысячи лет подряд. Воздух был густ от пыли и старых чернил. Узкие окна пропускали холодный свет, который ложился на пол длинными прямоугольниками.

У высокого пюпитра стоял Ориэль.

Он не обернулся. Я ещё не ступила на последнюю площадку, а он уже знал, что я пришла.

— Мне сказали, что я ошибка Круга, — произнесла я. — Хочу посмотреть, что Хроника говорит о самом Круге. Ошибался ли он когда-нибудь.

— Хроника открыта для членов дома, — ответил Ориэль. — Вы член дома.

— Тогда разрешения я не спрашиваю.

Он отступил от пюпитра, поднялся на две ступени и снял с полки толстый том в чёрном переплёте. Он отличался от остальных: без золота, без герба, с потёртыми углами.

— «Свод по Кругу». Летописцы собирали его столетиями. Всё, что Круг принимал.

Я раскрыла книгу.

На первой странице красными чернилами была выведена строка:

«Круг не выбирает и не судит. Что сказано в Круге, то исполнится так, как сказано. Врата — дверь, Круг — её голос».

Ниже начинались записи. Короткие, сухие, одна за другой. Круг слышит всех, но имя и срок принимает только от королевской крови. Это правило встречалось не раз. Сам Круг, судя по Своду, не ошибался ни разу.

Зато ошибались те, кто говорил.

Один пожелал, чтобы враг «пал», и тот упал с лошади, поднялся и отряхнулся. Другой попросил «тишины в доме» — и дом онемел на целый год. Летописец излагал случаи без комментариев, но в каждой строчке чувствовалось усилие, с которым он удерживал злорадство.

На той же полке стоял тонкий том без позолоты — «Кодекс Печатей». Раздел о клятвах я открыла с конца: санкции обычно прячут именно там.

Кровная клятва держит крепче простой и бьёт тяжелее. Присягнувший Печатям отвечает за слово вдвойне; приговор ему исполняет тот, кому он присягал. Сдержанное слово ложится в Печати кладкой. Нарушенное остаётся трещиной, и трещина не заживает, пока жив нарушивший.

Кто и перед кем отвечает, Кодекс не уточнял. Удобная формулировка. Для составителя.

Я решила, что эту норму никто не применяет, и вернула том на место.

Закрыть Свод оказалось труднее. Это было похоже на чтение чужой переписки: я понимала, что не имею права, но

следующая строка уже была перед глазами.

Я перешла к пюпитру. Там лежал том текущего года, раскрытый на последних записях. На полях напротив каждого упоминания Круга стояла красная черта. Их было немного. Я листала назад, от одной отметки к другой, пока не дошла до самой давней из зимних.

Дата заставила меня проверить её дважды.

Две недели до моего появления.

«В двадцать шестую ночь зимы Король сошёл к Кругу, опустил в него руку и назвал невесту наследника. Круг принял».

В середине строки лежала восковая печать — тёмно-красная. На ней был оттиснут чёрный ворон с золотой нитью в клюве. Под печатью что-то написали, но слова скрывал воск.

— Что это за знак? — спросила я.

— Королевская печать. Ворон Кайвара.

Ворон. Я вспомнила резную дверь по дороге из кабинета принца к моим покоям. Тогда я считала повороты и не обратила внимания на изображение.

— Что под ней?

— Слова.

— Чьи?

— Этого я не могу сказать, госпожа. Печать поставлена рукой короля. Снять её может только он сам.

— Но вы знаете.

Ориэль поднял на меня глаза.

— Я записал то, что мне разрешено записать. Не больше.

Этот взгляд я уже видела — в первый день, когда он смотрел на меня как на ответ в конце задачи, которая слишком долго не сходилась. Только теперь к нему прибавилась усталость: он слишком давно знал и слишком давно молчал.

Я закрыла книгу и положила ладонь на потёртую кожу переплёта.

Король назвал невесту за две недели до того, как я произнесла своё «клянусь» в саду «Роуз-Хилла». Значит, невесту ждали. Её назвали в Круге, и Круг принял названное. А потом в тронном зале появилась я — босая, в рваном тюле, с чужими словами во рту.

Если Круг не ошибается, ошибся тот, кто говорил. Король мог назвать её так, что Круг принял названное за меня. Или он назвал не ту. Или…

Где-то в Кайваре была женщина, о которой молчал воск. Её здесь ждали. А явилась я.

Райан тоже выбрал не меня.

Мысль прозвучала неожиданно спокойно. Буднично. От этого стало хуже.

— Спасибо, — сказала я. — Если вы захотите что-то мне показать, я никуда не уйду.

Ориэль едва заметно кивнул.

§

До кабинета Дариана в Северной башне вела лестница из сорока одной ступени. Я знала их все, но сегодня сбилась со

счёта на половине.

Перед последним поворотом остановилась.

Из кабинета доносился женский голос — низкий, мягкий, говоривший с принцем на «ты».

— …по четвергам, Дариан. Ты не забыл?

— Не забыл. Не сегодня.

— Конечно. — Женщина негромко рассмеялась. — Теперь у тебя другие обязанности.

Дверь распахнулась, и мы столкнулись лицом к лицу.

Она была высокой, с каштановыми волосами, собранными в причёску, на которую явно ушёл не один час и не одна служанка. Золотая парча тяжело лежала на плечах, вышивка поднималась к самому горлу. Я узнала её по платью и по тому, как она держала голову — чуть набок, будто привыкла, что на неё смотрят.

Та самая дама, которую в первый день задвинули за колонну.

— Мирен из дома Лаэн, Совет домов, — представилась она с мягкой улыбкой. — Вы, должно быть, госпожа Нора. Какая отвага — ходить по замку одной после вчерашнего. Я бы не решилась.

— Благодарю.

— Не за что.

Она повернулась к Дариану и, проходя мимо, коснулась его рукава. Легко, привычно, без малейшего сомнения: пальцы нашли рукав, не глядя.

— До четверга.

Она ушла, оставив за собой горьковатый запах духов. На пороге зацепилась тонкая золотая нить.

Что-то кольнуло, глупо и коротко.

Сначала я не поняла, что именно почувствовала. Потом поняла — и мне стало неловко от собственной глупости. Мы связаны договором. Двенадцать месяцев, раздельные покои, пункт о прикосновениях. Вчерашний взгляд у колонны я сама же решила не считать.

У меня нет прав на его рукав. На его четверги. На то, кто смеётся с ним в кабинете.

Никаких чувств к нему нет и быть не должно.

Тогда откуда это?

Я отправила неизвестное в папку «ПОТОМ». Туда, где уже лежали Райан и белая полоса на горизонте.

Не помогло. Кололо по-прежнему.

Это меня разозлило.

Дариан стоял у окна. Он снова не спал. Рубашка была вчерашней, ворот расстёгнут, под глазами залегли серые тени. Он оглядел мою руку и белую веточку у застёжки плаща. На мгновение его лицо потеряло привычную непроницаемость.

— Вы обошли весь замок.

— Я нашла орехи.

Я выложила на стол шесть половинок скорлупы, одну за другой, как улики на суде.

— Шесть ниш в галерее. Шесть человек. Они сидели там,

пока я шла к колонне. Я просила охрану. Вы ответили: «Двое моих людей будут у галереи». Это правда. Но в галерее, по которой я шла одна, сидели шестеро людей Сейры.

Он не стал спорить.

— Я хотел рассказать.

— Когда?

— После.

— Как с мглой. Вы не спорили со мной, вы просто показали. — Я опёрлась здоровой ладонью о край стола. — Вы не солгали. Вы просто не сказали про остальных. Это самый неприятный вид лжи.

— Да.

— Почему вы не сказали?

— Потому что вы потребовали бы выставить охрану открыто.

Я моргнула.

— Вы поступили бы правильно, — продолжил он. — Поставили бы людей в галерее на виду, и каждый, кто собирался что-то сделать, заметил бы их и отказался. Поэтому я промолчал.

— Вы хотели, чтобы кто-то попробовал.

— Я знал, что попробуют. Полгода в замке кто-то передаёт сведения на ту сторону мглы. Люди гибнут на границе, потому что их маршруты известны. Дважды пытались убить меня. Оба раза чисто. Я не знаю, кто это делает. Знаю только, что он близко.

— А пять дней перед свадьбой я ходила по залу и вслух говорила, где у вас дыры. — Горло пересохло. — В галерее, у ворот, возле кухонной арки. Весь замок слышал. И вы не закрыли ни одну.

— Нет.

— Вы знали про поднос. В первую ночь шли за мной от самой кухни. Видели, как я прошла через замок с подносом, и никто меня не остановил.

— Видел, — тихо сказал он. — Вы показали мне это раньше, чем смог бы любой из моих людей. Я не стал закрывать дыру. Решил подождать, кто ею воспользуется.

Я подняла на него глаза.

— Вы поставили ловушку на мой секрет. На мой собственный приём.

— Да.

Лицо онемело. Я вспомнила, как кричала Тэйрону про выходы, как шла по залу и называла вслух: «Здесь двое. У колонны трое». Я думала, что меня терпят. Оказывается, меня слушали.

— Я была приманкой.

— Вы были лучшей приманкой, какую я мог найти.

Он произнёс это без жестокости. Почти как комплимент.

Я не знала, что делать с комплиментами, которые оставляют после себя такой вкус.

— Не надо.

— Нора…

— Госпожа Нора. Или «ваша супруга по договору». — Голос дрогнул, и я не смогла это остановить. — Я не разрешала обращаться ко мне по имени.

Он замолчал. У виска выступила тонкая жилка.

— Чашу, предназначенную вам, я приказал не нести, — сказал он наконец. — По обычаю жена, принявшая чашу у порога, зовёт мужа войти. Вы бы отказались, и были бы правы. Но отказ при слугах оскорбил бы Совет в первую ночь, и расплачивались бы за это месяцами. Я хотел избавить вас от последствий.

— Чаша была отравлена.

Он застыл.

— Маргит сохранила кубок. Вино вылили за кухней. Снег прожжён до земли. Белая вдова, полагаю, или что-то похожее. Её собирались дать мне.

Дариан на секунду закрыл глаза. Когда открыл, лицо стало серым.

— Я не знал.

— Вы думали о приличиях. И это меня спасло.

— Значит, обычай спас вас больше, чем я.

— Это не взаимозачёт.

— Нет, — согласился он.

Продолжить я не смогла и стояла посреди его кабинета, пытаясь понять, на что злюсь сильнее: на то, что меня использовали, или на то, что использовали умело. И отменяет ли это тот факт, что мне, пусть случайно, спасли жизнь.

Райан тоже не сказал мне главного. Полтора года молчал, а я называла это профессиональной слепотой, потому что другое название было слишком болезненным. Райан лгал, чтобы ему было удобно. Дариан молчал, чтобы выжило королевство.

Оба раза я узнала последней.

— Мне нужен пергамент. И перо.

— Для чего?

— Приложение к договору. Пункт седьмой.

Он сам принёс лист и чернильницу. Принц, который бегает за пером, — зрелище комическое. Если бы мне было смешно.

Я села на край стола и взяла перо левой рукой. Оно оказалось хуже орудия пыток. Буквы то взлетали над строкой, то проваливались под неё. Вместо «ПУНКТ СЕДЬМОЙ» вышло нечто, что мог бы вывести ребёнок, которому впервые доверили чернила.

— Позвольте.

— Вы не секретарь.

— Не секретарь, — согласился он и сел рядом, оставив между нами расстояние вытянутой руки.

Я чувствовала, как ему хочется забрать перо у меня из пальцев. Он не сделал этого.

Писала я долго.

«Об опасностях, угрожающих жизни и здоровью Стороны Второй, она уведомляется заранее, а если заранее невоз-

можно — немедленно после. Если Сторона Первая использует Сторону Вторую, прямо или косвенно, как приманку или иным способом, без её ведома, это считается нарушением настоящего договора».

Строки сползали вниз. Почерк был ужасен. Формулировка — безупречна.

Дариан читал её медленно, дважды. Потом взял перо.

— «Приманка», — произнёс он. — Вы вписали это слово в договор.

— В моём бизнесе принято называть вещи своими именами.

Он подписал: «Дариан Верен».

Чернила вспыхнули золотом и впитались в пергамент.

— Что? — спросила я. Он смотрел на строку, не на меня.

— Ничего. Просто никто никогда не вписывал в договор пункт, по которому я могу оказаться неправ.

Колкость я приготовила, но она так и осталась на языке.

§

Шаги у двери я услышала первой.

Сейра вошла без стука, держа в руке тряпичный свёрток. Остановилась в трёх шагах от стола. Посмотрела на скорлупу, на пергамент, на лицо Дариана. Не удивилась.

— Пленный молчит, — сказала она. — Не просит воды или пощады. Смотрит в стену.

— Яд?

Сейра развернула ткань. Внутри лежал серебряный оско-

лок с узким поясом рун.

— Белая вдова. Для лекарств её выращивают в королевских оранжереях. По грядке. Пускают туда немногих.

— Список, — сказал Дариан.

— К вечеру.

Он повернулся ко мне.

— Второй кубок у Маргит, на кухне. В тряпице, не мытый, — сказала я. — Я велела отдать только вам или принцу.

Сейра выслушала. Лицо не изменилось, но взгляд стал жёстче и внимательнее.

— Заберу.

Она уже повернулась к двери, когда я вспомнила:

— Вы ночью стояли у моей двери.

— Приказ.

— Проверяли, дышу ли я?

— Ты жена принца. Если умрёшь, Печати упадут. Я проверяла, дышишь ли ты.

— И как?

— Громко. Я ушла.

Она развернулась и вышла. На пороге на секунду задержалась ко мне спиной. Плечи едва заметно дрогнули.

К тому, что за тобой проверяют дыхание, можно привыкнуть. Наверное.

Дариан молчал. Я разглядывала золотую подпись, ещё не успевшую потускнеть, и вспомнила вопрос, который всё это время держала при себе.

— Вчера на церемонии король плакал. А потом сказал: «Прости меня, дитя». Не «благодарю». Не «слава Печатям». «Прости». Он знал?

— Мой отец давно не принимает решений.

— Я не спрашивала, кто принимает решения. Я спросила, знал ли он.

Дариан смотрел в окно так долго, что я успела досчитать до одиннадцати.

— Насколько мне известно, нет.

Те же слова, что в четвёртом пункте договора. Я тогда назвала их слабыми. Теперь видела: они были выверенными. Оставляли дверь приоткрытой.

Это ещё не значило, что я ему поверила, но возразить мне было нечем.

Про запечатанную строку в Хронике я промолчала. В этом замке, похоже, молчание считалось одним из способов ведения государственных дел.

Я поднялась, придерживая правую руку левой, и направилась к двери. На пороге обернулась.

— Пункт седьмой вступил в силу с момента подписания. В следующий раз, когда решите использовать меня, предупредите. Хотя бы за минуту.

— Принято.

— Нет. Не «принято». Скажите: «Предупрежу».

Пауза была короткой, но я успела заметить, как он подбирает ответ.

— Предупрежу.

Слово не отозвалось ни в Печатях, ни в стенах. Но я вышла из кабинета с чувством, что его записали хотя бы в той книге, которую вёл Ориэль.

Эш ждал на подоконнике в коридоре.

— Ну?

— Пункт седьмой. И список к вечеру.

— А золотая? Та, что вышла от него?

— Какая золотая?

— Красавица, не притворяйся. Ты стояла в дверях и беззвучно шевелила губами. Считала долги.

— Это была профессиональная оценка. Организатор всегда запоминает, кто выходит из кабинета жениха.

— Конечно.

Эш отвернулся. Хвост дёрнулся так выразительно, что я почти слышала смех в каждом рыжем волоске.

Я пошла по коридору.

Веточка с белыми звёздочками колола плащ у застёжки. Рукав, которого Мирен коснулась по-хозяйски, лежал там же, где Райан и белая полоса на горизонте.

Убрать его оттуда я пока не могла.

Глава 8. Три слова под чёрным воском

«В ту ночь, когда король назвал в Круге невесту наследника, из замка ушёл гонец с запечатанным письмом. Что в нём, хронист записать не вправе».

— Хроника Кайвара

К вечеру я научилась держать ложку правой рукой. С вилкой дело обстояло хуже: та норовила выскользнуть из пальцев. После вчерашнего ей, похоже, тоже хватило.

Дорин застёгивала на мне платье цвета еловой хвои и старательно не замечала, как я левой рукой пытаюсь расправить манжету. За спиной Ильса пересказывала новости с кухни. Гонцы прибывали один за другим, коридоры гудели от сапог и шёпота. Советники всё ещё не определились, следует ли им кланяться мне или искать священника, чтобы тот помолился за их душевное спокойствие. Весть о прошлой ночи успела обрасти двумя версиями. По первой я спасла принца собственной кровью. По второй — плеснула в него вином, а он испугался. Первая звучала достойнее. Вторая, к моему раздражению, была ближе к правде.

Айсла разглядывала моё запястье. Серое пятно лежало на коже ровным кругом с чёткой кромкой, как след холодной монеты.

— Оно болит? — спросила девочка.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. И это хуже всего.

Боль хотя бы объясняет, что с тобой происходит. А пятно молчало: ни жара, ни зуда, ни пульсации. Просто было.

В дверь постучали. Дорин открыла, и на пороге появился стражник, дежуривший всю ночь у моей двери. Теперь, при свете, я смогла его рассмотреть: высокий, худощавый, лет двадцати двух, с узким лицом и коротко остриженными волосами. Стрижка вышла неровной: видно, он обкорнал себя сам и в спешке. Шлем он держал под мышкой, а взгляд упрямо цеплялся за портрет бородатого предка.

— Госпожа. Его высочество просит вас в кабинет. Вас и генерала. Список готов.

— Вы ночью стояли у моей двери.

— По приказу, госпожа.

— Я не об этом. Вы кашляли.

Он наконец поднял на меня глаза. Глаза оказались светло-карими и растерянными.

— Вы не спали, — произнёс он после паузы. — Мне показалось, вам будет спокойнее знать, что я тоже не сплю.

Я не нашлась с ответом. Забота, оказывается, могла выглядеть и так: неловко, незаметно, без красивых слов. Заснула я только под утро.

На подоконнике свернулся Эш. Он приоткрыл один глаз и

сообщил, что кабинеты пахнут бумагой и ложью, а это сочетание хуже болотной вони. Он остаётся здесь, а я должна потом пересказать ему самое интересное. Я открыла рот, чтобы возразить, но он уже накрыл нос хвостом и отвернулся к стеклу. Спорить с затылком было бессмысленно.

Кабинет Дариана находился наверху Северной башни. До него вела сорок одна ступень. Стражник шёл впереди. На двадцать третьей ступени свод опускался так низко, что он пригнул голову, не замедлив шага. Движение было отработанным. Интересно, сколько раз он ударялся, прежде чем научился помнить о камне заранее? Через несколько ступеней он сбавил ход. Он ни разу не оглянулся и не спросил, успеваю ли я, а шаг его сам подстроился под мой. Я шла, придерживая левой рукой правую. Та покачивалась у бедра чужой тяжестью.

Дариан стоял у стола. Сейра — у окна, скрестив руки; повернувшись к нам, она выставила вперёд ту сторону лица, где проходил шрам. В кабинете держался горьковатый запах духов. Я отметила его.

— Садитесь. Тибо, список.

Стражник положил лист перед Сейрой и вернулся к двери.

— Тибо — мой адъютант, — пояснил Дариан. — С сегодняшнего дня он будет сопровождать вас. Где вы, там и он.

— Я его знаю. Он стоял у моей двери.

— По моему приказу.

— Это я поняла. Не знала только, что вы поручили ночное дежурство человеку, который кашляет, чтобы сообщить о своём присутствии.

Дариан едва заметно шевельнул бровью. Тибо изучил сапоги.

Сейра пробежала глазами список.

— Семь ключей. У короля. У принца. У меня. У Тэйрона: ему нужны травы для Печатей. У Ориэля: он записывает всё, что выращивают для двора. У лекаря Ферна. И у старшего садовника Корвина.

— Это оригинал?

— Переписано набело, госпожа, — ответил Тибо. — На листе из оранжереи были пометки лекаря. Почерк трудно разобрать. Я переписал и сверил.

— Семь ключей и семь человек. Кто ещё имеет доступ?

— Никто. Ключи не пропадали.

— Их можно одолжить. Скопировать. Можно войти вместе с тем, у кого ключ уже есть. Вы допрашивали всех семерых?

— Допрашиваю, — сказала Сейра.

— Допросы оставьте себе. А расписание — мне. Кто входил, когда, с кем, через какую дверь и сколько пробыл внутри. Люди могут соврать о том, что делали. Но им сложнее соврать о том, где находились, когда в коридоре мыли пол или меняли караул.

— Мы уже проверяли перемещения.

— По словам людей. Я хочу проверить по следам.

Дариан слушал внимательно, без привычной насмешки.

— Вам не следует этим заниматься. У вас повреждена рука.

— Правая. Голова пока работает.

Мне пришлось говорить медленно, чтобы голос не выдал усталость.

— Отравить пытались не только вас. Мой кубок тоже был отравлен. А на запястье у меня след от вашего. Если вы скажете, что расследование — дело генерала, я вернусь в комнату, лягу и буду смотреть в потолок. Это самое бесполезное занятие из всех, что мне доступны. Позвольте заняться тем, что я умею.

— Сейра займётся людьми, — решил Дариан. — Госпожа Нора — временем. Список общий. Значит, и ответ должен быть общим.

— Вы полагаете, что она найдёт больше меня? — спросила Сейра.

— Я полагаю, что вы найдёте одно и то же. Разными путями. Тогда у нас будет правда.

Принимать это за комплимент мне не хотелось, но выходило именно так.

— А пленный?

— Молчит, — сказала Сейра. — Уже вторые сутки. Спрашивай, кто заплатил, — молчит. Спрашивай про мать — молчит. Это не стойкость. Ему нечего сообщить, и он пони-

мает, что мы это знаем.

— Завтра к полудню прибудет посол Вельдара, — сказал Дариан. — Я обязан принять её официально, в тронном зале, при дворе. Вы будете рядом со мной.

Я устраивала десятки официальных приёмов, но всегда по другую сторону происходящего. Теперь мне предстояло стоять рядом с наследником как его супруга.

— Кто посол?

— Исельда, — сказала Сейра.

— Госпожа Исельда, советница короля Эймунда, — добавил Дариан.

Его лицо не изменилось. Только пальцы на краю стола вдавились в дерево, костяшки побелели.

— Встречать её как друга или как врага?

— Как посла. С почестями, положенными послу, и без тех, что положены другу. Вельдар нам не союзник, госпожа Нора. Но открытой войны пока нет.

— Тогда мне нужно знать, сколько людей она привезёт, где они будут стоять, кто и в каком порядке её встретит. И сколько времени она проведёт у ворот. Если она увидит, что мы нервничаем, это станет её первым подарком. Я не собираюсь дарить ей ничего.

— Тибо проводит вас в оранжерею, если хотите осмотреть место, — сказал Дариан. — Сейра отправится к лекарю.

Я поднялась. Правая рука висела вдоль тела, годная разве что придержать рукав.

— Я справлюсь.

— Знаю. В этом и состоит неудобство: вы всегда справляетесь.

§

Оранжерея занимала верхний ярус угловой башни. Стеклянная крыша удерживала остатки дневного света, по углам стояли глиняные печи. Пахло влажной землёй, листьями и снегом, принесённым на сапогах. На стёклах собирался конденсат; за мутными разводами догорал закат.

Тибо зажёг лампу. Его тень вытянулась по стене и стала огромной — великан склонился над грядками, едва касаясь листьев кончиками пальцев. Эш, всё-таки увязавшийся следом, устроился на перилах. Тибо ни разу не посмотрел в его сторону. Если он замечал, что я отвечаю пустому месту, то умел сохранять лицо лучше многих придворных.

— Не дыши слишком глубоко, — предупредил Эш. — Здесь полно растений, которые только и ждут, чтобы кто-нибудь вдохнул их не в ту сторону.

— Я дышу носом, глубоко и с достоинством. Я только что поднялась на башню.

— За неделю могла бы привыкнуть. Лестниц здесь хватает.

— Передам это своим лёгким.

Белая вдова росла на третьей грядке. Тонкие стебли, мелкие белые лепестки и чёрная сердцевина, похожая на зрачок. Я достала веточку, подаренную утром во дворе, и приложи-

ла к ближайшему цветку.

Почти одинаковые. Но у моей веточки не было тёмного глазка, лепестки складывались иначе, а от неё исходил холодный запах камня, пролежавшего зиму под снегом. Здесь же пахло только землёй и теплом. Плечи немного отпустило. Старушка не пыталась меня отравить. Она просто подарила мне цветок.

— Это снежница, — сказал Тибо. — Её дарят на удачу. Белая вдова похожа, но у неё тёмная сердцевина. Так их и различают.

— Вы разбираетесь в растениях.

— Мать выращивала. Мы жили у самой границы. Там почти ничего другого не росло.

— У вас есть семья?

— Младшая сестра. Она… далеко. Я пишу ей, когда получается.

Он не уточнил, где она. Я не стала спрашивать. В этом замке у каждого была дверь, которую он предпочитал держать закрытой. Мне хватало собственных.

— Единственный здесь, кто не изображает, будто ему всё безразлично, — прокомментировал Эш. — Краснеет от благодарности. Такое надо уметь.

У двери висела доска с крючками для ключей, и под каждым была бирка с именем. Я пересчитала их, привычно напевая одну и ту же мелодию — без слов, простую, повторяющуюся. Она всегда возникала сама собой, когда я считала.

Я не знала ни названия, ни того, откуда она взялась.

— Восемь крючков. А ключей семь.

— Восьмой старый, госпожа. На нём давно ничего не висит.

— Красивая мелодия, — сказал Тибо.

— Какая?

— Которую вы напеваете.

— Я не знаю, как она называется.

— Значит, она ваша.

Я оглядела двери: одна вела вниз, другая — на крышу. Стёкла были затянуты влагой, пол выметен так тщательно, что на нём не осталось следов.

— Кто отвечает за уборку?

— Двое подмастерьев садовника. Приходят по утрам.

— Их нет в списке.

— Они ходят с Корвином. Он их впускает.

— Значит, у нас не семь человек с доступом. Семь ключей и как минимум девять человек. Завтра мне нужны имена подмастерьев, расписание уборки и книга учёта, если лекарь её ведёт.

— Ведёт. Книга у него.

— Тогда нужен и лекарь. Я сама с ним поговорю. Вы пойдёте со мной.

Тибо поклонился. Эш шепнул, что хороший адъютант стоит на вес золота, а плохой — на вес свинца. Этот пока не определился. Мне хотелось, чтобы он оказался золотом.

На нижней площадке башни стоял небольшой стол и кувшин с водой. Я устроилась там и до полуночи составляла схему приёма на обороте листа. Кто встретит посла на мосту, кто будет ждать в первом дворе, кто откроет двери тронного зала, кто проведёт её по галерее. Потом рассчитала расстояние до помоста.

Сорок шагов.

Я пересчитала дважды. За сорок шагов человек успеет увидеть всё, что ему позволят увидеть, и не заметит того, что от него спрячут. Я чертила линии и понимала, что рисую не приём. Я выстраивала вокруг себя порядок, за который можно держаться. Страх не исчезает от подсчётов, но хотя бы перестаёт занимать всё пространство.

Правой рукой я придерживала лист. Левой выводила буквы — неровно, медленно, но разборчиво. Тибо молча передвигал лампу, когда тень падала на нужную строку.

§

Рог у ворот протрубил ближе к полудню. Одна длинная нота прорезала замок, и я уронила гребень.

Дариан получил мою схему на рассвете и не внёс ни одной поправки. Двадцать всадников охраны выстроились у моста, ещё двенадцать — у ворот. К моему удивлению, Сейра не оспорила ни одного решения. С лекарем пришлось повременить: из-за Исельды у меня не нашлось для него ни минуты.

Я стояла на площадке над воротами. У подножия хребта лежала мгла — белая, неподвижная полоса. С виду снег.

Только снег не заставляет думать о том, что под ним кто-то затаился.

— Раньше она хотя бы двигалась, — сказал Эш с зубца стены. — А теперь замерла. Перестала спорить. Значит, уже всё решила. Мне это не нравится.

Цепи заскрипели. Разводной мост медленно пошёл вниз, тяжёлый и неохотный. Когда его край лёг на противоположную сторону рва, удар прокатился по камню и отдался у меня в подошвах.

Из-за мглы выехала женщина. Одна. Ни герольда, ни знамени, ни охраны рядом. Только белая лента на рукаве — знак парламентёра — и серый конь, идущий шагом. У дальнего края рва остался отряд: тридцать всадников, неподвижных, словно их выставили на поле и забыли оживить.

— Она приказала им ждать, — негромко сказала Сейра, подойдя ко мне. — Наших двадцать у моста она даже не приняла в расчёт.

Я перевела взгляд с неё на всадницу. Две страны, разделённые пограничной мглой. И посол одной въезжает в столицу другой без вооружённого сопровождения, с белой лентой на рукаве. Это не глупость. Это уверенность, что её не тронут. Или знание того, чего пока не знаю я.

— Самоуверенно.

— Она всегда такая. Хочется ударить её, но кажется, что она именно этого и ждёт.

На женщине был тёмно-серый дорожный плащ без отдел-

ки и простые перчатки — ни кольца, ни вышивки, ни знака рода. Лицо правильное, сдержанное и на первый взгляд непримечательное. Такое лицо не просит, чтобы его запоминали. Поэтому его и запоминают. Тёмные волосы были гладко убраны назад; у виска выделялась одна седая прядь, которую она не пыталась скрыть. К седлу был приторочен кожаный футляр. На застёжке темнел чёрный воск.

— Элегантность — девять, — оценил Эш. — Холодность — десять. Улыбку держит в кошельке и достанет, только когда это станет выгодно.

Женщина подняла голову и повернула лицо прямо к нашей площадке. Меня она рассмотрела отдельно, недолго. Меня одновременно поприветствовали и оценили.

§

Тронный зал был полон. Лорды Совета стояли в тяжёлых мехах. У окна Ольсен покачивал головой, и борода двигалась в такт. Пюпитр Ориэля пустовал. Место Тэйрона у помоста тоже оставалось свободным. У самых дверей стояла Мирен в золотой парче. Она не смотрела на вход и не следила за приготовлениями. Её внимание было приковано к Дариану.

Я заняла место справа от него, на расстоянии, которое определял этикет. Руки сложила перед собой, чтобы скрыть дрожь правой.

Короля ввели последним. Я знала, что он болен, что давно не принимает решений и почти не покидает покои. Но одно дело — знать, другое — увидеть, как он идёт по залу, опира-

ясь на двух советников. Ориэль держал его с одной стороны, Тэйрон — с другой. Каждый шаг давался королю с видимым усилием, и весь зал провожал глазами каждый его шаг.

Его рука дрожала. Лицо было белым и тонким, с голубыми жилками у висков. Но глаза оставались ясными. В них читалось то, чему я не сразу нашла название.

Не усталость.

Стыд.

Король добрался до трона и опустился на него с облегчением. На мгновение закрыл глаза, потом снова посмотрел перед собой. Его взгляд остановился на мне. Он не произнёс ни слова.

Дариан не пошевелился. Только тихо втянул воздух — так тихо, что, кажется, услышала это я одна. Ориэль прошёл к пюпитру, достал новое перо и обмакнул его в чернила. Тэйрон занял своё место; цепь на его шее звякнула.

Исельда пересекла зал. Сорок шагов. Я считала каждый. Она прошла ровно столько, сколько я рассчитала. У подножия помоста остановилась, склонила голову перед королём чуть глубже, чем требовалось, и выпрямилась.

Прежде чем поднять глаза на принца, она на секунду остановила глаза на пустом стуле справа от трона.

— Государь. Принц.

Исельда повернулась ко мне.

— Принцесса. Поздравляю. Говорят, свадьбу вы устроили сами. Это заметно.

— Благодарю. Приятно слышать это от гостьи.

— Я не гостья. Я говорю от имени короля Эймунда.

Она сняла перчатки, большим пальцем сломала чёрный воск на футляре и вынула лист. Но читать не стала. Вместо этого повернулась к Дариану.

— Слово Эймунда, короля Вельдара, Дариану Верену, наследнику Кайвара. Король помнит договорённости между нашими домами и в память о них повторяет три слова. Присяга. Ключи. Срок.

Тишину можно было потрогать. Я слышала, как кто-то втянул воздух.

— Присяга. До того дня, когда наследник наденет корону, Кайвар приносит клятву верности Вельдару. Ключи. Ключи от крепости Хальдрик, стоящей на дороге между нашими королевствами. Срок. Тридцать дней. Если к этому времени ответа не будет, Вельдар сочтёт молчание отказом. Армия, стоящая за хребтом, перейдёт границу.

Ольсен перестал качать головой.

— Мой король не желает войны, — продолжила Исельда чуть тише. — Он желает мира, который можно проверить. Он готов предложить его вам, принц, на названных условиях.

У меня похолодели пальцы. Слова звучали слишком разумно, слишком гладко. Они были выстроены так, чтобы их хотелось принять за единственный выход. Я сжала левой рукой правую и стала считать ступени помоста. Раз, два, три.

Не думать о том, как легко слово «мир» превращается в поводок.

— И наши договорённости остаются в силе. Мой король о них помнит.

Она выдержала короткую паузу.

— Я тоже.

Мне не понравилось это «тоже». Оно не было обращено ко мне. Но осталось на ладони холодом.

Дариан молчал. Он смотрел не на Исельду, а чуть выше её плеча.

— Кайвар держит слово, — сказал он наконец. — Я помню каждую договорённость. Ваш король получит ответ в срок.

— Мой король будет ждать.

Исельда поклонилась. По рядам прокатился шёпот. Я различала слова: «Хальдрик», «присяга», «договорённости». Кто-то спросил, какие именно договорённости имелись в виду. Я хотела знать ответ сильнее всех.

— Ольсен — семь из десяти, — прошептал Эш с колонны. — Хотя борода дёрнулась. Добавил бы полбалла. Не спорь, красавица, я оцениваю бороду.

Я кивнула на пустой стул справа от трона, потом на Эша. Он понял без слов.

— Место советника наследника, — шепнул он. — Пять лет пустует. Тэйрон дважды просил убрать, Дариан дважды сказал «нет».

Исельда повернулась, собираясь уходить. Проходя мимо меня, задержалась на полшага. Я не отступила, хотя тело предлагало именно это. Мы встретились взглядами на короткое мгновение, которое позволял этикет. Потом она кивнула почти дружески и продолжила путь.

Ольсен подошёл прежде, чем зал начал пустеть. Он сжимал бороду в кулаке.

— Госпожа Нора, у меня к вам просьба. Если будете устраивать приём — а вы будете, я помню вашу свадьбу, — посадите меня подальше от неё. Я человек добродушный. Но не настолько.

— Я посажу вас так, чтобы вы её хорошо видели. Не придётся гадать, что она задумала.

Старый воин хмыкнул.

— Вот за это вы мне и нравитесь.

Он отошёл. Только тогда я заметила, что дрожит левая рука, которой я придерживала правую. Дариан стоял рядом неподвижный, но его пальцы, опущенные вдоль тела, тоже едва заметно подрагивали.

§

Зал освобождался медленно. Лорды переговаривались вполголоса и смотрели на меня иначе, чем после свадьбы. Кто-то настороженно. Кто-то с расчётом. Теперь на меня глядели оценивающе: моё имя уже могло понадобиться в чьём-то списке.

— Не сейчас, — сказала я Эшу, который открыл пасть.

— Я всего лишь хотел сказать, что ты хорошо держалась.

— Я знаю. Не сейчас.

Он закрыл пасть и пошёл рядом молча. За это я была ему благодарна. Чувства я отложила на потом, как откладывала всё последние дни, и проверять, сколько их там набралось, не стала.

Дариана я нашла на лестнице Северной башни, на площадке перед сорок первой ступенью. Он стоял у узкого окна-бойницы и разглядывал двор, где проверяли цепи моста. Исельду поселили в угловых покоях над первым двором; Сейра выставила у её дверей стражу.

— Какие договорённости? — спросила я.

— Я ожидал, что вы зададите этот вопрос не здесь.

— Здесь меньше ушей.

— Да.

Он провёл ладонью по лицу. В этом жесте не было ни расчёта, ни маски. Только усталость.

— Исельда четыре года была моей советницей. Пять лет назад она перешла к Эймунду. Теперь она его голос, его ум и его руки. Всё, что вы слышали сегодня, придумано ею: три слова, срок, ключи. Эймунд умеет приказывать. Исельда умеет сделать так, чтобы приказ казался единственным разумным выбором.

— А мне она показалась женщиной, которая не умеет улыбаться.

— Умеет. Это хуже. Не оставайтесь с ней наедине, госпо-

жа Нора. Она умна и умеет слушать. Рядом с ней люди говорят больше, чем собирались.

Я ждала продолжения. Его не последовало. Значит, о том, почему Исельда ушла, он не собирался рассказывать больше, чем уже рассказал.

— Из-за чего вы враждуете?

— Вражда началась задолго до меня. Она старше моего отца и его отца. Печати удерживают наш берег. Кровные обеты удерживают армию Вельдара. Они считают, что мы присвоили силу, которая принадлежит им. Мы считаем, что они отняли мир, который прежде был общим. Спор настолько стар, что никто уже не помнит, кто сделал первый шаг. Зато все помнят, кто ответил.

— А мгла?

— О мгле позже. Это не разговор для лестницы.

Я кивнула. Он говорил слишком ровно, чтобы я стала давить, и слишком устало, чтобы принять это за уловку.

— Пока Печати угасали, Вельдар ждал. Мы были слишком слабы, чтобы угрожать им, и слишком слабы, чтобы нас боялись. Теперь Печати горят, но ещё не в полную силу. Эймунду нужно либо ударить до того, как они окрепнут, либо заставить меня склониться, пока я не набрал силу.

— Поэтому ему нужны ключи от Хальдрика.

— Хальдрик — ворота. Крепость стоит на перевале, у разводного моста через ущелье. Другого пути для армии с обозами нет: в мгле кони теряют дорогу, телеги вязнут, люди

сбиваются с пути. Тот, кто держит ключи, решает, пройдёт ли обоз. Эймунд просит не армию. Он просит дорогу.

— А «наши договорённости»?

— Пять лет мы с Вельдаром обсуждали многое. Перемирие. Торговлю у моста. Заложников. Границу. Исельда упомянула об этом при дворе не случайно. Совет должен услышать, что я что-то обещал врагу. Лорды любят подозревать. А подозрение работает на неё лучше любого послания.

Он замолчал. Проверять после этого, лжёт ли он, было бы глупо. Но оставался вопрос, который не отпускал меня с того самого момента, как Исельда произнесла три слова.

— Вы ведь не согласитесь на все эти условия?

— Нет.

— Значит, будет война.

— Выбор будет тяжёлым, госпожа Нора.

Он отвернулся к окну. Внизу цепи медленно поднимали мост.

— На кону жизни людей, которые не имеют отношения к этим договорам. Какой бы путь я ни выбрал, кто-то заплатит. Я пока не знаю, кто именно.

Теперь я понимала, откуда в нём эта постоянная усталость. Он стоял перед выбором, где любой ответ означал чью-то смерть. Мне стало его жаль, и спорить с этим я не стала.

— Мне показалось странным, как Исельда на меня смотрела.

— Она оценивала вас. Вы новая политическая фигура. Исельда привыкла знать цену каждой фигуре на доске.

В его голосе не было укола. Он не лгал. Но и всей правды, похоже, не говорил. Слова ложились слишком гладко, и я знала эту разницу.

— Хорошо.

— Госпожа Нора.

— Что?

— Если захотите спросить ещё что-нибудь о ней, спрашивайте у меня.

— Договор подписан. Пункт четвёртый.

— Помню.

Я спустилась по сорока одной ступени и ни разу не оглянулась. Внизу меня ждал Тибо. Я не стала спрашивать, слышал ли он разговор. Он стоял, уставившись в стену, и ушей у него, судя по лицу, не было вовсе. И почему-то рядом с ним становилось легче.

§

Эш разбудил меня в полночь.

— Одевайся.

— Куда?

— Вниз. К Вратам. Сейчас, пока весь замок ходит по кругу и ловит сам себя за хвост. Тебе нужна зола.

— Мне?

— Тебе. Возьми щепотку и носи с собой. Пока зола при тебе, я смогу слышать тебя дальше стен. До границы Печатей

и за ней — если крикнешь.

— И ты решил сообщить об этом посреди ночи?

— Я решил, что ты уже достаточно поспала. Не смотри так. Просто оденься.

Подземелье оказалось таким же, каким я его помнила: холодный камень, чёрная арка и свод, закопчённый до самых плит. Воздух был неподвижным и тяжёлым. Тибо спустился со мной, не задавая вопросов, и нёс лампу. Когда я остановилась у порога, он молча протянул небольшой кожаный мешочек на шнурке — такой обычно носили для ключей.

— Это для… — начал он.

— Спасибо. Откуда вы знали?

— Не знал. Просто подумал, что вам понадобится что-нибудь, куда можно положить то, за чем вы пришли.

Я обернулась к нему, и он снова покраснел. Это было почти утешительно: у Тибо всё написано на лице, и не нужно гадать, что он прячет за словами.

Я не любила это место. В прошлый раз спустилась сюда, надеясь найти дорогу домой, а поднялась с копотью под ногтями и без ответа. Арка стояла мёртвая. Её молчание отличалось от молчания мглы: та ждала. Здесь же тишина была такой глубокой, словно Врата давно перестали замечать, что кто-то ещё приходит к ним.

У подножия арки лежала зола. Много золы — серая, лёгкая, с серебристым отливом. Она покрывала камень ровным слоем, как мука после помола. Я присела и коснулась её

пальцами левой руки.

Отклик пришёл тонкой нитью, натянувшейся между золой и запястьем правой руки.

Серое пятно осталось серым. Но по самому краю, точно по ободку монеты, проступила золотая линия. Тонкая, почти невесомая, как леска для бусин. Она вспыхнула, дрогнула и погасла, оставив после себя ровное, тихое свечение.

— Это не руна, — негромко сказал Эш. — Узелок. Печати отметили тебя, красавица. Ты своя. Теперь они знают, где ты.

— Это хорошо?

— Это правда. Хорошо или нет — разберёшься потом.

Я набрала щепотку золы и пересыпала её в мешочек. Затянула шнурок. Золотая линия на коже мигнула и успокоилась.

Шаги на лестнице я услышала не сразу. Ориэль спустился с лампой и раскрытой книгой. На нём была мантия цвета чернил. Он двигался бесшумно, как всегда. Тибо отступил к стене.

— Хроника записывает всё, что связано с Вратами, — мягко произнёс Ориэль. — Не беспокойтесь, госпожа. Я не помешаю.

Он остановился на границе света и опустил перо на страницу.

Я надевала мешочек на шею и, как бывало всякий раз, когда руки были заняты, а мысли уходили в сторону, тихо напевала. Без слов. Всё ту же простую мелодию.

Перо замерло.

Я заметила это краем глаза. Ориэль остановился на середине строки. С кончика пера сорвалась капля и упала на бумагу, расплывшись тёмным пятном. Сам он не двигался. Смотрел не на меня и не на книгу — куда-то в пространство между нами, и губы у него были слегка приоткрыты.

Потом перо снова заскользило по странице. Ориэль промокнул пятно рукавом.

— Вы остановились.

— Перо затупилось, — ответил он.

Перо было новым. Я видела, как он достал его из футляра в тронном зале. Но Ориэль не добавил ни слова, а я не стала спрашивать. Хроника, наверное, не задаёт вопросов. И не отвечает на них.

Мы поднялись по лестнице втроём, молча. Золотая нить на запястье пульсировала в такт шагам.

Тридцать дней.

Меньше, чем нужно, чтобы подготовить большую свадьбу. Мысль была настолько нелепой, что я едва не улыбнулась.

Я придерживала ладонью мешочек на груди и думала о мелодии. Здесь она, должно быть, звучала чужой. Простой, без слов, не похожей ни на одну из тех, что пели в замке. Такой, какой здесь, возможно, никто никогда не слышал.

Глава 9. Двадцать девять дней

«Армия идёт не на ногах, а на хлебе. Считайте хлеб раньше, чем врага, и вы будете знать, сколько у вас осталось времени».

— Наставление интендантам Кайвара

Три часа сна. Не больше.

После вчерашнего ультиматума, золы у Врат и пера, замершего над моей мелодией, это почти можно было назвать роскошью. Почти — потому что замок просыпался вместе с войной, а здесь даже тишина казалась чьим-то заранее просчитанным ходом.

Эш занимал мою подушку целиком, хотя по размерам имел на это куда меньше прав, чем считал. Из-под пушистого хвоста он сообщил, что утренние совещания придумали люди, которым ночью не хватает развлечений, а всё сказанное на них вполне можно пересказать после обеда. Я не стала спорить. В этом замке только он умел спать так безмятежно, пока за стенами перекраивали границы.

Дорин застегнула на мне серое платье, пока Ильса собирала волосы и вполголоса пересказывала новости с кухни. Я позволила им обеим заниматься мной. За три дня я привыкла к тому, что здешнее утро начинается не с моих рук, и уже не воспринимала чужую помощь как вторжение. Правая всё ещё почти не слушалась: я могла придержать ею рукав, и

только. Ложка в ней держалась, если не торопить. Айсла сунула мне тёплую булку с мёдом, и я доела её на ходу. В замке даже завтрак был делом, которое следовало успеть между двумя неприятностями.

Тибо ждал за дверью. Я не спросила, спал ли он. Его лицо было таким же спокойным, как вчера, но тени под глазами говорили за него. После такой усталости вопросы звучат почти жестоко.

— Его высочество и генерал уже в кабинете, госпожа. Генерал вернулась от лекаря.

— Без меня.

— Вас не стали будить.

— Вот именно. Без меня.

Он приоткрыл рот и передумал. На двадцать третьей ступени Северной башни он пригнулся под низким сводом. Я уже ждала этого движения. И, кажется, считала ступени вместе с ним.

В кабинете Сейра стояла у окна, а Дариан занимал место за столом. Между ними лежала книга в потёртом тёмном переплёте. По напряжённым плечам обоих было понятно: разговор начался задолго до моего появления.

— Книга учёта из оранжереи, — сказала Сейра, не оборачиваясь. — На рассвете была у Ферна.

— Мы собирались идти вместе.

— Мы собирались дать тебе поспать. Я заглянула. Ты дышала. Даже громко. Поэтому я ушла.

Дариан промолчал. Я решила ему не помогать.

— Допросы оставьте себе, — сказала я. — Книги отдайте мне.

Сейра наконец повернулась. Свет из окна лёг на шрам, пересекавший её лицо.

— Книга у меня. Читай. Лекарь трясётся с самого порога. Учёт за последние три недели переписан начисто — одним почерком, ровным, как у храмового писаря. Ферн уверяет, что залил прежние страницы чернилами. И клянётся, что яда из оранжереи никто не выносил. Врёт он скверно. Значит, либо говорит правду, либо давно оттачивал мастерство.

Я взяла книгу левой рукой и раскрыла ближе к концу. Строки шли без клякс и исправлений. Ни одной зачёркнутой цифры, ни одного следа спешки. Именно это и настораживало: живой журнал не бывает таким чистым. Это была работа одного присеста, аккуратная, чтобы никто не заметил подмены.

— Когда он переписывал журнал?

— В ночь после свадьбы.

— Хорошо. Вернёмся к этому, когда он перестанет дрожать.

Дариан развернул карту. Тёмная лента реки тянулась по ней от гор к долине; вдоль воды шла тонкая дорога. Внизу был обозначен замок, выше, у самого ущелья, — Хальдрик и мост. Несколько чернильных линий отделяли крепость от нас. Слишком мало чернил для целого гарнизона.

— Теперь к тому, ради чего я вас позвал, госпожа Нора. Хальдрик я не отдам. Значит, его придётся удержать. Сколько он продержится?

— Без подвоза — двадцать дней, — ответила Сейра. — Гарнизон шестьсот человек. Крепость всегда жила на поставках: раз в неделю двенадцать возов шли дорогой вдоль реки. Погреба небольшие. Зимой запасы там не нарастишь, да и прежде в этом не было нужды. Дорога оставалась открытой.

— Через тридцать дней она такой не останется, — сказал Дариан. — Если Эймунд перейдёт границу, первым делом перережет путь к крепости.

— Я проверила казённые телеги. Если собрать все, что есть в распоряжении короны, мы доставим ещё на двадцать пять дней. Вместе с тем, что уже лежит в Хальдрике, получится сорок пять.

— Мне нужно шестьдесят.

Дариан говорил без нажима. От этого требование звучало ещё тяжелее.

— Конница Ольсена стоит за дальним хребтом, в его землях. Там же — посты на дальней границе. По зимним дорогам они доберутся до Хальдрика не раньше чем через два месяца после моего приказа. А приказ я отдам только тогда, когда Эймунд перейдёт границу. Иначе Совет решит, что войну начал я. До этого крепость останется одна.

Я снова склонилась над картой. Между Хальдриком и замком лежала тонкая чёрная черта — дорога, от которой зави-

село слишком многое. В моём прежнем мире такие линии называли маршрутами снабжения. Здесь они могли стать последней нитью между шестьюстами людьми и голодом.

— Вы считали казённые телеги, — сказала я. — Но город кормит себя сам. И возит тоже сам. У него может быть то, чего нет в ваших ведомостях.

— Армия моя, — сказала Сейра. — Зерно не твоё.

— Пока его не пересчитали, оно ничьё. Я не собираюсь командовать вашими людьми. Мне нужны амбары.

Сейра посмотрела на меня так, словно я попросила ключи от её собственной спальни.

— Горожане не любят чужаков в амбарах. Особенно тех, кого ещё неделю назад в этом мире вообще не существовало.

— Прекрасно. Значит, от меня ничего не ждут.

Она перевела взгляд на Дариана. Я приготовилась к запрету — уже даже подобрала три ответа, каждый убедительнее предыдущего. Но принц не дал мне возможности произнести ни одного.

— Госпожа Нора считает. Сейра проверяет каждую цифру. К вечеру мне нужны обе.

— Я проверю, — сказала Сейра. В её голосе это прозвучало как обещание, а не угроза.

— На это и рассчитываю.

Дариан вынул из ящика лист, быстро написал несколько строк, затем прижал к воску перстень. Печать легла чётко. Он протянул бумагу мне.

— «Подателю сего оказывать содействие во всём, что касается подвоза», — прочла я. — Во всём?

— Напиши я больше, вам не поверят. Короткая формулировка выглядит правдоподобнее.

Он помедлил, вспомнив ещё одну деталь, которую не следовало упускать.

— И сегодня вечером ужин в честь посла. Обычай отменить нельзя. Посол, которого не накормили, уезжает оскорблённым. Оскорблённый посол — уже повод для неприятностей. Рассадка на вас.

— Я устрою всё так, чтобы удобно было только мне.

Я сложила разрешение вчетверо и спрятала под плащ.

— Исельда. Где она проведёт эти дни?

— В замке, под присмотром, — ответила Сейра. — Посла трогать нельзя. Наблюдать — можно. Люди стоят у её покоев и возле галереи.

— И не оставайтесь с ней наедине, госпожа Нора, — добавил Дариан. Голос его был ровным, но на этот раз в нём слышалась просьба. — Ни в коридоре, ни в саду. Если она заговорит с вами, позовите кого-нибудь.

— Постараюсь, чтобы этим кем-нибудь была Сейра.

— Лучше Тибо, — заметила Сейра. — Он краснеет. Это отвлекает.

Она помолчала, глядя на карту.

— Двадцать девять дней.

Я не сразу поняла, кому именно она это сказала.

— Двадцать девять, — повторила я. — Я веду отсчёт со вчерашнего полудня.

§

Дорога спускалась к реке и дальше вела в город. Я пошла пешком: цифры лучше складывались в голове, когда шаги задавали им ритм. Тибо держался на полшага позади. На поясе у него покачивалась дорожная чернильница, под мышкой были зажаты свёрнутые листы. Двое стражников шли в двадцати шагах за нами. Правая рука висела вдоль тела, годная разве что прижать лист к груди, левой я придерживала плащ.

Город уже жил своей обычной жизнью. Утренний шум лавок, скрип тележных колёс, запах дыма и свежего хлеба — всё это почему-то успокаивало. Людям было не до госпожи из Круга, пока она не останавливалась возле их весов. Лавочницы расступались, не поднимая глаз. О принцессе здесь предпочитали не говорить вслух. По крайней мере, пока никто не решил, что именно о ней следует думать.

Амбары стояли у реки — три приземистых каменных здания с низкими крышами и железными дверями. Смотритель Рейм, сухой старик с ключом на шее, дважды прочитал письмо Дариана, беззвучно шевеля губами. Потом отпер дверь, не глядя на меня.

Внутри пахло сухой пылью, деревом и зерном. Закрома были полны: осеннее зерно лежало ровными золотистыми холмами. Я невольно вдохнула глубже. Порядок на складе

всегда приносил мне почти неприличное удовольствие. Раз за запасами следят так тщательно, неожиданности здесь, пожалуй, остаются за дверью.

— Сколько мер?

Рейм называл числа, Тибо записывал. Быстро, аккуратно, с той сосредоточенностью, которая не оставляла места лишним движениям. Каждую цифру он повторял вслух: «Четыреста. Принято. Двести двадцать». На третьем амбаре это слово зацепило меня за память. Я слышала его не впервые, но не сразу поняла, откуда оно пришло. Не от Дариана: у него это слово закрывало разговор, как печать. У Тибо оно звучало иначе.

«Принято, босс», — когда-то трещала рация голосом Тары.

На миг амбар пропал: шатёр, гарнитура, голос Тары. Потом вокруг снова были чужое зерно и чужие стены, но скучала я не по дому. Мне не хватало рации. Её короткого, надёжного голоса в ухе. Того самого «принято», после которого можно было двигаться дальше, не проверяя, услышал ли тебя кто-нибудь. Я не стала объяснять Тибо, на кого он сейчас похож. Он бы спросил, кто такая Тара, а я не знала, как ответить.

— Госпожа?

— Продолжайте.

Он продолжил — и ошибся. Вместо четырёхсот записал сорок. Я заметила это, заглянув через его плечо. Даже ука-

зывать не пришлось: Тибо проследил за моим взглядом, побледнел, затем вспыхнул до корней волос.

— Простите. Я сейчас перепишу всё с начала. Я…

— В папку «ПОТОМ».

— Куда?

Я отвела его в сторону, подальше от Рейма.

— Это моя папка. Туда отправляется всё, на что прямо сейчас нет ни времени, ни сил. Не только страх. Стыд за ошибку, усталость, злость на себя, обида, разговор, к которому ты не готов. Закрываешь крышку и возвращаешься к содержимому, когда сможешь. Не раньше.

— А если папка уже полная?

— Тогда придерживаешь крышку коленом. А сейчас исправь цифру. Идём дальше.

Он исправил. Руки ещё подрагивали, но почерк снова стал ровным. Когда мы выходили из амбара, Тибо тихо повторил себе под нос: «В папку». Я сделала вид, что не услышала. Его «принято» и моя папка — маленькие вещи, ничего не значащие для постороннего. Но именно из таких мелочей чужое место постепенно переставало быть совершенно чужим.

§

В доме гильдии хлебников пахло дрожжами, дымом и горячей коркой. Староста Горн встретил нас в комнате, где на стенах висели деревянные лопаты, отполированные ладонями до гладкости. Он был широкоплечим, с рубцами старых ожогов на руках. Письмо принца выслушал стоя.

— Женщине из Круга незачем считать чужое зерно. Вам положено слушать клятвы. А мы здесь хлеб печём.

— Согласна. Поэтому я считаю не ваше зерно. Я считаю, чем вы рискуете.

Я развернула лист с расчётами. Цифры, выведенные утром левой рукой, плясали по бумаге. Выглядели они скверно, зато были верными.

— Вашей гильдии хватит хлеба на тридцать два дня для всего города. Пока обозы из деревень идут по дороге вдоль реки, это безопасный запас. Но представьте, что Хальдрик падёт. Дорогу перережут, деревни перестанут возить зерно, а за городские стены придут те, кто бежит от войны. Ртов станет больше, и тридцать два дня превратятся в двадцать. Крепости нужно хлеба на шесть дней, для шестисот человек. Для вашего города это меньше суток. Отдадите сейчас, Хальдрик устоит, дорога останется открытой, и вы потеряете один день из тридцати двух. Не отдадите — получите двадцать. И после них ничего.

Горн долго изучал расчёты. Потом поднял глаза.

— Откуда вы знаете, сколько у нас хлеба? Мы не показывали вам книг.

— Рейм открыл амбары. По дороге мы прошли мимо вашей пекарни: восемь печей, шесть топятся. Дальше только деление.

— Считаете, как торговка.

— Приму за комплимент.

Горн хмыкнул. На этот раз в звуке было почти уважение.

— Шесть дней дам. Под расписку с печатью принца. И ещё кое-что. На мельнице у Серых ворот лежит мука покойного Харта. Наследники судятся, поэтому никто не трогает её третью неделю. Скоро от неё останутся крысы да сырость.

— На сколько дней её хватит крепости?

— На пять.

Тибо записал. И когда произнёс своё «принято», голос у него уже не дрожал.

Мельница у Серых ворот стояла в низине, возле ручья, который не замерзал даже зимой. Колесо без движения темнело над водой. Внутри, под грубым тканевым навесом, мешки лежали в три ряда. Крепкая мешковина, добротная работа, клеймо покойного Харта. Молодой мельник с густой щетиной встретил нас с вилами в руках. По его лицу было видно, что пользоваться ими он не горит желанием.

— Это не моё, госпожа. Наследники велели не трогать. Если возьму хоть мешок, они меня засудят.

— Если не тронете, вас засудят крысы.

Я указала на нижний ряд. Мешковина там потемнела от сырости, а из одного мешка, надгрызенного снизу, тонкой струйкой сыпалась мука.

Я показала мельнику письмо Дариана. Он прочёл его, почесал щетину и признал, что печать принца — это, конечно, печать принца. Но наследники Харта тоже люди не без влияния. Я предложила ему самому разыскать их и объяснить,

что мука пойдёт на нужды Хальдрика. Взамен они получат расписку с королевской печатью. Мельник пообещал отправиться к ним сегодня же. Я — оформить расписку при нём. Только тогда он опустил вилы.

— Верхние мешки перенесите в сухое место. Нижние перемелите первыми. Завтра пришлю телеги.

— Принято, госпожа.

Кажется, это слово и правда распространялось по городу быстрее любой заразы. Я впервые за день улыбнулась. Совсем немного, но улыбка вышла настоящей.

Двор возчиков раскинулся возле тех же Серых ворот. Под навесами стояли сорок телег, часть укрыта потрёпанными чехлами. Рядом жевали сено лошади — невозмутимые создания, которым политика была неинтересна до тех пор, пока кто-нибудь не забывал их накормить. Староста возчиков Лорка оказалась женщиной с голосом несмазанной оси и руками, способными, кажется, подковать лошадь без помощи кузнеца. Она внимательно прочла письмо и положила его на стол.

— Казна должна мне за полгода. Одиннадцать золотых. Печать у вас красивая, но мои лошади печати не едят.

— Мне нужны двадцать телег на месяц.

— Нужны — берите. Только пусть казна сначала вернёт долг.

Я достала из-под плаща кошель. В нём лежали шесть золотых, выигранных у Сейры: всё, что у меня здесь было. Раз-

вязать тесёмку одной рукой оказалось непросто, но я справилась. На стол легли три золотые монеты — одна за другой.

— Это аванс. Остальное принц выплатит до весны. Расписку подпишу сама. Эти деньги я выиграла на собственной свадьбе, так что считайте, будто платят молодожёны.

Лорка оглядела монеты, потом меня.

— Вы платите из собственного кошеля.

— Печать лошадям не по вкусу. Золото нравится всем.

Она сгребла монеты в ладонь.

— Двадцать телег. С возчиками. К рассвету.

Лорка принесла книгу выходов, чтобы показать, откуда взялись долги. Я листала записи, складывая цифры в уме, пока не заметила три строки, отмеченные красным.

— Что это?

— Не дошли. — Голос Лорки остался прежним, но ладони плотнее легли на книгу. — Три обоза за полгода. В каждом по пять возов и люди. Один раз вернулась лошадь. Без возчика. Казна говорит, разбойники. Разбойники в ущелье водятся, тут спорить не стану.

Я переписала даты на оборот листа. Первая — начало осени, вторая — поздняя осень, третья — две недели назад. По моей просьбе Лорка добавила места. Все три нападения случились на последнем переходе перед ущельем. Все три — ночью. И ни один другой обоз, шедший той же дорогой, не пропал.

Разбойники выбирают лёгкую добычу. Не нападают на

маршрут, где охраны больше обычного, если только не знают, что в нужный час охраны там не будет. А если знают заранее — это уже не случайность.

«Полгода кто-то передаёт сведения на ту сторону мглы», — сказал мне Дариан. Тогда я решила, что речь о военных планах, секретных письмах и больших предательствах. Но сведения могут быть куда мельче. Дата выхода обоза. Число телег. Час, когда дорога останется без защиты.

— Запишите, — сказала я Тибо. — Три даты. Одно место. Это не совпадение.

— Принято. Вы доложите принцу сегодня, госпожа?

— Сначала Сейре. Принцу я хочу принести не догадку, а то, что можно положить перед ним на стол. Но затягивать нельзя. Разберёмся после приёма.

На обратном пути я снова считала. Шесть дней хлеба для крепости от гильдии, пять дней муки Харта — одиннадцать. Двадцать телег Лорки, чтобы всё это перевезти. У Сейры было сорок пять дней: двадцать в запасе и двадцать пять за счёт подвоза. Мои одиннадцать увеличивали срок до пятидесяти шести. До шестидесяти, которые требовал Дариан, не хватало четырёх дней.

Я смотрела на эту цифру, пока она не начала плыть перед глазами, а правая рука ныла в такт счёту.

— Мало, — сказала я. — Четырёх дней не хватает.

— Это в папку «ПОТОМ», госпожа, — произнёс Тибо. — Сейчас вы нашли одиннадцать.

Я повернулась к нему. Он не повернул головы. Я хотела сказать, что он слишком быстро учится моим привычкам. Вместо этого ответила:

— Принято.

§

Рассадку я составила на ходу, между амбарами, а на лист перенесла за час до ужина. Считается, что место за столом — вопрос вежливости. На самом деле это оружие. И самое удобное в нём то, что его не нужно вынимать из ножен.

Исельду я посадила на длинную сторону подковообразного стола, ближе к помосту, между Тэйроном и лордом Тарном. Тэйрон начинал плакать ещё над супом и, судя по всему, не собирался останавливаться до конца ужина. Тарн говорил реже, чем меняется ветер, зато слушал так внимательно, что рядом с ним хотелось проверять каждое слово. Ориэль, как положено хронисту, стоял у стены за её спиной с книгой и слышал всё. Между молчуном и хронистом посол оказывалась в окружении свидетелей: ни одного вопроса нельзя было задать, не оставив его на слуху у обоих.

Дариан сидел напротив неё, через всю ширину стола. Между ними горели свечи. Достаточно далеко, чтобы Исельда не заговорила с ним вполголоса, и достаточно близко, чтобы она видела каждое его движение, а он мог делать вид, что не замечает её.

Ольсена я расположила по диагонали от посла. Он вошёл, увидел своё место и почти весь вечер не отводил от Исельды

взгляда. Борода у него двигалась в такт мыслям и, похоже, жила отдельной жизнью.

Когда Исельда появилась в зале, её шаг едва заметно сбился. Она осмотрела стол, нашла глазами Ольсена, затем Дариана, после чего направилась к своему месту между плачущим стариком и молчаливым лордом. Проходя мимо меня, она негромко произнесла:

— Умно.

— Благодарю. Это моя работа.

— Знаю. Свадьбу тоже вы устроили. Не принцесса, а организатор. Редкое сочетание.

Эш счёл это комплиментом с зубами. Я была с ним согласна.

Мирен по праву Совета домов заняла место слева от Дариана. Мне досталось справа. Я бы предпочла другую расстановку, но даже у меня не хватило наглости спорить с этикетом Совета. Золотая парча Мирен мерцала в свечном свете, каштановые волосы были стянуты в безупречный узел, а улыбка была ровной, как заглаженная скатерть.

Среди запасных кубков на буфете двигался рыжий хвост, и по нему было понятно: вечер уже получил оценку.

— Сводка, красавица. Тэйрон плачет по расписанию. Тарн молчит так выразительно, что его, кажется, слышно на кухне. Ольсен — семь с половиной: борода реагирует на посла раньше него самого. Исельда сидит прямее всех, кто не боится. Значит, либо боится меньше, чем следует, либо

отлично умеет прятать страх. А Мирен изображает мебель. Дорогую, красивую и очень внимательную.

Я не могла ответить. Ложку я держала правой, медленно, вилку не трогала вовсе и делала вид, что это новая придворная манера. Ужин шёл безупречно: блюда подавали вовремя, никто не нарушал порядок, рассадка работала.

В какой-то момент Ольсен наклонился вперёд и на весь стол спросил, правда ли, что в Вельдаре этой зимой выпало меньше снега, чем у нас. Исельда улыбнулась и ответила, что снега у них ровно столько, сколько требуется для хорошей войны. Ольсен расхохотался, тут же спохватился и превратил смех в кашель. Тэйрон, уже успевший прослезиться над рыбой, шёпотом спросил у Ориэля, стоявшего позади, нельзя ли внести в хронику запись о том, что рыба была превосходной. Ориэль ответил, что хроника хранит лишь то, что переживёт сегодняшний вечер. Рыба, по его мнению, к таким вещам не относилась.

Я следила за Дарианом. Он ел, отвечал соседям, слушал Мирен и ни разу не посмотрел на Исельду. Ему не требовалось искать её глазами — он и так знал, где она сидит. Это выдавали плечи, чуть напряжённые всякий раз, когда посол двигалась. Четыре года рядом не исчезают от одного решения смотреть в другую сторону.

Я уже решила, что вечер пройдёт без происшествий, когда Исельда положила вилку и обратилась к Дариану через стол. Голос у неё был негромкий, почти светский.

— Скажите, принц, как у вас обстоят дела с зимними дорогами? Мне рассказывали, что обозы к Хальдрику ходят раз в неделю и что этот участок бывает непростым.

Никто за столом не обернулся. Но я услышала каждое слово. Про город, запасы и цены она не спросила ничего. Она спросила о расписании. О том самом расписании, ради которого я сегодня обошла полгорода.

— Зимой дорога зависит от погоды, госпожа Исельда. Ответ вы получите в срок.

— Я всего лишь интересуюсь погодой.

Её улыбка была безупречной. И опасной. Она считала так же, как я. Это пугало сильнее открытой угрозы.

После этого подали жареную дичь. Разговор перешёл к цене соли, и Мирен, наклонившись к Дариану, спросила мягко, будто вокруг не было ни посла, ни ультиматума, ни надвигающейся войны:

— Ваше высочество, мой городской дом давно вас не видел. В четверг я устраиваю небольшой вечер, только для близких. Вы придёте?

Я положила ложку.

— А мне можно заглянуть?

Я произнесла это спокойно, деловым тоном. Мне хотелось лучше узнать королевство — так я и объяснила себе. Улыбка Мирен на мгновение застыла, затем вернулась на место, уже чуть менее естественная.

— Разумеется, дорогая. Для меня это будет честью.

— Если пожелаете, госпожа Нора, — сказал Дариан.

Я пойду туда ради сведений. Только ради них. Узнаю, кто из Совета домов кому должен, кто с кем в ссоре, кто и зачем носит золотую парчу. Неприятный укол где-то слева не имел к этому никакого отношения. В папку.

С буфета донёсся тихий голос Эша:

— Когда ты так ровно держишь ложку, у меня шерсть дыбом. Я не осуждаю. Просто фиксирую.

После десерта Исельда поднялась. Я ждала этого: по обычаю гостеприимства посол должен был произнести тост. Место для неё я предусмотрела заранее — два шага от Дариана, не больше. Она подошла с бокалом, остановилась на отмеренном расстоянии и подняла вино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.